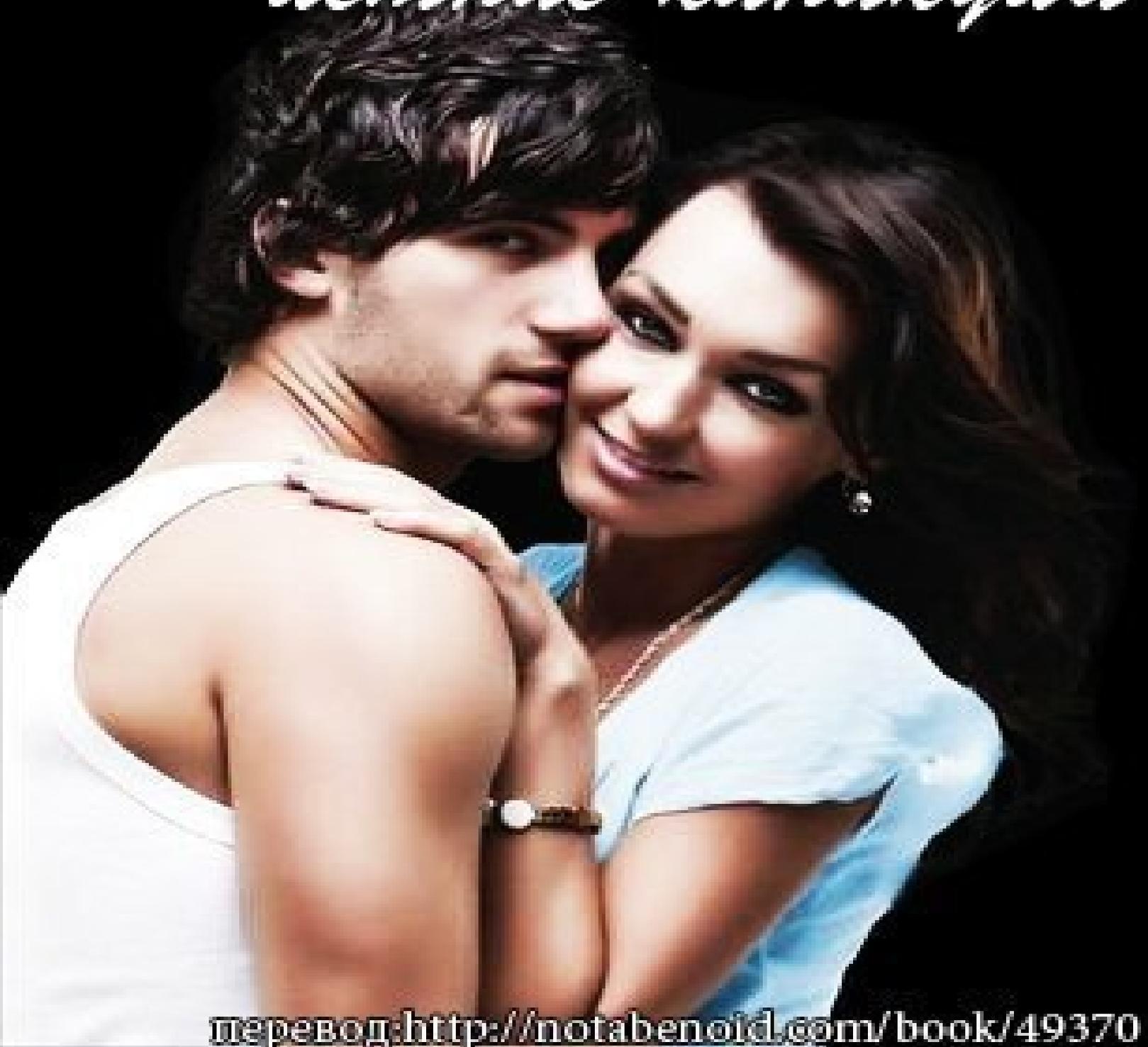

СИМОНА ЭЛЬКЕЛЕС

От автора серий «Идеальная химия» и
«Покидая Рай»

*Как разгрузить
летние каникулы*

перевод: <http://notabeno1d.com/book/49370>

Мошав? Что такое Мошав? Это "торговый центр" на иврите? Я имею в виду, Джессика рассказала мне, что в израильских магазинах продаются все последние новинки европейской моды. И это черное платье на Джессике просто шикарно. Я знаю что буду распродавать, если зайду с "донором спермы" в торговый центр, но, также, меня не отпускает мысль о всех тех шмотках, что я смогу привести домой по возвращению. К сожалению, для шестнадцатилетней Эми Нельсон "мошав" оказался не "торговым центром" на иврите. Далекое не торговым центром. Думаю, это козы, а не Гисси. Ехать с отцом в отчужденный Израиль последнее, что Эми хочет делать этим летом. Она серьезно обиделась на своего отца ака "донора спермы", который так редко появляется в ее жизни. Теперь же он тащит ее в зону военных действий для встречи с семьей, которую та никогда не знала. Туда, где она, вероятно, будет призвана в армию. Последней каплей становится то, что она застревает на все лето в доме, где напрочь отсутствует электричество и только одна ванная на семерых человек... Ни лучшей подруги, ни бойфренда, ни сотового телефона... Прощай, гордость — привет, Израиль.

Симона Элькелес

«Как разрушить летние каникулы»

(Первая часть трилогии «Как разрушить...»)

Перевод и редакция: Ирина Переседова,

Вилли Шумски

Anti Heroine

Как девушка подросток могла оказаться на ферме в Израиле вместе с отцом, которого она почти не знает? Ой, yeu1, ты даже не догадываешься.

Мошав? Что такое Мошав? На иврите это означает "торговый центр"? Джессика рассказывала мне, что в израильских магазинах продаются все последние новинки европейской моды. А то черное платье великолепно на ней смотрится. Я знаю что поход по магазинам с «Донором Спермы» будет ужасен, но также меня не отпускает мысль обо всех тех вещах, которые я смогу привезти домой.

К сожалению, для шестнадцатилетней Эми Нельсон Мошав оказался не "торговым центром". Далек не торговым центром.

Эми меньше всего хотела провести лето в Израиль вместе с отцом, которого она практически не знает. Эми обижена на своего отца — «Донора Спермы», ведь он так редко появляется в ее жизни. И вот теперь они едут в зону военных действий для знакомства с семьей, о которой она раньше ничего не слышала. Возможно, там ее призовут в армию. Но чашу терпения переполнило осознание того, что она застряла в доме, где отсутствует кондиционер, а на семь человек только одна ванна — комната. Ни лучшей подруги, ни парня, ни покупок, ни телефона...

Прощай гордость, здравствуй Израиль.

Родители могут изменить твою жизнь за считанные секунды

Каким образом довольно умная шестнадцатилетняя девушка оказалась в затруднительной ситуации и не может из нее выбраться? Ну что ж, пока я в понедельник днем сижу в Чикагском международном аэропорту О'Хара с задержкой рейса в час и сорок пять минут, я думаю о последних двадцати четырех часах моей теперь уже запутанной жизни.

Вчера я сидела в своей комнате, когда позвонил мой биологический отец Рон. Нет, вы не понимаете... Рон никогда не звонит. Ну, за исключением моего дня рождения, и то это было восемь месяцев назад.

Дело в том, что после их студенческого романа, мама узнала, что беременна. Она из богатой семьи, а Рон... ну, он нет. Мама и ее родители, подталкивающие ее, сказали Рону, что лучше, если его не будет в нашей жизни. Они были неправы. Но что хуже всего то, что он сдался, даже не сопротивляясь.

Знаю, он переводит деньги на мой банковский счет и приезжает ко мне на День Рождения поужинать, но что с того? Мне нужен отец, который всегда будет рядом.

Раньше он часто ненадолго заходил к нам, но я, в конце концов, попросила его оставить меня в покое, желая, что бы моя мама могла найти мне настоящего отца. На самом деле, я не это имела в виду, думаю, я просто хотела испытать его. Он с треском провалился.

Что ж, на этот раз он позвонил маме и сказал, что хочет взять меня в Израиль. Израиль! Ты знаешь, что это маленькая страна на Ближнем Востоке, вызывающая столько разногласий. Вам не надо смотреть новости на TiVo2, чтобы узнать, что Израиль — это очаг межнациональной вражды.

Знаю, я немного отошла от темы, так что давайте вернемся к произошедшему событию. Мама протянула мне телефон, даже не сказав "это твой папа" или "это парень, с которым у меня была случайная связь, но за которого я не вышла замуж", чтобы предупредить меня, что это он.

Я все еще помню, как он сказал:

— Привет, Эми. Это Рон.

— Кто?

Я не умничаю, просто я не до конца осознаю, что мне позвонил парень, от которого я получила половину генов.

— Рон... Рон Барак, — отвечает он чуть громче и медленнее, как будто я полная дура.

Я удивленно застыла на месте, не в силах что — либо ответить. Веришь ты или нет, но иногда молчание идет мне на руку. Это я узнала из многолетней практики. Молчание заставляет людей нервничать больше меня. Я громко вздохнула, дав ему знак, что я ещё на линии.

— Эми?

— Да?

— Хм... Я просто хотел, чтоб ты знала, твоя бабушка больна, — произносит он с израильским акцентом.

Безликий образ маленькой седой старушки, пахнувшей детской присыпкой и плесенью, и чья жизненная цель — это выпечка шоколадного печенья, ненадолго появляется в моей

голове.

— Я не знала, что у меня есть бабушка.

Острая боль печали и жалости к себе пронзает меня от мысли, что я никогда не знала о своей бабушке, и сейчас услышав о ее болезни, я не очень хорошо себя чувствую. Я заталкиваю эти чувства на задворки мыслей, туда, где они будут в безопасности.

Рон откашлянулся.

— Она живет в Израиле и, э — э... я собираюсь туда на лето. Я хотел бы взять тебя с собой.

В Израиль?

— Я не еврейка, — выпалила я.

Тихий звук, похожий на огорчение, вырывался с его губ прежде, чем он продолжил:

— Эми, не обязательно быть евреем, чтобы поехать в Израиль.

И не обязательно быть гением, чтобы знать, что Израиль находится в центре зоны военных действий. Зоны военных действий!

— Спасибо за предложение, но этим летом я еду в теннисный лагерь. Передай бабушке, что я желаю ей скорейшего выздоровления. Пока, — я повесила трубку.

Представь себе, не прошло и более четырех секунд, а мой телефон снова зазвонил. Я знаю, это Рон. Вряд ли за этот год он позвонил мне больше двух раз, зато сейчас он звонит уже дважды за последние несколько секунд. Немного иронично.

Мама сняла трубку в гостиной. Я попыталась подслушать разговор из своей спальни, но, к сожалению, ничего не слышно. Просто бормотание, бормотание и снова бормотание. Примерно через долгих сорок минут разговора мама пришла, постучалась в мою дверь и сказала, чтобы я собирала вещи для поездки в Израиль.

— Ты шутишь, верно?

— Эми, ты не можешь постоянно избегать его. Это не справедливо.

Не справедливо? Я скрестила руки на груди.

— Извини, но не справедливо то, что вы двое даже не попытались жить как настоящие родители. Не говори мне о справедливости.

Я знаю, мне шестнадцать и сейчас я должна быть рядом с ним, но я не хочу. Я никогда не говорила, что идеальна.

— Жизнь не так проста, как кажется. Повзрослев, ты это поймешь. Мы все совершали ошибки в прошлом, но пришло время исправлять их. Ты едешь. Это уже решено.

Меня охватывает приступ паники. Я решила сменить тактику и попытаться вызвать чувство вины.

— Меня убьют. Хотя, может, в конце концов, именно этого ты хочешь...

— Эми, прекрати драматизировать. Он пообещал мне, что обеспечит твою безопасность. Для тебя поездка в Израиль будет хорошим жизненным опытом.

В течение последующих двух часов я старалась как — нибудь выкрутиться из сложившейся ситуации. Я правда старалась. Надо было догадаться, что попытки спора с мамой не принесут ничего, кроме боли в горле.

Я решила позвонить моей лучшей подруге Джессике. Понимающей и поддерживающей Джессике.

— Привет, Эми. Что такое? — раздался радостный голос на другом конце линии. Обожаю определитель номера.

— Мои родители решили разрушить мою жизнь.

— Что значит "родители"? Рон звонил?

— Ох, да. Он позвонил и каким — то образом убедил мою маму отменить мои летние планы. Теперь я вместе с ним еду в Израиль Они хотят моей смерти?

— Хм... Эми, поверь, ты действительно не захочешь услышать мое мнение.

Я хмурю брови, медленно осозная, что Джессика, моя самая лучшая подруга в мире, не собирается поддерживать меня на сто десять процентов.

— Это территория военных действий! — говорю я медленно, чтобы до нее полностью дошло.

Я слышу смех на другом конце линии.

— Ты шутишь? Черт, моя мама каждый год ездит в Тель — Авив на шопинг. Она говорит, что у них бриллианты чистейшей огранки. Помнишь мое любимое маленькое черное платье? Она там его купила для меня. У них лучшая европейская одежда и я...

— Джесс, мне сейчас необходима поддержка, а не какая — то чушь про бриллианты и одежду, — говорю я, перебивая ее фразу «Израиль — это все». Черт побери!

— Прости. Ты права.

— Ты когда — нибудь смотришь новости?

— Конечно, у Израиля есть некоторые трудности. Но мои родители говорят, многое из того, что показывают по телевизору — пропаганда. Просто не зависай на автобусных остановках или в кофе. С Роном ты будешь в безопасности.

— Ха.

— Ты сердишься на меня? Я бы могла тебе солгать и сказать, что твоя жизнь разрушена и нельзя ничего изменить. Разве от этого ты бы почувствовала себя лучше?

Джессика единственный человек, который может безнаказанно подкалывать меня.

— Джесс, определенно ты юмористка. Ты же знаешь, я никогда не сержусь на тебя, ведь ты моя лучшая подруга на все времена.

Хотя, что говорить о нашей дружбе, когда у моей лучшей подруги нет моих проблем с поездкой в зону военных действий?

Меньше чем через двадцать четыре часа спустя я сидела в аэропорту, ожидая начала посадки на наш рейс Израильской авиалинии "Эль Аль"

Осмотревшись, я наблюдаю, как парень в темном костюме приседает на корточки и заглядывает под каждый ряд сидений. Интересно, если он найдет бомбу, он знает, как обезвредить ее?

Я перевожу взгляд на своего биологического отца, человека, едва ли существующего в моей жизни, читающего газету. Он попытался поговорить со мной по пути в аэропорт. Я проигнорировала его попытки, одев наушники и слушая айпод.

Осознавав, что я наблюдаю за ним, он положил газету вниз и повернулся в мою сторону. У него короткая стрижка. Его волосы густые и темные, как и у меня. Я знаю, что если бы он их отрастил, они бы тоже завивались. Как же это тяжело, выпрямлять мои вьющиеся волосы каждое утро. Ненавижу свои волосы.

У моей мамы глаза зеленые, а у меня голубые. Люди говорят, что мои глаза ярко — голубые будто светятся. Я считаю, что глаза являются — это моя лучшая черта.

К несчастью, главное, что я унаследовала от мамы — это большая грудь. Помимо других волос, я бы хотела иметь грудь поменьше. Когда я играю в теннис, они мне мешают. Ты никогда не пробовала двуручный удар слева с огромной грудью? В самом деле, в теннисе

должны ввести ограничения для людей с большой грудью.

Может быть, когда я стану старше я их уменьшу. Джессика говорила, что во время операции доктор целиком удалит ареолу, знаешь, такой розовый кусочек в центре ваших сисек, а затем, отрезав лишнее, он приделает ареолу назад.

Не думаю, что мне понравится, если мои розовые кусочки отделят от всего остального.

Размышляя об отделении ареол, я понимаю, что Рон по — прежнему смотрит на меня. Правда, судя по выражению его лица, он, возможно, думает, будто я испытываю отвращение, находясь рядом с ним. Не могу же я ему объяснить, что пытаюсь представить, как буду выглядеть с отрезанными розовыми кусочками.

Я все еще злюсь на него, в первую очередь за то, что он тащит меня в эту дурацкую поездку. Из — за него этим летом я не попала в теннисный лагерь. И это значит, что осенью я, скорее всего, не пройду отбор в школьную команду. А я очень хочу попасть в сборную.

И в довершение всего, Митч, мой бойфренд, даже не знает, что я уехала. Он отправился в поход вместе с отцом на пару недель и его мобильный недоступен. Мы только начали встречаться и если мы не сможем провести вместе оставшуюся часть лета, он просто найдет себе кого —нибудь еще, кто будет здесь с ним.

Я даже не знаю, почему Рон хочет, чтобы я поехала вместе с ним. Он даже не нравится мне. Мама, вероятно, хотела, чтобы я покинула дом для того, чтобы она могла уединиться со своим очередным парнем.

Ее нынешний бойфренд, Марк, считает, что он единственный. Если бы. Неужели он не понимает, что как только мама встретит кого — либо покрепче и получше его, она сразу даст ему отворот — поворот?

— Мне надо в туалет, — сказала я Рону.

На самом деле мне туда не нужно, но взяв свою сумочку, я пошла по коридору. Когда я вышла из поля зрения Рона, я на ходу достала свой сотовый. Мама дала мне телефон "только для экстренных случаев".

Определенно, экстренная ситуация на подходе.

Двенадцати часовой перелет следует провозгласить незаконным

Я иду дальше по коридору и набираю номер Джессики.

— Пожалуйста, будь дома, — умоляю я, в то время как останавливаюсь у окна и смотрю на самолеты, припаркованные у выходов на посадку. Обычно я не молюсь, это не в моем характере. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер и я, прежде всего, приспосабливаюсь к обстоятельствам. Время от времени.

— Эми?

Услышав ее голос, я сразу лучше себя почувствовала.

— Да, это я. Мой рейс задерживается.

— Ты до сих пор психуешь?

— Да. Скажи мне ещё раз, почему я не должна волноваться?

— Эми, все не может быть так плохо. Если я могу что — нибудь сделать...

Настало время, чтобы рассказать Джесс о своем плане. Я уже обдумала его.

— Есть одна мысль...

— Какая?

— Забери меня из аэропорта. Международный терминал. Я спрячусь рядом с зоной прибытия "Эль Аль". Жди меня там.

— Подожди, что?

— Затем я как — нибудь попаду в теннисный лагерь и... ох, я не знаю. Рон хочет, чтобы я была прекрасной дочерью, но он самый паршивый отец всех времен и народов...

Из моей руки выхватывают мобильный телефон, прерывая краткую речь о "паршивом папочке". Вором оказался, конечно же, ни кто иной, как сам паршивец.

— Эй, отдай! — говорю я.

— Алло? Кто это? — Рон рывкает в мой телефон, словно командующий армией с дефектом речи.

Я не слышу Джессику. Надеюсь, она ему ничего не ответит.

— Джессика перезвонит тебе, как только сможет, — говорит он, затем резко захлопывает крышку.

Он даже не дал мне возможности попросить ее позвонить Митчу, чтобы он знал, что я уехала на лето.

— Почему? Зачем ты разрушаешь мое лето и везешь меня в Израиль?

Он засунул мой телефон в свой задний карман.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась со своими родственниками, пока еще не слишком поздно. Вот почему.

Так это не имеет никакого отношения к тому, что Рон желает узнать меня лучше и провести со мной время?! Нет, с этого момента я хочу быть с отцом, я всегда должна бала быть с ним.

Мне не следовало огорчаться, но это так.

— Началась посадка на рейс 001 в Тель — Авив, выполняемый авиакомпанией "Эль Аль" со стыковкой в Ньюарк3, — сообщает голос с израильским акцентом через громкоговоритель. — Пассажиры, занимающие ряды с тридцать пятого по сорок пятый, пожалуйста, приготовьте свои посадочные талоны и паспорта для персонала.

— Знаешь что, — говорит Рон, — я верну тебе телефон, если ты будешь сотрудничать со мной и сядешь в самолет. Идет?

Как будто у меня есть другие варианты.

— Ладно, — говорю я, протягивая руку. По крайней мере, у меня будет небольшая ниточка к независимости и здравомыслию.

Он вручает мне телефон, и я скрепя сердце следую за ним в самолет.

Наши места с Роном в последнем ряду, шестидесятом. Я рада, что за спиной у меня никого не будет, так что я могу расслабиться на время двенадцатичасового перелета в Тель-Авив.

Если конечно в самолете не заложена бомба и его не захватят террористы, и мы умрем прежде, чем попадем в зону боевых действий. Думая о террористах на борту самолета, я смотрю на Рона.

— Я слышала, что на всех рейсах "Эль Аль" присутствуют воздушные маршалы, — говорю я, в то время как запихиваю рюкзак под переднее сиденье. — Это правда?

Не знаю, начинала ли я когда — нибудь раньше разговор с Роном, и, кажется, он потрясен. Перед тем как ответить, он оглядывается вокруг в поисках кого — то, кому я задаю вопрос.

— На "Эль Аль" всегда присутствуют воздушные маршалы.

— Сколько? — просто если всего один маршал авиации пойдет против пятерых террористов, ему крышка.

— Много. Не беспокойся, у "Эль Аль" отличная охрана.

— Угу, — говорю я, не очень убежденная, пока смотрю на парня со сросшимися бровями, сидящего слева от меня, который выглядит довольно подозрительно. Мистер «Сросшиеся брови» улыбается мне. Его улыбка исчезает, как я понимаю, из — за того, что Рон свирепо глядит на него.

После стольких лет, в течение которых Рон фигурировал в моей жизни только в дни рождения, у меня такое ощущение, будто он не имеет никаких прав называться моим отцом. Когда я была младше, он приезжал забрать меня на ежегодный праздничный выход, я боготворила его. Он был как супергерой, который исполнял все мои желания и относился ко мне, как к "Принцессе на день".

Но когда я поняла, что отец вообще — то должен быть со своим ребенком каждый день, я начала обижаться. В прошлом году я его проигнорировала. Я тайком ушла из дома, оставив записку, что вышла погулять с друзьями и вернулась с наступлением темноты.

С моей мамой нелегко. Она бросает мужчин ради спортивного интереса. О Роне мне известно только то, что он когда — то был бойцом спецназа израильской армии.

Спецназовец, который слишком труслив, чтобы бороться за брак с женщиной беременной от него, по — моему, это еще хуже.

Когда я повзрослею, я не буду такой как моя мама. А также не буду такой как Рон.

Вскоре мы приземляемся в Ньюарке, чтобы принять на борт еще пассажиров. Я никогда не ела сардины, но когда люди начинают подниматься и заполнять каждое свободное место в самолете, мне приходят на ум эти отвратительные рыбки. Меня поражает, как много людей садится в самолет, чтобы полететь в место, находящееся в предостерегающем списке для американских граждан.

Когда мы взлетаем, я нажимаю на небольшую кнопку, чтобы откинуть спинку сиденья, потому что начинаю утомляться.

Только у нас задний ряд и я очень быстро осознаю, что сиденья в последнем ряду не откидываются. Ладно, теперь это не радует. Это не просто короткий перелет в Орландо. Это чудовищный двенадцатичасовой полет туда, куда я, во — первых, не хочу ехать, чтобы, во — первых, познакомиться с больной бабушкой, о существовании которой я не догадывалась. (Знаю, у меня два "во — первых", но в данный момент в моей жизни нет ничего, что могло бы быть на втором месте... все на первом.)

Пока я пытаюсь откинуть спинку кресла, человек передо мной откидывается так сильно, что моим ногам едва хватает места. В моем животе зарождается ощущение, от которого хочется плакать. Я ничего не могу поделать. Я ненавижу этот самолет, я ненавижу маму за то, что заставила отправиться в эту глупую поездку, и я ненавижу Рона за всё остальное.

Через несколько часов я встаю, чтобы пойти в туалет, в этот раз по — настоящему. К сожалению, уже, как минимум, сто человек воспользовались уборной и на полу валяются обрывки туалетной бумаги. Вдобавок ко всему на полу много мелких капель. Это капельки мочи или воды? Мои сабо "Dansko" не привыкли к таким издевательствам.

Возвратившись на свое место, я к своему удивлению, наконец, заняла удобное, пусть и вертикальное, положение для сна. Сон сейчас был бы блаженством. Капитан выключает свет, и я закрываю глаза.

Кто — то кричит, и я вздрагиваю, пробуждаясь из царства грёз. Прямо надо мной, практически возле лица находится хасид ⁴. Еврей. Знаете, один из тех парней, которые носят черную шляпу, пальто и длинные, закрученные бакенбарды, спускающие по лицу и на шею. Джессика (она еврейка) сказала мне, что они сверхрелигиозны и стараются следовать всем шестистам или около того божьим правилам. У меня достаточно хлопот с мамиными правилами, не говоря уже о шестистах божьих.

Мне требуется минута, чтобы понять, что его глаза закрыты, и он молится. Но он не молится на своем месте, а молится прямо рядом с моим. Он подпрыгивает вниз и вверх, глаза закрыты, а лицо полностью сосредоточено. Более того, когда мои глаза привыкают к темноте, я понимаю, что все хасидские евреи собрались в задней части самолета помолиться.

Но это не похоже ни на одну молитву, а больше напоминает какое — то песнопение, смешанное с бормотанием. Возможно, они и не молятся. Но потом мужчина, полагаю их лидер, говорит несколько громких слов, они все отвечают и продолжают свое бормотание на распев. Да, они молятся

Они должны делать это одновременно?

И что это за ремешки на запястье и предплечье, и коробка, привязанная к макушке?

Теперь, когда я рассмотрела их лучше, я восхищаюсь этими людьми, за то, что они посвятили себя религии и молятся, вместо того, чтобы спать. Не поймите меня не правильно, я восхищаюсь, но не буду делать так же.

Смотрю на спящего крепким сном Рона. Он привлекательный мужчина, если вам нравится угрюмый, погруженный в раздумья тип парней. Мне нет. У моей мамы очень бледная кожа, белокурые волосы и зеленые глаза. Вероятно, в ту роковую ночь она была в своей "противоположной" фазе, когда они с моим отцом оказались вместе.

Интересно, хотел ли Рон, чтобы я не родилась? Если бы он решил остаться в комнате своего брата в общежитии университета штата Иллинойс, а не следовать за мамой в её университетский женский клуб семнадцать лет назад, тогда он бы не оказался в тупике с

ребенком, который обижается на него.

Его глаза внезапно открываются, и я откидываюсь на спинку кресла, делая вид, что смотрю на экран телевизора без наушников в ушах. Единственное, что я могу сказать хорошего об "Эль Аль" — у них есть персональные телевизоры, встроенные в спинки сидений. Что само по себе чудо.

— Думаю, тебе там понравится, — говорит Рон. — Хотя я и живу в Америке уже семнадцать лет, Израиль всегда будет частью меня.

— И...? — произношу я.

Он слегка пододвигается в кресле и смотрит прямо на меня.

— И твоя бабушка также хочет стать частью тебя. Не разочаровывай ее.

Моргнув, я улыбаюсь ему своей знаменитой ухмылкой, приподнимая один уголок рта.

— Ты, наверное, шутишь. Не разочаровывать её. Я не знала о её существовании до вчерашнего дня. Как насчет того, что она разочаровывает меня? Если ты помнишь, она не была безумно любящей бабушкой.

Поверьте, я знаю людей, у которых есть безумно любящие их бабушки. Бабушка Джессики, Перл, четыре года вязала ей одеяло. Четыре года! При этом у нее артрит. Интересно, что подумала бы бабушка Перл, если бы узнала, что Джессика потеряла девственность с Маклом Гринбергом под одеялом, которое она четыре года вязала своими скрюченными пальцами.

Вздыхнув, Рон отвернулся к своему личному небольшому телевизору. Я замечаю, что он тоже не надел наушники.

Я откинулась на спинку кресла. Долгое молчание окружает нас, настолько долгое, что думаю, если я взгляну на него, то обнаружу его снова спящим.

— Как мне называть ее? — спрашиваю я, продолжая смотреть на экран перед собой.

— Ей понравится, если ты будешь звать ее Савта. Это означает бабушка на иврите.

— Савта, — тихо говорю себе, пытаюсь понять, как звучит это слово, когда я его произношу. Взглянув на Донора Спермы, я замечаю, что он кивает. Его подбородок приподнят, и он слегка улыбается, как будто он горд. Тьфу!

Я вновь поворачиваюсь к персональному телевизору, на экране которого информация о том, сколько еще лететь до того, как мы приземлимся в Израиле. Четыре часа и пятьдесят пять минут.

К этому времени хасидские евреи уже вернулись на свои места. Я снова закрываю глаза и к счастью погружаюсь в сон.

Не успеваю я опомниться, как стюардесса что — то произносит на иврите. Я жду, пока она повторит на английском.

— Мы начинаем снижаться над Тель — Авивом, пожалуйста, поднимите спинки ваших кресел в вертикальное положение...

Экстренное сообщение — мое кресло находилось в вертикальном положении в течение всего двенадцатичасового перелета!

Я не грубая. Я всего лишь подросток с принципами

Сотрудница иммиграционной службы аэропорта Бен — Гурион в Тель — Авиве спрашивает Рона, (у которого есть двойное гражданство: израильское и американское), кто я такая.

— Моя дочь, — отвечает он.

— Ее зарегистрировали как гражданку Израиля?

Эта женщина шутит? Я? Гражданка Израиля? Но посмотрев на серьезное лицо пограничника, я запаниковала. Я слышала, что в странах Ближнего Востока принимают американских детей, но обратно не выпускают. Я не хочу быть гражданкой Израиля. Я хочу домой. Прямо сейчас!

Я развернулась, направившись обратно к самолету. Надеюсь, капитан разрешит мне полететь обратно... я готова лететь в "брюхе" самолета, или в багажном отсеке, или в проклятом контейнере для перевозки животных. Только вытащите меня отсюда!

Я уже почти у двери. На горизонте уже виднелась свобода, когда я почувствовала руку на своем плече.

— Эми, — раздался задумчивый голос Рона за моей спиной.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Они ведь не позволят мне вернуться домой, не так ли? Ты затащил меня в эту страну, где нужно стать ее гражданином. Боже. Они ведь всех, даже девушек, отправляют в армию по достижению совершеннолетия, верно? Я слышала об этом, так что даже не пытайся отрицать это.

Знаю, сейчас я говорю как сумасшедший шестнадцатилетний подросток. Мой голос повысился на несколько октав, нежели обычно. Но это мне не поможет, поэтому я продолжала бормотать:

— Ты заставишь меня остаться здесь, а потом меня призовут в армию, не так ли?!

Я уже вижу, как обмениваю свою одежду от Abercrombie&Fitch на униформу. Мое сердце забилось быстрее, а по лицу скатились маленькие капельки пота. Клянусь, это не слезы, а всего лишь пот.

— Рон, буду честной, я сомневаюсь, что я — твой ребенок. Ты делал тест ДНК?

Рон смотрит в потолок и шумно вздыхает. Когда он вновь посмотрел на меня, его карие глаза были темнее, чем обычно. Его челюсти плотно сжаты.

— Эми, успокойся. Ты устраиваешь сцену.

— Старик, — твердо проговорила я, контролируя свой голос. Сейчас я словно Анджелина Джоли, прямо как в том фильме, где она надирает задницу всем, кто перейдет ей дорогу, — я еще не начала устраивать сцен.

К нам подходит солдат с очень, очень большим автоматом. Он практически побрит наголо, и могу сказать, что взглянув на него, можно понять, что он нервно держит палец на курке. Замечательно. Моя жизнь кончена, я останусь в этой стране третьего мира до конца своих дней, которые, похоже, уже сочтены.

— Mah carrah5? — сказал на иврите солдат Рону. Для меня это звучит как "Макарена?" или "Убить Эми?".

— Ha'kol b'seder6, — отвечает Рон.

Никогда бы не подумала, что буду жалеть о том, что не знаю иврит. В школе я изучаю испанский.

Мое сердце все еще бьется, когда я спрашиваю:

— Что ты сказал? Что происходит? — я боюсь ответов, но стараюсь быть храброй, что бы потом рассказать Американским спецслужбам всю информацию, которую сумею добыть, прежде чем сбегу. Я уверена, Американское правительство захочет узнать, что здесь происходит.

— Ты не гражданка Израиля. Тебя не призовут в армию.

— Тогда что тебе сказал солдат?

— Он спросил, все ли у нас в порядке, я сказал, что все нормально. Не более того.

«Мило», — подумала я.

Лишь потому, что он сильно сжал мою руку, я последовала за ним обратно к пограничнику.

Все это время он говорит с сотрудницей на иврите, наверное, лишь для того, чтобы убедиться, что я его не понимаю. Он точно заключает сделку, чтобы продать меня в детское рабство. Хотя я считаю себя довольно продвинутой в текущей ситуации, но, по правде говоря, никогда не слышала, что в Израиле есть детское рабство.

Вскоре, она штампует мой паспорт (который мама подготовила для меня на случай чрезвычайных ситуаций год назад, а папочка согласился на это, думая, что она тайно планирует забрать меня на Ямайку или Багамы), и мы направились в зону выдачи багажа. Сделав двенадцать шагов, мы оказались там.

— Пойдем со мной, нужно взять тележку, — велит Рон.

— Здесь подожду, — я хочу, что бы он знал — я не выполняю отцовских приказов.

Он скрещивает руки на груди.

— Эми, после сцены, которую ты устроила, я не собираюсь играть в доверчивого отца.

— В игре "любящий отец" ты точно не преуспел, — слова сами слетают с языка, как будто кто — то другой заставляет меня все это сказать. — А какого же отца ты сможешь сыграть, Рон? Знаешь, я смогу понять только, когда увижу.

Чаще всего Рон не показывает свою злость, но, несмотря на то, что вместе мы мало проводили время, я с уверенностью могу сказать, что знаю, как изменяется интонация его голоса или как учащается его дыхание.

— Юная леди, не думай, что ты достаточно взрослая, чтобы избежать наказания.

Моя знаменитая усмешка уже наготове.

— Пойми, дорогой папочка, быть здесь с тобой уже достаточно наказание.

Обычно, я не такая грубая, это ненастоящая я, но мое негодование по отношению к Рону, неуверенность в его отеческой любви заставляют меня вести себя цинично. В половине случаев я даже ничего не знаю о нем. Думаю, обижая его, я даю ему повод не любить меня.

Его дыхание учащается.

— Жди. Здесь. И. Точка.

Он удаляется, но я просто не могу стоять здесь. Осматривая аэропорт, мой взгляд сфокусировался на предмете, устоять перед которым не могут большинство подростков. Автомат с кока — колой. (Здесь можно вставить музыкальное сопровождение арфы, потому что сейчас именно она играет у меня в голове). Словно в трансе я пробираюсь сквозь толпу. Кока — кола зовет меня:

— Эми, Эми, Эми. Я знаю, ты горячая и капризная. Эми, Эми, Эми. Я знаю, что ты вспотела, как отвратительная свинья. Эми, Эми, Эми. Я решу все твои проблемы.

Коснувшись автомата с кока — колой, я почувствовала прилив свежести. Я готова кинуть деньги в слот. Впервые за двадцать четыре часа я чувствую первые признаки улыбки. А потом я посмотрела на цену. Моя кока — зависимость влетит мне в копеечку.

У меня отвисает челюсть, а губ слетает визг.

— Семь долларов и восемь центов? Это грабеж!

— Это цена в шекелях, — сказала с акцентом женщина с двумя детьми, обнимающими ее. — Семь шекелей и восемь агорот.

— Шекелей? Агорот? — У меня не было шекелей. Я уверена, что и агорот у меня не было. А может, она говорила про коз?!

У меня есть только американские доллары. Ищу знак, который указывает, что в аэропорту есть банк. Следую по указателям, направляясь к банку. Это на другом конце терминала. Если потороплюсь, Рон даже не заметит, что я уходила.

Прежде чем поменять деньги, нужно встать в очередь. Ну и, конечно же, передо мной куча народу. Мне нужно вернуться к месту выдачи багажа, но я не хочу потерять свое место в очереди. Если эти люди будут двигаться чуть — чуть быстрее, я смогу получить свои шекели и агороты для кока — колы в кратчайшие сроки.

Посмотрев на время, я спросила себя: как давно я жду? Десять минут? Двадцать? Так легко потерять счет времени.

Наконец — то, очередь доходит до меня. Я достаю двадцатку из бумажника и протягиваю ее сотруднику банка.

— Паспорт, — говорит он.

— Я просто хочу обменять деньги, — уточняю я.

— Я понимаю. Мне нужен номер Вашего паспорта для обмена.

— Он... у моего отца, — говорю я. Рон забрал его, чтобы я его не потеряла. — Вы не можете просто дать мне шекели без него?

— Нет. Следующий, — говорит он, протягивая мне назад мою двадцатку, и смотрит на позади стоящего клиента.

У меня отвисла челюсть. Я потратила столько времени на колу, которую даже не смогу получить. Невероятно!

Я возвращаюсь обратно к Рону, на место выдачи багажа. Он разговаривает с двумя солдатами и как только он взглянул на меня, моим первым желанием было убежать в противоположном направлении. Я не сделала ничего плохого. Да, он сказал мне оставаться на месте, но, клянусь, я думала, что на это уйдет не больше минуты.

Назовите это подростковой интуицией, но почему — то я не думаю, что Рон будет слушать мои объяснения. Что — то сказав офицерам, он намеренно медленно направился ко мне. Я думаю, он специально так медленно идет, потому что обдумывает все способы моего убийства и расчленения. Интересно, в школе командосов учат расчленению?

К тому времени, как Рон подошел ко мне, я была готова. Что — то похоже на "arrr" и "угх" вырывается из его рта, но затем он поворачивается к карусели выдачи багажа. Я замечаю, что наши сумки единственные оставшиеся. Он дергает их и бросает на телегу так, словно они весят два фунта.

Мой чемодан превышает лимит веса. Я знаю это, потому что ему пришлось доплатить более ста долларов, чтобы нас посадили на самолет с таким багажом. На заметку: Рон очень

сильный.

Я просто смотрю на него, ожидая его гнева. Поверьте, я знаю, это случится. Жутко, ведь я ожидала, что сейчас он выкажет свою злость. Предсказуемый родитель — хорошо. Непредсказуемый родитель — худший кошмар подростка.

Рон несется к выходу, толкая тележку с сумками, а я продолжаю стоять здесь, мои ноги прилипли к полу аэропорта. Ну вот, теперь это происходит со мной: мой дорогой, старый папочка только что превзошел меня. Черт.

В обычной ситуации я бы заставила ждать его так долго, как могла, чтобы заставить его попотеть. Позволила бы ему думать, что могу не последовать за ним. Но взглянув на двух солдат, которые направились ко мне, я повернулась и со всех ног помчалась к выходу.

Прощай, гордость. Здравствуй, Израиль.

У меня аллергия на перемены

Я замечаю Рона у счетчика проката автомобилей. Он не смотрит на меня и его даже не волнует, пошла я за ним или нет. Я встаю рядом, но он делает вид, будто меня тут нет. Я громко и раздраженно вздыхаю.

Он все еще не смотрит на меня.

Леди в прилавке вручила ему ключ и что — то сказала на иврите. Улыбнувшись, он сказал ей "Todah", — и толкнул нашу тележку с вещами.

— Прости. А сейчас хватит меня игнорировать.

Он остановился.

— Тебе когда — нибудь приходило в голову, что я беспокоюсь о тебе?

Я могла бы солгать, но что толку?

— Честно говоря, нет.

Он пробегается рукой по волосам. Почему парни делают так, когда она расстроены? Они думают, что выглядят как мачо? Знаю, почему девчонки так не делают. Они бы испортили прическу, над которой трудились полчаса, укладывая волосы, вот почему. Тем более девчонкам не нужно изображать из себя мачо.

— Шевелись. К тому времени как мы доедем до Мошава, стемнеет.

— Мошав? Что такое Мошав? На иврите это означает торговый центр? — Джессика рассказала мне, что в израильских магазинах продаются все последние новинки европейской моды. И то черное платье шикарно на ней сидит.

Знаю, ходить по магазинам с Донором Спермы будет ужасно, но меня не отпускает мысль обо всех тех шмотках, которые я смогу привести домой по возвращению.

Это смешно, но когда я думаю о торговом центре, я забываю о бомбежках террористов, которые могут произойти здесь.

Пока мы ехали в нашей красной арендованной Субару, я с легкостью забыла о том, что это зона военных действий. Похоже на шоссе в середине Нью — Мехико или что — то вроде этого.

Как только мы въехали в Тель — Авив, мы сразу попали в пробку. Я посмотрела в окно на высотные здания.

Рон указал направо.

— Это Башня Азриэли. Самое высокое здание на Ближнем Востоке, — с гордости сказал он.

Возможно, на ней, также, висела огромная мишень.

— Какая отличная мишень для террористов, — пробормотала я, но потом я заметила, как Рон косо смотрит на меня, — Ладно.

Я надеюсь, здание хорошо защищено, потому что 9/11 американцев, которых я знаю, обменивают там валюту. Я наблюдаю в окно за тем, как мы проезжаем высокотехнологичные здания с названиями американских брендов.

— Израиль не похож ни на одну страну Третьего мира.

— Она не страна Третьего мира.

Она? Израиль — "она"? Ну, она чертовски современная. В самом деле, пробка выглядит так, словно мы вернулись домой.

Хотя, вскоре, я понимаю, что жителям Израиля необходимо посетить занятия по управлению гневом на дороге.

Когда их подрезали, они высовывались из окна, кричали друг на друга и показывали средний палец. Я завизжала, когда группа людей на этих маленьких моторных скутерах и мотоциклах проехали прямо между машинами. Они даже не лавируют между дорожными линиями, они едут прямо по самой разметке!

Мы в машине уже около часа.

— Когда мы приедем?

— Примерно через час.

— Ты так и не ответил мне. Что такое Мошав? Это торговый центр?

Он засмеялся, и я поняла, что Мошав — это далеко не торговый центр.

— Ты когда —нибудь слышала о кибуце?

— Ты имеешь в виду, жизнь в обществе, где всем делятся? Слушай, если ты везешь меня в это чертову общину...

— Почему ты всегда так делаешь?

— Что делаю?

— Слишком остро реагируешь.

— К твоему сведению, я не остро реагирую. Вот мама остро реагирует, особенно когда я прихожу после комендантского часа. Ах да, ты же ничего об этом не знаешь, потому что тебе никогда не было рядом, — говорю я саркастически.

Тишина.

— Тогда почему ты ни разу не приезжала пожить ко мне? — он бросил мне вызов.

Мне жить с ним?

— У тебя есть подружка? — Я хочу, чтобы он сказал "нет", потому что у меня есть планы на него и маму. И было бы проще, если бы у него никого не было.

— Нет. У тебя есть парень?

Стоп, подождите секундочку. Когда это он начал задавать встречные вопросы?

— Может быть.

— Эми, когда ты научишься доверять мне? Знай, я не враг тебе.

— Тогда скажи мне, что такое Мошав.

— Мошав — это сплоченная община. Она аналогична кибуцу, но у каждого есть своя собственность с сельскохозяйственным угодьем. Деньги делят или собирают вместе.

По —прежнему, для меня, звучит, как община.

— Я надеюсь, мы ненадолго там задержимся. Мне нужно принять душ в отеле и распаковаться. У меня есть вещи, которые наверняка расплавились из — за этой жары.

— Мы остановимся не в отеле.

Вот сейчас, я буду остро реагировать.

— Что? — громко сказала я.

— Мы остановимся у тети, дяди, двоюродных братьев и Софии, — Он делает паузу. Я знаю, что будет дальше. Знаю. Но я морально не готова к этому. — В Мошаве.

— Рон, давай кое — что проясним. Я — американская девушка с красной, белой и голубой кровью, текущей по венам. Я не останавливаюсь в местах, зовущихся "Мошав". Не считая моей подписки на Скаутов, которой у меня даже нет. Мне нужны удобства. Удобства! Ты знаешь, что это такое?

— Да. Но не ожидай многого от места, в которое мы едем. Когда я был там в последний

раз, только у одной семьи было электричество, и это была моя семья.

Я открываю бардачок чемодан.

— Что ты делаешь? — спрашивает Рон.

— Ищу карту, чтобы знать куда идти, когда сбегу из Мошава.

Он тихо посмеивается.

— Ха, ха. Забавно, забавно. Бьюсь об заклад, ты не будешь так смеяться, когда однажды утром проснешься и поймешь, что я ушла обратно к цивилизации.

Рон гладит меня по колену ладонью.

— Эми, я просто пошутил. У них есть электричество.

Пошутил? Рон пошутил надо мной?

— Я знала, что ты шутишь. Ты что на самом деле думаешь, будто бы я поверила в это?

Он не ответил, но я знала, что он знает правду по тому, как причудливо двигался его рот.

— По крайней мере ты дашь мне ключи от своей машины, чтобы я могла ездить в торговый центр?

— Мне жаль, но водить машину здесь разрешается с восемнадцати лет.

— Что?!

— Я отвезу тебя туда, куда пожелаешь. Не волнуйся. Кроме того, если ты потеряешься, ты не будешь знать, как вернуться назад.

«Хорошо, — подумала я про себя, — заблудиться — отличная идея».

Вздыхнув, я смотрю в окно. По одну сторону от машины располагается Средиземное море, по другую — горы с домами, построенными прямо на них. Если бы я была в лучшем настроении, я бы даже могла подумать, что этот пейзаж красив, но я слишком раздражена и уставшая, а мой зад онемел.

Я начинаю делать упражнения для ягодиц. Пару лет назад, поздно ночью, я смотрела ток — шоу, где некоторые звезды, возможно Стивен Сигал или Антонио Бандерос, говорили о том, что они делают упражнения для задницы, сидя в машине.

Просто напрягись, затем расслабься. Напрягись. Расслабься. Напрягись. Расслабься. Я почувствовала жжение. А после десяти минут «моей зарядки» я чувствую, как напрягаясь, мои ягодицы дрожат и я остановилась.

Мы проехали море. Нас окружают лишь небольшие деревья.

— Что это такое?

— Оливковые деревья.

— Я ненавижу оливки.

— Я их люблю.

Представляю.

— Надеюсь, ты не один из тех пит — толстячков.

— Кого?

— Ну, знаешь, те люди, которые выплевывают косточки прямо за столом. Это ужасно отвратительно.

Он не ответил. Я готова поспорить на трусы моей бабушки, что Рон один из пит — толстячков.

— Какое блюдо ты любишь больше всего? Уверен, я смогу достать это для тебя.

— Суши.

— Ты имеешь в виду сырую рыбу? — Рон сморщил нос.

— Да.

Раньше я их ненавидела. Когда мама в первый раз угостила меня ими, меня затошнило, и я выплюнула их. (На салфетку, незаметно, в отличие от пит — толстяков, которые плюются оливковыми косточками). Моя мама любит суши. Думаю, это как алкоголь. Когда в первый раз пробуешь его, тебя тошнит, но потом ты его распробуешь, и он тебе нравится. Наверное, именно поэтому и говорится: «Между любовью и ненавистью тонкая грань». Сейчас мне не только нравятся суши, я жажду их. Бесспорно, Рона и суши должен познакомиться такой гурман, как я.

Сейчас мы едем через горы по очень извилистой дороге, и меня укачивает. В последний раз я видела цивилизацию пятнадцать минут назад.

Съехав с горы, мы остановились на развилке дорог. На дорожном знаке было написано по — английски Moshav Menora и что — то еще на иврите.

Рон повернул в сторону Moshav Menora. Сейчас окружающая местность напоминает Швейцарию с зелеными горами, окружающими нас со всех сторон.

Он остановился около живописной остановки, расположенной прямо в горе.

— Что это?

Он поворачивается и вынимает ключ из зажигания.

— Это Голанские высоты, особенное и красивое место. Пошли, полюбуемся на вид.

— Мне тоже идти? Я хочу пописать.

— Ты можешь подождать несколько минут? Прежде чем мы встретимся с моей семьей, мне нужно кое — что рассказать тебе.

Интересно, что он хочет мне рассказать? Я должна это услышать. Открыв дверь, я вышла из машины. В тишине мы направились к краю горы. Горный пейзаж напоминает мне вид с открытки.

— Они не знают о тебе, — выпаливает Рон.

Что?

— Кто не знает обо мне?

— Моя мама, мой брат и его жена....

Острая боль пронзила мою грудь, такое чувство, будто что — то острое проткнуло ее. Мое сердцебиение участилось, и я тяжелей задыхалась.

— Почему? — прошептала я, едва выдавливая из себя слова.

— Это сложно, — он смотрит в сторону. — Видишь ли, когда я приехал в Америку, я хотел всем доказать, что я могу сделать это самостоятельно. Знаешь, Американская Мечта и все такое.

— И ты не ожидал, что появлюсь я и разрушу твою мечту.

— Я встретил твою маму на первых выходных в США. Я был дерзким израильтянином, который просто желал хорошо провести время. Несколько месяцев спустя я узнал, что стану отцом.

Я отхожу от него. Он что, хочет, что бы я извинилась за свое рождение?!

— Я ненавижу тебя, — говорю я, возвращаясь в машину. Я вытираю глупые слезы, но они продолжают скатываться по щекам.

— Эми, пожалуйста, позволь мне хоть раз внести ясность в этот вопрос...

— Просто открой эту чертову дверь.

Услышав щелчок разблокировки дверей, я залезла внутрь машины. Он смотрит на меня так, будто хочет объяснить мне все подробнее, но я не хочу ничего слышать.

— Поехали уже! — кричу я.

Он залез обратно в машину, и мы поехала на вершину горы. Я думала, что готова к встрече с семьей Рона, но теперь все, что хочу — это забиться в дыру.

Он не просто собирается познакомить меня со своей семьей. Он впервые расскажет, что у него есть внебрачная дочь.

Если я закрою глаза, прекратит ли моя жизнь выходить из — под контроля?

Мы подъехали к воротам, и мужчина с пулеметом в руках направился к нашей машине. Я никогда раньше не видела пулемет и каждый раз, размышляя о том, как они его используют, я трясусь от страха.

Рон что — то сказал ему на иврите. Мужчина улыбнулся и жестом указал, чтобы нам открыли дверь. Мы ехали вниз, направляясь к горной вершине, а после проехали шесть рядов домов. По обе стороны проезжей дороги расположено семь — десять домов, Рон повернув к одному из домов, припарковался на подъездной дорожке.

— Я не зайду, пока ты не расскажешь им, кто я.

Я думала, что он будет спорить, и заранее приготовилась к бою. Но Рон просто сказал:

— Хорошо.

Рон вышел из машины, а я осталась на своем месте. Я наблюдаю, как он заходит в одноэтажный дом.

Несмотря на то, что окна в машине были открыты, свежий воздух не поступал. Здесь так жарко, что думаю, сам дьявол должен жить в этих горах. Пот льется по моему лицу, шеи и груди. На моей блузке от Abercrombie&Fitch явно должны быть отвратительные следы мокрых подмышек.

Как люди терпят эту жару? Я посмотрела на свой ноготь, прежде чем в размышлениях укусить его. Что Рон им скажет? Он также вспотел, как и я? Надеюсь, что да.

Я вышла из машины и прислонилась к ней, прислушиваясь к брани, которой, должно быть, София покрывает Рона. Парень не только ее выслушает, но и получит пинка. Если бы я была Софией, я бы разорвала его за ложь, ну хорошо, за меня. Но я не слышу криков. На самом деле, я почти не слышу, что происходит в доме.

Вдруг что — то ударило меня по руке. Сильно.

— Эй, — испугавшись, закричала я.

Я не глупая, знаю, это не пуля. Я не удивлюсь, если семья Рона решит «покончить» с его внебрачной дочерью, как только узнает всю правду.

Обдумывая эту мысль, я посмотрела вниз и увидела своего обидчика.

Футбольный мячик.

— Tizreki le'kan⁸, — послышался насмешливый голос позади машины. Как будто я что — то понимаю. Но я не понимаю, поэтому игнорирую его. К тому же, чувствую, на моей руке будет синяк.

Обернувшись на звук подбегающих ног, я столкнулась лицом к лицу с израильским мальчиком моего возраста.

— Shalom⁹.

На нем надеты джинсы, рваная грязно — белая футболка и греческие сандалии. Знаешь, раньше такие носили греческие философы. Но не это самое худшее. Парень надел белые носки и сандалии. Носки с сандалиями! Стараясь не засмеяться, я перевела взгляд с его ног к лицу.

— Привет.

Он говорит по — английски? Не знаю, поэтому я просто стою и молчу.

Еще два парня подбежали к нам. Один из них заговорил с парнем на иврите, но увидев

меня, замолчал.

— Я американка, — медленно и громко проговорила я, как будто разговариваю с шимпанзе. Надеюсь, свершится чудо, и они поймут меня.

Они смущенно переглянулись, и в этот миг я поняла, что последующие три месяца я буду жить словно в пузыре. В пузыре, в котором ни один человек не поймет, что я говорю, за исключением Донора Спермы. Могут ли мои каникулы стать еще хуже?

Первый парень чуть ближе подошел ко мне. У него светло русые волосы и морщинисто — юношеская улыбка. Знаю, знаю, юношеская и морщинистая не совместимы. Но у этого типа именно так, верьте мне.

— Ты говоришь по — английски? — спросил он с сильным акцентом.

Хм?

— Да. А ты?

— Да. Но что означает я — Американка?

— Ничего. Просто забудь.

— Ты наш друг, нет?

Хм?! Очевидно, его английский не очень хорош. Он спрашивает друг ли я?! Боюсь сказать, что нет.

— Да.

Второй парень подошел ко мне.

— Как тебя зовут?

— Эми.

— Привет, Эми. Я Ду — Ду, — он указал на двух других парней, — А это Морон и О'Дейд.

С этого дня я больше никогда не произнесу эти четыре слова, выстроенные в один ряд. К тому же, не думаю, что они гуляют с кем — то младше семнадцати лет, но практически на автомате я сказала:

— Прошу прощения? — мои глаза сощурились, как будто это прочистит мои уши, что бы я могла лучше их услышать.

Все они смотрят на меня, как будто это у меня проблемы. Мне хочется засмеяться. Но я терплю, очевидно же, они не поймут моей шутки. Что делает ее еще смешней. Хорошо, некоторые моменты моего путешествия могут быть забавными.

Но как только к нам подошел еще один парень, мое веселье улетучилось. У него темно — каштановые волосы, которые совпадают с цветом его глаз. Он высокий, загорелый и без рубашки. На нем джинсы, которые обтягивают его стройные бедра, рельефный пресс и он один из самых сильных подростков, каких я когда — либо видела.

— *Americayit*¹⁰, — сказал Морон, указывая на меня.

Парень без рубашки что — то сказал Ду — Ду, Морону и О'Дейд на иврите, полностью игнорируя меня. Что доказывает одну из моих многочисленных теорий... красивые парни всегда самые большие идиоты. По крайней мере, другие парни улыбнулись и представились. Перекинувшись несколькими словами с ребятами, парень без рубашки ушел.

— Как долго ты здесь пробудешь — спросил Морон, глядя на чемоданы, лежащие на заднем сиденье.

К большому сожалению, на много дольше, чем я бы хотела.

— На целое лето.

— Завтра вечером мы собираемся прогуляться по пляжу. Хочешь присоединиться? —

спросил Ду — Ду

— Конечно.

Я взглянула на дом и увидела толпу из четырех иностранцев, стоявших рядом с Роном в дверях. Все внимательно на меня смотрели. Как же я могла забыть первую причину, почему я здесь нахожусь?!

Рон приблизился ко мне. Мне хотелось спросить «Как все прошло», но я воздержалась.

Поэтому я сама направилась по этой грязной дороге к этому маленькому домику, который будет моей резиденцией в течение следующих трех месяцев. Моя жизнь похожа на торт с вишенкой. Я буду жить с семьей, членов которой никогда не видела и с биологическим отцом, которого совсем не знаю.

— Эми, это мой брат, Хаим.

Мой дядя, протянув мне руку, пожал мою. Он высокий мужчина, похожий на Рона. У обоих одинаковое телосложение и мускулатура.

Мужчина улыбается, но могу с уверенностью сказать, что за этим фасадом кроется напряжение. А так же гнев, хотя не знаю, направлен он на меня или на моего ДС (сокращение для Донора Спермы, слишком жарко и я сильно вспотела для того, чтобы обращаться к нему как то иначе, нежели ДС).

— Зови меня Додо Хаим ¹¹.

Как будто я могу выговорить это имя. Он произнес «Х» так, словно собирался сплюнуть. Клянусь, в жизни не повторю эти гортанные звуки, не давая себе пинок под зад. Я буду звать его Дядя Хаим, не произнося тот гортанный звук.

Женщина, стоявшая рядом с Дядей Хаимом, сделала шаг вперед. Меня удивило, когда она подошла и крепко обняла меня. Моим первым желанием было оттолкнуть ее подальше, но ее объятие было таким теплым и любящим. Я зачарованно прислонилась к ее рукам. Спустя долгое время она меня отпустила и положила руки на мои плечи, держа меня на расстоянии вытянутой руки.

— Красивая девушка, — сказала она с глубоким израильским акцентом.

У нее сережки с колокольчиками и ни единой капли макияжа на лице. Моя мама скорее умрет, чем выйдет на улицу без макияжа. Или с такими сережками — колокольчиками. По правде, эта женщина красива и без макияжа, а ее сережки придают ее взгляду ангельское выражение, она не выглядят нелепо.

Отпустив меня, с улыбкой на губах она произнесла:

— Я твоя тетя Юкара. Зови меня Дода Юки, ладно?

— Ооокеей, — певчим голосом сказала я, предостерегая ДС, что мне неудобно называть эту сеньору Юки ¹².

— На иврите «Дода» — это тетя, — объяснил ДС, как будто это часть обмена, нуждающаяся в разъяснениях.

Она просто попросила называть ее Юки!

Сзади стояло еще два человека. Одним из них был маленький мальчик, возможно, ему было около трех лет, с белыми кудряшками, спирально обрамляющими его голову, как змеи Медузу. Кроме трусов с Пауэр Рейнджерс на нем ничего не надето.

— Shalom, ani Matan ¹³, — сказал он весело. Не имею ни малейшего представления, что он сказал, но его кудряшки так очаровательно подпрыгивали пока он говорил. Я сделала один шаг по направлению к нему и с любовью пожала его маленькую ручку

Последняя, русая девушка — тинэйджер, ростом чуть выше меня, стояла, скрестив руки

на груди. На ней надеты самые обтягивающие джинсы, какие я когда — либо видела и короткая футболка, демонстрирующая ее плоский живот. Не нужно обладать шестым чувством, что догадаться, что она сильно раздражена.

— Это твоя двоюродная сестра, О'Снат.

На этот раз я засмеялась, даже не осознав этого. Хотя когда я пришла в себя и поняла, что никто из них не смеется, я быстро остановилась. Хорошо, сейчас О'Снат не только рассержена, она оправдывает мою любимую шутку: "единственная в своем роде", как будто это сказано про нее

Я не протянула ей руку в знак приветствия, потому что уверена, моя сопливая кузина проигнорирует ее, поэтому я просто сказала:

— Привет.

— Привет, — сквозь зубы сказала она. Великолепно.

— Пойдем внутрь. Там ты сможешь познакомиться с Софией, — сказал Дядя Хаим.

Заметив на рубашке Рона мокрые следы от вспотевших подмышек, мое настроение поднялось. Мои мокрые подмышки размером с грейпфрут, а вот подмышки Рона чуть меньше размера арбуза. Перед знакомством с моей бабушкой он нервничает даже больше, чем я.

Ха!

Ты можешь убежать от одних проблем, но тогда ты увязнешь в других

Я медленно зашла в дом и заглянула внутрь. Кухня расположена прямо передо мной. Повернув вместе с Роном налево, я увидела женщину, сидящую на кресле — качалке около окна. У нее светлые волосы с темными прядями.

Она смотрела на меня яркими, как бриллианты, голубыми глазами. В тот миг, когда наши взгляды встретились, я почувствовала, что смотрю в отражение собственных глаз. Все это выше моих сил, поэтому я едва ли не задыхаюсь. Здесь спертый воздух? Я начала медленно вдыхать, пытаюсь вздохнуть полной грудью.

Моя бабушка.

Моя больная бабушка.

Она казалась маленькой и слабой. Она умирает?

Возвращаясь к остальным членам семьи, я осознаю, что все они смотрят на меня. Такое впечатление, будто меня судят в какой — то теле — передаче, которую они все вместе смотрят. Закадровый голос телеведущего прозвучал в моей голове: «Совершит ли Эми ошибку, разрушившую первую встречу? Смотрите на следующей неделе новую серию «Внебрачных детей» и узнайте, примет ли Эми или наоборот отвергнет ее больная бабушка на глазах у тридцати миллионов телезрителей...»

Не успев осознать своих действий, я развернулась и быстро выбежала из дома, что бы никто из окружающих не заметил моих слез. Я бежала до тех пор, пока мои ноги не устали. Я прошла ряд домов, амбаров с лошадьми, коровами и овцами, такое впечатление, будто я нахожусь на ферме, расположенной в Голливуде.

Перейдя на шаг, я подумала, что София, должно быть, решила, что я глупая. Я хотела ее обнять, по правде хотела. Но не на глазах у всей семьи. Я чувствую, что они анализируют каждое мое движение.

Я иду, рассерженна на ДС из — за того, что он превратил нашу первую встречу с Софией в спектакль. Маленькая проволока преградила мне дорогу. Я уже было собралась перешагнуть через нее, когда меня остановил чей — то голос:

— Ты не можешь туда пройти.

Я замерла и обернулась к резкому голосу. Это опять тот парень без рубашки, стоявший около стога сена размером с три этажа. От пота его грудь блестела на солнце, поэтому я попыталась не обращать на это внимания. Вместо этого я пытаюсь думать о чем — то более отвратительном. Например, от него пахнет овцами и потом и ему немедленно нужно принять душ. Но, с другой стороны, он мне тоже необходим. Кончиками пальцев я смахнула со щеки слезы.

— Разве это не свободная страна? — обороняясь, спросила я.

Последнее, что мне нужно — это презрение от подростка, который считает меня слабой.

Развернувшись, он кинул тюк сена в загон овцам.

— На табличке говорится, что за забором находится минное поле. Если ты хочешь подвергнуть себя опасности, я тебя не помешаю, — сказал красивый — идиот — без — рубашки, заходя в загон к овцам.

Я все еще нахожусь рядом с ограждением. Черт. Это военная территория. Я посмотрела

под ноги на другую сторону проволоки, благодаря удачу, что не подорвалась. Медленно подняв ногу, я отошла от проволоки, отгораживающей меня от минного поля.

— Ты не знаешь, где находишься, верно? — грубо спросил он, беря новый тюк сена.

— Конечно же, знаю. Я нахожусь на горной вершине в центре Израиля, — ух!

— На самом деле, ты находишься в северной части Израиля, а не в центре. Голанские высоты.

— И?

— Американцы, — пробормотал он, медленно качая головой, выражая свое отвращение.

— Хорошо и что же необычного в Голанских высотах?

— Скажу только, что Сирия находится в десяти милях отсюда, — сказал он, показывая, — для еврейской девушки ты не слишком много знаешь о своей родине.

Да, но я не еврейка. Я не скажу ему это. Возможно, он скажет мне что — то, что испугает меня. Я обрадовалась, когда он развернулся и снова направился к загону овец.

— Арг!

Услышав шум под ногами, я от страха подпрыгнула. Пушистый и перепачкавшийся щенок, у которого когда — то была белая шерстка, весело вилял хвостом. Когда я посмотрела на него, он упал на землю и замахал в воздухе лапками.

— Извини, — сказала я песику, — я не люблю собак.

Найди другого дурака, который дотронется до твоего грязного и блохастого живота. Но я и не кошатница. По правде говоря, я вообще не люблю животных. У меня зуд от того, что я нахожусь на ферме с животными.

Я иду обратно. К сожалению, песик последовал за мной.

— Арг!

Я продолжаю идти.

— Ты что, не знаешь, собаки говорят "Аф", а не "Арг"? Ты что, пытаешься быть пиратом?

Собака снова повторила «Арг», на этот раз более грубо, будто бы она специально пытается меня разозлить. Послушайте, после сегодняшнего дня я даже не сомневаюсь в этом.

— Аф! Аф! Аф!

Можно подумать, что эта собака издевается надо мной, не так ли? Но пока я шла обратно, громкий лай подсказал мне, что у маленького паразита были друзья. Много друзей.

Обернувшись, я увидела пять несущихся на меня собак. Во — первых, я была не права, посчитав эту собаку грязной. Такое впечатление, будто бы пять собак искупались в грязи и, безусловно, они были намного грязней щенка — вредителя. Так же (и во — первых), эти собаки были очень, очень большими.

Они с лаем бежали на меня, будто бы я похитила их маленького ребенка.

Паника — это не то слово, которое может описать мое состояние в данный момент. Пока вся моя жизнь проходила перед моими глазами, я быстро взвешивала имевшиеся варианты. Я могу побежать к минному полю или прыгнуть в загон овец.

У меня не было времени на раздумье, поэтому я бежала так быстро, насколько позволяли мои потные и уставшие ноги. Побежав, я даже не осознала, какой вариант выбрала.

Я бежала все быстрее и быстрее, едва ли различая под ногами «арг» и неутомимый лай позади меня. «Еще немного» — сказал мой затуманенный разум. Думаю, я визжала и

выкрикивала непристойности, но я не уверена, потому что слишком беспокоилась тем, что делают мои ноги и к тому же, в тот момент меня не беспокоила цензура.

Кажется, прошло много времени, прежде чем я добежала до загона, и, не останавливаясь, перепрыгнула через него. Мой учитель гимназии, мистер Хардсон, гордился бы моим прыжком. В том году я была далека от получения президентской премии за спортивные достижения, но сейчас, кажется, я побила мировой рекорд.

Перед моими глазами все расплывалось, и я не заметила, куда падаю. Приземлившись, я зажмурилась. Надеюсь, совершив свою аварийную посадку, я не раздавила овцу.

Но вместо того, чтобы столкнуться с овцами, что — то твердое и жесткое смягчило мое падение.

Я боюсь открыть глаза, поэтому я ничего не вижу, но мое обоняние усилилось. Запах мужского пота окружает меня.

Это не отвратительный запах тела, просто мускусный аромат. Я глубже вдохнула.

Хорошо, сейчас я полностью отдаю себе отчет в том, что делаю, где нахожусь и кого нюхаю — как будто он был чертовым бутонем розы — но это был всего лишь мальчик. Я широко раскрыла глаза.

Не спрашивай меня, как я оказалась на идиоте — без — рубашки. Его руки были на мне. Уточняю: одна была на пояснице, а другая на бедре. Его глаза, цвета кофе, которые могли любого ввести в транс, удивленно смотрели на меня.

Я уже собиралась оттолкнуть его, когда услышала приближающиеся шаги по траве рядом с загонем овец. Я повернулась, что бы узнать кто это. Я прекрасно осознаю свое положение: я непристойно выгляжу и, вероятней всего, у меня будет куча проблем.

Отстранившись от него, я увидела свидетеля моего фиаско. И это был последний человек, которого я бы хотела видеть.

О'Снат

Увидев, как ее губы сложились в тонкую линию, а руки осуждающе уперлись в бедра, я пришла к единственному возможному выводу.

Милый — идиот — без — футболки был парнем моей двоюродной сестры О'Снат.

О, черт.

Я никогда не привыкну к унижениям

— Рон, клянусь, это не моя вина.

— Эми, ты часто так говоришь. А сейчас, объясни мне, почему ты убежала, даже не встретившись с Савтой, а потом, через пятнадцать минут ты лежала на мальчике. К тому же, посередине стога сена.

Я выковыриваю грязь из — под ногтей, в то время как Донор Спермы ведет очень серьезный разговор.

— Вообще — то технически я упала на него, — говорю я, вытаскивая из волос спёкшуюся грязь. — А вот как оказалась верхом на нем не припомню.

Мы сидим на газоне перед домом моей бабушки/тети/дяди/кузенов. Рон снова зачесал волосы рукой.

Нас окружает бесконечная тишина. Должна ли я объяснить ему случившиеся? Я не боюсь признаться в том, что сама хочу контролировать свою жизнь.

Не подумав, я ляпнула:

— Я чувствовала, как все за мной наблюдают и анализируют каждое движение. Мне это наскучило, и я убежала.

— Ты целовалась с Эйви?

— Кто такой Эйви?

ДС посмотрел на меня своим взглядом ты — должно — быть — шутишь.

Я поднялась.

— Нет! Почему ты так решил? Так сказала кузина Снотти? Послушай, там были бешеные собаки, которые преследовали меня...

Он посмотрел на щенка, который, видимо, не понимал, что мои ноги не его личная площадка.

— Как этот?

Я встряхнула его с ноги.

— Нет. Да. Ладно, они были похожи на него, только намного больше. Потом, я побежала и упала на парня Снотти.

— Ее зовут О.С.Н.А.Т. О'Снат. Это имя красивое.

— Но только не там, откуда я родом.

— Просто... просто дай ей шанс. Не суди ее, пока не познакомишься с ней поближе.

Мне хотелось возразить ДС, сказать, что Снотти возненавидела меня до того, как узнала меня, но я промолчала. Сейчас я не спорю лишь потому, что устала и хочу спать. Обычно я всегда готова к словесной перепалке.

— Хорошо.

— И прекрати называть ее Снотти.

Боже, ты рассказываешь ему немного, а он, как пылесос: хочет всосать всю грязь, а не только маленькие пушинки.

— Ладно. Где Савта? Я готова познакомиться с ней, но только без зрителей.

— Она отдыхает в своей комнате. Без зрителей, я обещаю.

Сейчас мне хочется обнять ДС, но я немного странно чувствую себя, ведь в последние годы я не обнимала его.

ДС поднялся, и я последовала за ним в дом. Когда мы зашли дом, из кухни пахло свежее испеченным хлебом, и мой желудок проурчал.

— Идите кушать, — сказала Дода Юки. Ее настроение немного ухудшилось. Это потому что она думает, будто я целовалась с парнем О.С.Н.А.Т.?

— Спасибо, но я не голодна, — я слишком нервничаю, для того чтобы есть.

Рон проводил меня в небольшую комнату, расположенную в задней части дома. Я заглянула в комнату.

Савта лежала на кровати. Когда я вошла, она села.

Я сглотнула и закрыла позади себя дверь. Комната маленькая, на полу уложена плитка, и стены из белого бетона. Шторы занавешены, поэтому в комнате полумрак. Но эта была обстановка, которую я хотела. Я не хочу, чтобы окружающий мир вторгся в наш разговор.

— Привет, Савта. Я Эми, — пока я говорила, мой голос дрожал, заставляя чувствовать себя немного глупо.

Кивнув, она похлопала по свободному месту на своей кровати.

— Эми, иди сюда. Посиди со мной.

Медленными маленькими шажками я направилась к кровати. Когда я подошла к кровати, я осторожно села на край. К моему удивлению, она взяла меня за руку.

— Ты действительно больна? — настороженно спросила я.

— Со мной все будет хорошо. Знаешь, врачи любят поднимать шум из ничего.

— Рон думает, что ты серьезно больна, — сказав это, мне немедленно захотелось забрать слова обратно.

Она покачала головой.

— Твоему папе нужно обследовать «сир». На иврите это означает «голова». Представь себе, он шестнадцать лет держал меня вдали от внучки.

— Да, — я прислонилась к ней. Мне нравится моя Савта.

— Расскажи мне о своей маме, — сказала она, меняя тему разговора.

Как мне описать свою маму?

— Она слишком красива, что бы быть матерью. Она работает на высокооплачиваемой должности. Она постоянно работает и поэтому у нее немного друзей.

Я наблюдаю за реакцией Савты.

— Расскажи мне о себе.

— Я хорошо учусь. Мою лучшая подруга, Джессика, еврейка... — я специально добавила эту маленькую деталь. — Мне нравится играть в теннис, кататься на лыжах и ходить по магазинам.

Она кивнула.

— Эми, я рада с тобой познакомиться. Ты кажешься мне очень энергичной и интересной девочкой.

— Да, но я не очень позитивна, — я нервно покусываю нижнюю губу. Рано или поздно она поймет, что ошибается на счет меня, поэтому я поставила ее перед фактом.

— Может быть, твое путешествие изменит тебя.

Очень в этом сомневаюсь.

— Думаю, да, — я сказала это лишь для того, что бы она думала, будто это путешествие чудесным способом может изменить мой взгляд на жизнь.

— Когда я была в твоём возрасте, я была такой же.

— Почему? Ты тоже была внебрачной дочерью?

— Нет, — она до сих пор держала меня за руку, — Мои родители поженились в тяжелые времена, и несколько лет у нас не было дома.

— Где же вы жили?

— На пляже. Довольно длительное время. Жизнь меняется, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Пока мой мозг переваривал всю информацию, Савта предложили мне пойти отдохнуть и распаковать вещи. Я улыбнулась ей. У меня такое чувство, будто она всегда была моей бабушкой.

Я не могу винить ее за то, что ее не было рядом со мной последние шестнадцать лет. Бедная женщина даже не знала обо мне.

— Где мой чемодан? — спросила я Рона после моего просветляющего разговора с Савтой.

— В комнате О'Снат.

Наверное, я просто ослышалась. Он не мог этого сказать.

— Ты шутишь?

— В доме мало комнат. Ты будешь спать в комнате О'Снат. А я расположился на диване.

— А что с малышом?

— С Матаном? Он спит вместе с родителями.

Я уже готова была спать на полу, когда увидела на кафеле трех муравьев. Когда я посмотрела на Доду Юки, у нее было такое трогательное выражение лица, будто она выиграет в лотерею, если мой счетчик веселья достиг определенного уровня.

Я улыбнулась ей и, похоже, это ее успокоило, потому что она направилась на кухню, напевая веселую мелодию.

А если серьезно, есть одна вещь, в которой нуждается американский подросток — личное пространство. Могу ли я попросить О'Снат выйти из комнаты? По сути, это ЕЁ комната, поэтому вряд ли. Спасибо Боже, что у меня нет близнеца. В моей школе есть две близняшки, Мерлен и Дерлен, они не только делят одну комнату, они делят ее со старшей сестрой Шерен. Даже не спрашивай.

ДС проводил меня до комнаты, расположенной в задней части дома. Я зашла в комнату. Снотти сидела на кровати и красилась. Она знает, что я вошла, но делает вид, будто не замечает меня.

Донор Спермы подошел ко мне.

— Нужна помощь?

— Нет, все хорошо.

Он воспринял это как сигнал к выходу. Я бы хотела, что бы он остался. Просто как преграда между мной и Снотти.

— Послушай, я сожалею о случившемся с твоим парнем.

Она посмотрела вверх и я увидела, что она переборщила с макияжем глаз. Как будто она подвела глаза черным углем. Сейчас моя кузина кажется двадцатилетней женщиной, а не подростком. Во всяком случае, сколько ей лет? Я бы могла дать ей несколько советов о том, как краситься.

Одна из клиенток моей мамы косметолог. Однажды она пригласила меня на презентацию своей линейки косметики для подростков. Я много знаю о том, как макияж должен подчеркивать твои достоинства и не казаться небрежным и темным (как у Снотти).

Потом мое фото появилось во многих молодежных журналах. Мои друзья прозвали меня гуру — макияжа.

Я подошла к своему чемодану, лежащему на кровати, которая, должно быть будет моей последующие три месяца, выбрать что — то другое из моей одежды, чтобы переодеться во что — то не грязное и без прилипшей соломы.

— Эйви не мой парень.

Я не уверена, сказала ли это Снотти или это мое воображение разыгралось.

Я повернулась к своей кухне.

— Что?

Она посмотрела на меня своими угольно — черными глазами.

— У меня нет парня.

Я достала из чемодана красные шорты. Спереди большими белыми буквами было написано «ВІТСН»¹⁴. Джессика, пошутив, подарила мне эти шорты на день рождение вместе с браслетом на ногу, который, к слову, не был шуткой. Никогда не думала, что надену их, но опять же, я никогда не думала, что буду жить на ферме, расположенной на вершине горы в самой середине военных действий.

Но, если быть честной, Израиль не похож на зону военных действий. Хорошо, за исключением вооруженных охранников в аэропорту и минное поле, на которое я чуть не наступила.

Я посмотрела на свои шорты. Не думаю, что здесь кто — то говорит на английском, поэтому я их надену. У меня был соблазн предложить их надменной Снотти, но вместо этого я спросила:

— У Эйви есть девушка?

Извиняясь за свою грубость, я прикрыла рот рукой. Несмотря на то, что я спросила об этом, меня совершенно не волнует, есть ли у этого парня девушка или нет.

Иногда, я говорю не подумав.

Но самое худшее то, что моя двоюродная сестра пренебрегла моим вопросом. Да, я не намеривалась спрашивать об этом, но сейчас как никогда мне интересно узнать ответ. Но я не удовлетворю ее самолюбие, спрашивая об Эйви дважды. Она распространила фальшивые слухи, будто бы я лежала на парне. Отвратительно, если она действительно думает, будто меня заботит, есть ли у него девушка.

Я положила одежду на кровать и подумала о ЕДИНСТВЕННОЙ ванной во всем доме. стараюсь не думать о своей жизни последующие три месяца в доме, где на семь человек одна ванна — комната. Странно, не так ли? У меня дома три ванны — комнаты... и я живу только с мамой (иногда, вместе с Марком, когда он остается у нас).

У меня есть подруга Эмили. Она токсикомана. Она нюхает ВСЕ. Она даже обнюхивает каждый кусочек еды, прежде чем положить его в рот. Я ненавижу кушать рядом с ней, потому что каждый раз я наблюдаю, как она нюхает — ест — нюхает — ест. Она чрезвычайно раздражает меня. Когда я раздражена, меня никто не любит, за исключением, конечно же, Джессики.

Зайдя в ванную, я почувствовала незнакомые мне ранее запахи. Боже, в меня вселилась Эмили.

Я с нетерпением жажду помыться. Моя голова кружится при мысли о том, как давно я не мылась.

Я не могу об этом думать.

Закрыв дверь, я посмотрела на дверной замок. Но проблема в том, что его здесь нет. Только щель, напоминая о том, что когда — то здесь был замок.

Это не смешно. В доме живет семь человек, а в ванной — комнате даже нет замка. И на месте замка щель.

Мне нужно быстрее лечь спать, прежде чем день станет еще хуже. Я не хочу раздеваться перед глазком, поэтому зашла в ванную, задернула шторы и сняла одежду. Интересно, как включить воду?!

К счастью, вода быстро нагрелась и вскоре я нежилась под горячими струями воды. Не сдержавшись, я простонала. Горячий душ — самое лучшее. Уставшая и обессилившая, я быстро помылась.

После душа я направилась к комнате Снотти, спрашивая себя, почему же я не захватила с собой чистую одежду в душ — без — замка. Я не хочу передаваться на глазах Снотти. Размышляя о том, где переодеться в пижаму, я плотно укуталась в полотенце.

Мне не хочется ее видеть... У меня больше нет сил выдавливать из себя радостную улыбку. Наверное, и на завтра мой лимит позитивных эмоций исчерпан.

Смотря в пол, я зашла в комнату, закрыла дверь и направилась к чемодану. Я знала, что Снотти еще была в комнате, я слышу ее дыхание. Я достала из чемодана майку и нижнее белье. Я могу вернуться обратно в ванную, при этом чувствуя себя большой идиоткой из — за того, что стесняюсь раздеться перед ней или же я могу взять себя в руки и переодеться здесь, повернувшись к ней спиной.

Скинув полотенце, я надела нижнее белье, а следом шорты с надписью “ВІТСН”. Когда я взяла белую футболку, дверь открылась. Я быстро прикрыла футболкой свою большую грудь и приготовилась закричать на незваного гостя. Думаю, злоумышленником был не кто иной, как ДС.

— Ты не возражаешь? — спросила я.

Но в комнату вошел не ДС. Это была Снотти. А это значит, что на ее кровати был кто — то другой. Я повернулась и увидела Эйви.

— АААААААААААААА! — закричала я во всю мочь.

Эйви просто слушал мои крики, сидя на кровати.

К несчастью, на мои крики прибежал не только ДС, но и Дядя Хаим, вломившийся в комнату. Взгляд ДС проследовал от Эйви ко мне, одетой лишь в короткие шортики с надписью «ВІТСН».

— Что здесь происходит? — пролаял ДС, всем своим видом обвиняя меня.

Эйви видел меня голой... мою попу, мою грудь, мои бедра и даже мой целлюлит. Мой язык, как и все тело, парализовало от шока. Даже если бы я могла что — то выговорить, я бы не знала, что сказать.

За исключением того, что я чувствую запах крысы.

Я смотрю на Снотти, которая самодовольно улыбалась. Она крыса, я не сомневаюсь в этом.

Дядя Хаим осуждающе смотрит на Рона. Я знаю, что ничего не сделала, но, несмотря на это, чувствую себя ужасно.

Посмотрев украдкой на Эйви, я заметила, что он встал. Он сказал что — то ДС не иврите, чего я не поняла.

Рон злобно ему ответил.

Снотти начала спорить с Роном.

Дядя Хаим стоял прямо, словно солдат, блокируя выход к двери, положив руки на бедра.

И только я стою полуголая. Толкнув дядю Хаима, я побежала к ванной. Одев блузку, я услышала крики, доносившиеся из спальни Снотти.

Я села на край ванной, ожидая, пока ругань не прекратиться.

Если это было моей инициацией в Израиль, боюсь представить, как пройдут последующие три месяца.

Ты можешь привлечь пчел медом, но нужно ли тебе это?

Второй день подряд акклиматизация в Израиле служит моим оправданием для Донора Спермы, почему я проспала полдня.

Время движется к вечеру, и я полностью отдохнула. После перекуса я надела костюм для бега, взяла свой iPad и вышла из дома. Когда я отважилась спуститься вниз по улице, я увидела Савту, сидящую на шезлонге на краю горы.

Заметив меня, она помахала мне рукой.

Сбежав вниз по грунтовой дорожке, я остановилась рядом с ней. Взглянув с горы на расположившиеся неподалеку озеро и другие горы, я затаила дыхание.

— Чикаго такой же плоский, как... — я уже хотела было сказать как Снотти, но вовремя остановилась.

В место этого я сказала:

— Там, где я живу, нет гор. Думаю, именно поэтому у нас строят небоскребы, так сказать Чикагские горы.

— Я никогда не была в Чикаго, — говорит Савта.

— Ты обязательно должна навестить меня в Чикаго. Я могу показать тебе Сирс — Тауэр. С последнего этажа ты сможешь увидеть четыре штата. Просто класс! А еще у нас есть Озеро Мичиган. Оно очень широкое, противоположного берега не увидеть.

Я заволновалась, подумав, как поведу ее прогуляться по Чикаго, когда она приедет ко мне в гости. Ей обязательно понравится Миллениум парк, где она сможет не только понаблюдать за людьми, но и устроить ланч прямо посередине города.

Я уверена, ей понравятся Чикагский Институт Искусств и Музей Науки и Промышленности. В музее есть удивительные экспонаты. Больше всего я люблю выставку мертвых детей.

Эти экспонаты называются Неонатальными¹⁵, но я расскажу все по порядку. Это экспонаты настоящих мертвых младенцев, заключенные в формальдегид или в другой жидкости. В музее около тридцати эмбрионов и зародышей, возрастом от одной недели до рождения. Там даже есть образец идентичных эмбрионов близнецов. Я никогда не видела ничего интересней.

Да, было бы замечательно, если бы Савта приехала.

Смотря вдаль, я пыталась запечатлеть в памяти этот момент.

— Здесь открывается прекрасный вид на всю страну, — потом я подумала о торговых центрах и километрах, разделявших нас, — но отсюда так далеко.

— Ты городская девушка, да?

— От макушки и до кончиков пальцев. Дайте мне сумку от Kate Spade и джинсы от Lucky, и я буду самой счастливой девушкой.

Она смеется, наполняя воздух мягким и теплым звуком своего смеха.

— Мне здесь нравится. Вдалеке от шума, вдалеке от людей. Это самое лучшее место для такой старой женщины как я. В моем возрасте мне не нужна сумка от Kate Spade или джинсы от Lucky.

— Уверена, в молодости ты была горячей мамой, — сказав, мне немедленно захотелось забрать свои слова обратно. Говорить с ней, будто бы она была одной из моих подруг, было

ужасно глупо.

— Я вышла замуж за твоего дедушку, когда мне было восемнадцать.

— Это была любовь с первого взгляда?

— Нет. Я на дух его не переносила. До тех пор, пока в один прекрасный день он не принес мне цветы.

Цветы? Это самый старый книжный трюк.

— Он принес тебе розы, и ты влюбилась? — это очень романтичная, но все же скучная история.

Савта взяла меня за руку.

— Нет, Metek¹⁶, он скупил целый цветочный магазин, хотя у бедняги была аллергия на цветочную пыльцу.

— Ух ты, — я бы была польщена, если бы мой молодой человек купил мне целый цветочный магазин Abercrombie and Fitch. Вот это настоящая любовь.

Савта начала подниматься, и я взяла ее под локоть, что бы помочь ей. Несмотря на то, что она сказала мне, что все хорошо, я почувствовала, будто знаю не всю историю.

— Я собираюсь отдохнуть, — сказала она, остановившись. — Прогуляйся и обследуй Мошав. Твой отец скоро придет на обед.

Я наблюдала за ней, пока она направлялась к дому.

Глубоко вздохнув, я пошла в сторону Мошав. Извилистая дорога прекрасно подходит для пробежки.

Когда я подошла к пункту проверки, из окна высунулся парень.

— Я собираюсь на пробежку.

Кивнув, он открыл ворота.

Я побежала. Свежий воздух наполнял мои легкие энергией.

Горный пейзаж похож на кинокартину, а музыка в ушах напоминала мне о доме. Чувствуя себя как в раю, я бежала под ритм любимой музыки.

Если бы только Митч мог видеть, как я бегу по горе. Он влюблен в природу. Моя лучшая подруга, Джессика, тоже. Она будет мне завидовать.

Пока я думала о Митче и Джесс, я пробежала мимо белых коробок. Остановившись и внимательней рассмотрев, я поняла, что это было.

Ульи.

Что, черт побери, делают ульи посередине дороги?

Я думала, что была в безопасности, пока не увидела паразита, кружащего вокруг меня.

— Уходи! — я побежала быстрее. Пчела преследовала меня, летя следом за мной.

Тихо остановившись, я замерла, представив себя королевским гвардейцем, охраняющим Букингемский дворец, надеясь, что пчела пролетит мимо. Но это не помогло. Я только привлекла еще одну пчелу. И еще одну. И еще одну.

Такое впечатление, будто вокруг меня все остановилось вспять, за исключением моего iPad, который играл у меня в ушах.

— Помогите! — я размахивала руками как сумасшедшая, пытаюсь отогнать пчел. К несчастью, пока я думала, одна из них села мне на голову.

Я побежала.

Размахивая руками.

И мотая головой.

Впереди я увидела машину. Надеюсь, это Рон. Но я так сильно махала головой, что не

смогла увидеть, кто это был. Автомобиль проехал мимо меня, но потом я услышала скрежет колес.

Добежав до машины, я увидела водителя.

Эйви.

Это самый последний человек в мире, которого я хочу видеть.

— Заходи, — он открыл мне пассажирскую дверь.

У меня есть два варианта: либо я сяду в машину к идиоту, который видел меня полуголой, либо меня покусает пчелы.

Называйте меня сумасшедшей, называйте меня глупой. Я выбрала второй вариант.

— Увидимся в аду, — сказала я, сбегая вниз по горе.

Спустя четверть дороги пчелы, наконец, оставили меня в покое. К счастью, мне удалось избежать укусов.

Но сейчас я застряла у подножья горы. Я не хочу снова возвращаться и проходить мимо ульев. У меня есть блестящая идея: я подожду Донора Спермы. Савта сказала, что он скоро вернется.

Поэтому я жду. И снова жду.

Сорок пять минут спустя я все еще ждала.

Клянусь, это не каникулы, а полная катастрофа. Если бы я была дома, я бы играла в теннис или гуляла с друзьями. Через час я увидела подъезжающую машину. Я узнала Ду — Ду. Я, как гаишник, контролирующей дорожное движение, замахала руками, пытаюсь остановить его. Вместе с ним была девушка. Она выглянула из окна.

— Тебя подвезти?

— Ах, да.

— Залезай.

Пока я садилась на заднее сиденье, Ду — Ду познакомил меня с девушкой. Ее зовут Офра, и она тоже живет в Мошав. Я откинулась на спинку сиденья, наслаждаясь прохладой от кондиционера.

— О'Дейд сказал, что сегодня ночью ты собираешься вместе с нами на пляж, — Офра повернулась ко мне. — Сегодня особый случай.

— У тебя день рождения? — наугад спросила я.

— Нет, Морон уходит в армию.

Такое событие празднуют?

Офра кажется взволнованной, рассказывая об этом.

— Тебе нужно отдать ему свою вещь и дать совет. Это ритуал Мошав.

Ритуал?

Думаю, у меня аллергия на ритуалы.

Подумай перед тем, как что — то сказать

Мы идем на песчаный пляж, окруженный озером Кинерет. Этой ночью нас семеро: Офра, Снотти, Эйви, Ду — Ду, Морон, О'Дейд и я. Ребята разожгли большой костер, и мы все сели вокруг него.

Эйви проводил Морона до стула, установленного на песке. Потом он достал из сумки рубашку с надписью на иврите. Когда он ее развернул, все засмеялись.

Конечно же, все, за исключением меня, потому что я понятия не имею, что написано на рубашке.

— Что он сказал? — я спросила Офру.

— Где туалет?

— Не знаю. Думаю, тебе придется потерпеть или пописать на песок.

Все засмеялись еще сильнее. И я понимаю, что они смеются надо мной.

— Что?

Офра легонько ударила меня по спине.

— Я не спрашивала тебя, где находится туалет. Я перевела тебе надпись с футболки.

Ох, Боже.

— Эйви, говори по — английски, чтобы Эми могла нас понять, — сказала Офра.

Смутившись, он застыл на месте.

— Beseder¹⁷ — сказал он с неохотой. — С моим другом Мороном происходило много случайностей. Его способность ориентироваться на местности легендарна, то есть просто ужасна. Возможно, с этой рубашкой он не найдет дорогу домой, но он точно поблизости найдет sheruteem, — он посмотрел на меня. — Это означает туалет.

Аплодируя, все засмеялись.

— И мой совет... не флиртуй с женщинами — офицерами. В отличие от тебя, у них есть доступ к оружию.

Это всех рассмешило. Думаю, Морон любит заигрывать с девушками.

После того как Эйви сел, Офра и Снотти подошли к Морону и вручили ему подарок. Открыв подарок, Морон достал трусы — боксеры.

Спереди они были белыми, а сзади на них была нарисована карта Израиля.

— Таким образом, — начала Снотти, — когда ты потеряешься, ты сможешь найти дорогу домой.

— Да, но чтобы посмотреть на карту, ему придется раздеться — смеясь, сказал Ду — Ду.

Я тоже засмеялась. Я представила Морона, потерявшимся посреди пустыни, одетым лишь в футболку с надписью «Где туалет?», рассматривая карту на своем нижнем белье. Это ужасно смешно.

Офра села рядом с одной ногой Морона, а Снотти рядом с другой.

— Наш совет... мы побреем твою голову перед тем, как это сделает военный парикмахер.

Я вижу, как Офра достала из сумки беспроводную бритву. Морон нервно улыбнулся. Стоит отметить, у него шикарная шевелюра. Его густые светло — коричневые волосы достают ему практически по плечо. Он действительно позволит им себя побрить?

Когда Офра включила бритву, Снотти встала позади него.

— Сними рубашку, — сказал Ду — Ду.

Нахмутив брови, Морон снял рубашку через голову.

— Девочки, нежнее, пожалуйста, — подразнил он.

— Не дрейфь — подтрунила Офра и все, не исключая меня, засмеялись.

Морон закрыл глаза, и Снотти выбрила первую прядь посередине головы.

О'Дейд сделал несколько фотографий, пока Снотти заканчивала с другой прядкой волос. Потом бритву взяла Офра и сбрила еще одну прядь. Все хорошо проводили время.

Смею признаться, даже я.

— Дайте Эми попробовать, — сказал Ду — Ду, ободряюще толкая меня.

Я покачала головой.

— Я не очень дружу с бритвой, — особенно с электрической.

Офра и Снотти закончили брить голову Морона. В процессе работы они веселились, создавая ему прическу.

Когда девочки отошли, О'Дейд встал рядом с Мороном.

— В течение трех лет мы были друзьями, и я знаю, как ты боишься темноты, — О'Дейд достал маленький фонарик. — Так что теперь, когда ты окажешься в пустыне Негев, тебе нечего бояться.

— За исключением ядовитых змей, — сказал Ду — Ду и снова все засмеялись.

— Пока рядом со мной есть девушки, мне не нужен никакой свет. Если вы понимаете, о чем я говорю.

— Теперь очередь моего подарка, — сказал Ду — Ду, доставая плюшевого розового мишку. — Когда тебе будет одиноко и некого обнять, ты всегда сможешь уснуть рядом с ним.

— И наш совет... когда ты будешь спать в обнимку с оружием, убедись, что он стоит на предохранителе.

Морон кивнул.

— Хороший совет, ребята.

— Сейчас очередь Эми, — сказала Офра.

Я посмотрела на Снотти. Девушка делает вид, будто не замечает меня. Я взглянула на Офру.

— Вперед, — сказала она, протягивая мне руку, помогая мне подняться.

Я направилась к Морону, держа в руках кусочек материала.

— Это бандана с символом мира.

Взяв бандану, он внимательно ее осмотрел.

— Today. Спасибо.

— Мне сказали, что я должна тебе дать совет, — я прочистила горло. Все смотрят на меня, даже Снотти. От волнения я вспотела. Не говоря уже о давлении.

— Мой совет...

Клянусь, у меня была заготовлена речь, но я ее забыла. Я забыла все на свете. Черт. Я посмотрела на горизонт, где солнце встретилось с водой. Я сказала первое, что пришло мне на ум:

— Не плавай на полный желудок.

О, Боже мой. Не могу поверить, что я сказала это. Парень отправляется в пустыню на боевые тренировки. Какова вероятность того, что во время военных тренировок он будет

плавать в пустыне?

Мой совет встретили молчанием.

— Глубокомысленно, Эми, — сказали Снотти, высмеивая меня.

Я прислушалась к Ду — Ду, спрашивающему О' Дейда.

— Она пошутила?

Если бы можно было вернуться в Мошав, я бы убежала не оглядываясь. Но я не могу. Мне хочется провалиться под землю.

— Хорошо, думаю, я должен что — то сказать, — Морон поднялся. — Спасибо за этот великолепный праздник, подарки и советы. Ваша дружба много значит для меня. Я знаю, что сейчас вы должны бросить меня в Кинерет, но даже не пытайтесь это сделать.

— Ты должен окунуться, — сказал, как ни в чем не бывало Эйви, указывая на озеро.

Когда Ду — Ду и О' Дейд собрались помочь Эйви, тот уже гнал за Мороном по пляжу.

Я удивилась, когда увидела, как они его подхватили и бросили в озеро, обрызгивая все вокруг. Морон полностью промок, но, кажется, его это не беспокоило. Я бы обиделась, если бы мои друзья кинули меня в озеро прямо в одежде. Но он смеялся вместе с остальными.

Офра подошла к Морону, пытаясь ему помочь выбраться из воды, но он схватил ее за руку и потянул к себе. Снотти присоединилась к ребятам. Я наблюдаю за тем, как она обняла Эйви и они вместе окунулись в озеро.

О боги. Разве эти ребята не знают, что нормальные люди плавают в купальниках или плавках, а не в повседневной одежде?! Я не ревную, наблюдая за тем, как они смеются и веселятся, купаясь в озере. Я совершенно счастлива, сидеть здесь в полном одиночестве.

— Эми, иди к нам! — крикнул Морон.

— Да, — продолжила Офра. — В воде здорово.

Я земной человек, я не люблю воду.

— Нет, спасибо, — ответила я.

Первой из воды вышла моя кузина. Она остановилась напротив костра, согреваясь. Я стараюсь избегать зрительного контакта с ней. Боюсь, что мой язык наживет мне новых проблем.

Но возможно, как сказал Рон, я должна попытаться узнать ее поближе. Возможно, она груба со мной, потому что не знает какой я замечательный и интересный человек. Я думаю, что действительно не дала ей шансов подружиться со мной. Я попытаюсь смягчиться.

— О'Снат, я рада познакомиться с твоими друзьями, — говорю я, вспоминая, как Рон просил произносить ее имя.

Клянусь, я заслуживаю медаль за такие милости. Может быть, она скажет, как рада, что я налаживаю наши отношения. Возможно, к концу лета у меня будет сестра, которой никогда не было.

Мои мечты разбились, когда я увидела, как она отвернулась, качая головой.

— Только помни, они мои друзья, не твои.

Она снова стала прежней Снотти.

Иногда, мы должны доказать, что мы сильные, даже если это не так

Я нахожусь в Израиле уже три недели.

К счастью, мне удается избегать Снотти и Эйви. Я провожу много времени дома, с Савтой. Она хорошо ко мне относится.

Она рассказывает мне истории о том, как провела свое детство здесь, в Израиле, и о моем дедушке, который умер задолго до моего рождения. Так же она поведала мне о том, что ее родители сбежали от немцев во время Второй Мировой Войны. Узнав историю своей большой семьи, я взглянула на мир другими глазами.

Однажды утром, сквозь сон я услышала веселый голос Рона:

— Проснись и пой, соня, — я всего лишь хочу снова лечь спать.

Сколько сейчас времени?

Слова ДС крутятся в моей голове, словно те пчелы, которые не желали оставить меня в покое. Я взглянула на часы.

— Полседьмого! — нерешительно сказала я. — Надеюсь, у тебя есть веская причина, почему ты разбудил меня раньше, чем лучи солнца просочились в окно.

Сейчас я в плохом настроении. Я не жаворонок. Никогда им не была, никогда им не буду. На мой взгляд, полседьмого — это даже не утро, это еще середина ночи.

— Эми, мы здесь уже давно и к тому же я тебя не беспокоил. Если ты и дальше будешь спать весь день, ты никогда не привыкнешь к другому времени. Также, все мы работаем. Я хочу, что бы ты, как моя дочь помогала.

Я села и сказала:

— Послушай, я устала и я в плохом настроении. Просто вернись через несколько часов, и мы поговорим обо всем, чем ты захочешь.

— Ты всегда уставшая и в плохом настроении. Тебе нужно подняться, чтобы Юки могла поменять простыни. Наверное, в них уже вырос грибок.

— Очень остроумно.

— Я обещал твоему дяде помочь продать нескольких овец на следующей неделе. После этого, я хочу показать тебе свою страну.

— Да, сделаем это. Через пару недель, — я сказала это лишь для того, чтобы он оставил меня в покое.

Я снова легла, натянув покрывало на голову. Еще немного сна — вот что мне нужно, а не работа во время моих летних каникул или осмотр достопримечательностей.

Я должна убедить Донора Спермы в том, что даже если я и отправилась с ним в это дурацкое путешествие, это еще не означает, что я должна делать все то же, что и он.

Я вздохнула, когда услышала, как он вышел из комнаты. Я посмотрела на кровать Снотти. Она была пуста. Вероятно, она была дома у Эйви.

Не то, что бы я ревную. Нет, я не такая. Я просто не знаю, почему он дружит с ней. Она может и красивая, но злая.

Или, может быть, она только ко мне плохо относится. Поэтому я ненавижу ее еще больше.

Закрыв глаза, я подумала о хороших вещах, таких как возвращение домой.

На самом деле, сейчас ничего не может сделать меня счастливой. Неужели, свои

шестнадцать лет я должна потратить на это? Если это так, тогда я понимаю, почему подростки пытаются выделиться из толпы. Мы не глупые, просто мы пытаемся найти свое место.

Я? Кажется, в эти дни я никуда не вписываюсь. Я будто квадрат, пытающийся вписаться в круг. Поразмыслив над этим, я понимаю, что я ни квадрат и ни круг. Вероятней всего, я восьмиугольник. Я не вписываюсь ни в один угол. Я думала, что была права, но мой любимый и супер — приказной мир все усложнил. Интересно, что сейчас делает Митч. Скучает ли он по мне?

Я заснула и когда проснулась, мой живот заурчал, поэтому я направилась на кухню. Все ушли, в доме было тихо.

Я взглянула на Софию, которая сидела в велюровом кресле, читая книгу.

— Voker Tov, Эми, — строго сказала она, когда я подошла к холодильнику, чтобы изучить его содержимое.

— Мне жаль. Я не знаю, что это означает.

Я, наконец, запомнила, что shalom означает три вещи: привет, до свидания и мир. Мое знание иврита жалко, если не сказать больше.

— «Voker Tov» означает «Доброе утро».

— Ох. Voker Tov.

Сегодня утром бабушка кажется немного тихой. За завтраком я сяду рядом с ней и буду ей что — нибудь забавное рассказывать, может быть, это ее развеселит. А лучше я приготовлю что — нибудь особенное для нее.

Раскладывая на тарелку фрукты, я тянула время, нарезаая маленькими кусочками банан и дыню, как меня учила мама и Джессика. Джессика говорит, что люди восторженно отзываются о «любимцах публики». Фрукты, нарезанные на кусочки в форме лица клоуна, определенно любимцы публики.

— Todah.

— Пожалуйста, — я посмотрела на свой шедевр. — Это лицо клоуна.

— Очень креативно. Тебе нравится готовить?

— Не совсем. Мне нравится кушать. Обычно мы ходим в ресторан.

— Твой отец для тебя не готовит?

Я знаю, о чем ты думаешь. Для меня это отличная возможность сказать Софии, каково на самом деле вернуться домой. Но когда я смотрю в ярко голубые глаза пожилой женщины, мне хочется защитить ее. Как бы сильно я не стыдилась Донора Спермы, я просто не могу расстроить свою бабушку.

— Каждую пятницу он готовит большую лазанью, — говорю я, не успев подумать. — Его куриная Пиката божественна, а по воскресным утрам он мне печет черничные булочки.

В глазах женщины заплясали веселые огоньки, смысл которых я не смогла разгадать.

— Куриная Пиката?

Ох, черт. Только не это. Возможно, мне не стоило говорить о булочках или вместо пикаты было бы лучше сказать барбекю. Но я буду придерживаться своей истории, неважно, хорошая она или плохая.

— Да. Уверена, если ты его попросишь, он что — нибудь приготовит для тебя, — говорю я, рассматривая облупившийся маникюр.

Я услышала, как открылась дверь, и в дом зашла Дода Юки.

— Эми, у Савты через час назначена химиотерапия, — мы вместе помогли моей бабушке подняться. — Все в загоне у овец. Они тебя ждут.

Я ужасно волнуюсь за Савту. Химиотерапия? О, нет... рак.

— Я могу пойти с тобой? Если ты захочешь, я могу тебе почитать.

Савта мягко погладила мою руку.

— Не волнуйся, со мной все в порядке. Иди к ребятам, насладись своими каникулами.

Тебе не нужно проводить в больнице весь день. Ладно?

— Хорошо.

Я хочу пойти с ней и убедиться в том, что врачи знают, что моя бабушка нуждается в особой заботе. Знают ли они, как она важна?

Дода Юки вышла с Савтой за дверь, и я снова осталась одна. Я по — прежнему избегаю овец. Рон хочет, что бы я помогла, но что, если он дает мне работу, которую я не могу выполнить?!

Я не хочу, чтобы он стыдился того, что я его дочь. А если наоборот, он рассказывает всем, какая я хорошая, я не хочу, чтобы все узнали правду, что я не такая идеальная.

Несмотря на то, что у нас есть разногласия, в глубине души я хочу, чтобы он гордился мной. Я знаю, это глупая мысль, но это правда.

Я потратила целый час, разбирая свою половину шкафа. Мой взгляд задержался на скудной одежде Снотти, всящей на другой половине шкафа. Уверена, ей нравится оголяться.

Выйдя на улицу, я не знала, что меня поджидает писклявый щенок. Великолепно, он единственный, кто меня здесь любит.

— Арг!

— Глупый Мутт, — пробормотала я.

— Арг!

Я не обращаю внимания на щенка, путающегося под ногами. Мое настроение поднялось, когда в передней части дома под большим деревом я увидела гамак. Я села на него и положила голову на руки, как на подушку.

— Арг!

Посмотрев сквозь дыры в гамаке, я увидела Мутта подо мной.

— Чего ты хочешь?

— Арг! Арг! Арг!

Я застонала. Собаки — это не мое. Но что бы его успокоить, я встала с гамака и подняла неприятеля. Держа животное в руках, я легла на гамак. Я положила его на себя, чтобы он не упал в дырки. Удобно пристроившись на моем животе, щенок довольно вздохнул.

Вопреки здравому смыслу я начала его гладить. Несмотря на то, что скорее всего у него есть блохи и другие насекомые, он мягкий и пушистый, как стеганое одеяло.

— И — ми!

Посмотрев вниз, я увидела ангельское личико, улыбающиеся мне. Это мой маленький двоюродный брат Матан. Он не может выговорить мое имя, поэтому называет меня И — ми. Это очень мило, поэтому я не поправляю его.

Мутт спрыгнул с моих колен, и я села. Матан держит в своих маленьких пухлых ручках цветы для меня. Мое холодное сердце затрепетало, когда он протянул мне букет полевых цветов из желтых, пурпурных и белых цветов (или сорняков, однако я все равно восторженно смотрю на букет).

Его улыбка стала шире, когда я понюхала цветы.

— Мммм...

Удивительно, как нужно мало усилий, чтобы сделать ребенка счастливым. К сожалению, все вырастают и становятся такими же циничными шестнадцатилетними подростками, как я.

Я подняла Матана и положила его рядом с собой на гамак. Я раскачивалась на гамаке, а Матан смеялся. Взяв цветочек, я заколола ему в волосы. Цветок забавно торчал из его длинных и кудрявых волос.

— Красиво, — смеясь, сказала я.

Я знаю, он не понимает ни единого слова по — английски. Смеясь, он взял цветок из моей руки и заколол его мне в волосы. Мы делали это в течение десяти минут, до тех пор, пока наши головы не украсили полевые цветы.

Он что — то сказал на иврите, а я ответила ему на английском. Совсем не важно, что мы звучали друг для друга чуждо, нам было весело. Смех — это универсальный язык.

Женщина, которую я раньше не видела, подошла к нам и что — то сказала Матану. Спрыгнув с гамака, он побежал к ней.

— Юки оставила его со мной, но он хотел тебя увидеть. Я надеюсь, все хорошо.

— Все хорошо. Что означает имя Матан на иврите?

Она посмотрела на моего маленького кузена.

— Это означает «подарок», — объяснила она, беря мальчика за руку.

Матан обернулся, подбежал ко мне и обнял.

— Shalom, И — ми, — сказал он, качая головой.

Я немного его покачала.

— Shalom, Матан.

Когда он обернулся и посмотрел на меня кучерявой головой, усыпанной цветами и направился ко мне, я поняла, что у меня появился второй друг в Израиле (Мутт первый).

Не доверяй самцам. Человеческим или другим

Зайдя в дом, я взяла лак для ногтей и посмотрела на него. Cotton Candy — это название цвета. Это яркий, блестящий розовый цвет, переливающийся на солнце. Думаю, он будет здорово смотреться на ногтях, отражаясь на солнечных лучах.

Стерев старый лак, я решила покрасить ногти снаружи на солнышке. Сев на асфальте рядом с домом, я открыла пузырек. Я чувствую себя лучше. Полагаю, я привыкла помогать по дому.

Мутт лег рядом со мной, используя меня как тенистое дерево. Я не прогоняю его лишь потому, что он все равно будет держаться поблизости, не давая мне покоя. Я красила ногти на ногах, когда внезапно услышала звук, исходящий из задней части Мутта, который на удивление, похож на пукание.

— Эй.

Собака не встала, а лишь посмотрела на меня так, будто я побеспокоила его.

— Послушай меня. Если ты будешь ошиваться вокруг меня и дальше, у меня есть для тебя несколько правил. Первое правило: лай как собака. Второе правило: прежде чем тереться об меня, помойся. Правило номер три: мне не нужна собака, поэтому можешь пойти и поискать кого — то другого, кто приютит тебя. Правило номер четыре, пять и шесть: ни одна собака не пукает. Ты понял?

Мутт поднял свою ленивую задницу и отошел. Я сказала что — то не так? Может быть, я поиграю с ним позже. Лишь для того, чтобы он не обижался на меня.

Когда я снова начала красить ногти, я услышала, как кто — то подошел к дому. Подняв голову, я увидела Эйви, последнего парня на земле, которого я хотела бы видеть. Он смотрел прямо на меня.

Я опустила кисточку в тюбик для лака.

— Что смотришь? Ты уже видел меня без одежды, — говорю я, стараясь не смотреть в его сторону. Это очень сложно, потому что он выглядит как модель Abercrombie.

Но потом я напоминаю себе, что он видел меня голой. Я хочу, чтобы он был в любом другом месте лишь бы подальше от меня. Я не могу уйти, потому что только что покрасила ногти на ногах и не хочу их испортить. И с другой стороны, почему я должна уходить?

В этот момент Мутт решил вернуться. Я ждала, что он пойдет ко мне, однако он побежал к Эйви.

Предатель.

— Я бы не стала трогать эту вещь. Он грязнее моего дяди Боба.

Дядя Боб работает на фабрике. Конечно, он хорошо моется, но независимо от того, как часто он моет руки, они всегда грязные и липкие, а под ногтями остается грязь.

Эйви наклонился к предателю — щенку, который так энергично вилял хвостом, что можно подумать, будто он торжественный флаг. Потом он посмотрел на меня. Не предатель, Эйви.

— Ты не можешь помочь, не так ли?

Я даже не пытаюсь съязвить ему. Его комментарий заставил меня поджать губы.

— Как видишь.

Я начала покрывать ногти на ногах вторым слоем лака. Я рассержена из — за

высказывания Эйви, мои руки трясутся, и я покрасила кожу вокруг пальца. Каждое касание выглядит так, будто я двухлетний ребенок.

Собака подбежала ко мне и просунула свой мокрый нос под руку.

— Уйди.

Он не отошел от меня, а сел рядом. Я взглянула на Эйви, который по — прежнему смотрит на меня. Почему он это делает?

— Арг!

— Предатель! — ворчу я сквозь стиснутые зубы на Мутта.

— Арг!

Если я тебе скажу, что потом сделал Мутт, ты не поверишь. Он завилял хвостом в воздухе, будто играл со мной. Когда я не клюнула на его приманку, он, схватив в зубы мой ботинок, побежал.

Отлично. Это не просто ботинок. Это мои первые и единственные сандалии от Ferragamo.

— Верни! — кричу я. — Ты хоть знаешь, сколько они стоят?

Я пытаюсь схватить его, но маленький белый дьявол начинает жевать его, как будто это резиновая игрушка.

— Прекрати, — сказала я предупреждающим тоном.

Но он не останавливается. Вместо этого он побежал. Я поднялась, пытаюсь не испортить свой педикюр. Но это не сработало. Как только я посмотрела в сторону щенка, он побежал прочь в другом направлении.

Теперь это война.

Большую часть своей жизни я иду в относительно медленном ритме, но это не означает, что я не могу поднять свой зад, когда это нужно. Единственная моя проблема — когда я бегу моя грудь подпрыгивает. Но я стараюсь не думать об этом. Я сконцентрировалась на спасении моей сандалии от Ferragamo.

Когда Мутт остановился рядом с одним из домов, я притворилась, будто не собираюсь бежать за ним. Я спряталась за лимонным деревом с самыми большими лимонами, которые я когда — либо видела. Они такие большие, будто головы детей.

Когда я думала, что щенок позабыл о том, что я прячусь за деревом, я украдкой взглянула на него. Он вилял хвостом в воздухе снова и снова, наверное, миллион раз за минуту. Он смотрел прямо на меня.

И мой сандалий все еще был в его паршивом слюнявом рте.

— Тебя нужно кастрировать, — сказала я, делая один шаг из — за дерева. Возможно, хотя бы сейчас он проявит немного уважения к Ferragamo.

— Ррр.

— Что значит «арг»? — пока я говорю, я подхожу к нему. — Держи хвост торчком, чтобы я смогла тебя поймать, противная собачонка.

— Ррр.

— Ты меня не запугаешь, — продолжаю я, подходя все ближе. Он почти в пределах моей досягаемости.

— Ррр.

Я сконцентрировала все свое внимание на сандалиии, пока вдруг не сделала еще один шаг и не почувствовала что — то скользкое и липкое между пальцами. Посмотрев вниз, я поняла, что только что наступила на протухший огурец. Но взглянув второй раз, я поняла,

что это не огурец, а МЕРТВАЯ ЗМЕЯ. Она черная, но благодаря солнечным лучам переливается тёмно — зелёным цветом.

Никогда еще не чувствовала себя настолько отвратительно. Я побежала напрямик к дому дяди и тети. Неприличные слова вылетели из моих уст. Я пытаюсь быть сильной и не думать о змеиных кишках, которые, должно быть, застряли у меня между пальцами. Я побежала так быстро, насколько мои ноги мне позволили.

— Шл... — говорю я Эйви, между порывами тошноты. Пожалуйста, дорогой Боженька дай мне силы выговорить слово, прежде чем меня вырвет. — Шл... — тошнота. — Шланг! — я показала ему на свои ноги, на случай если он не понял.

Усмехнувшись (за мой счет), он направился в заднюю часть дома. Когда я увидела шланг, я побежала к нему настолько быстро, насколько прилипшая змея к моим ногам мне позволила.

Эйви повернул ручку крана, и я быстро взглянула на мои босые ноги. Маленькие кусочки черной, тягучей кишки застряли у меня между пальцами. Ногти высохли, но к лаку еще прицепилась трава и сено.

Я сдерживаю позывы тошноты, все еще не в силах с собой преобладать. Думаю, если я перестану смотреть на свои ноги, я смогу пройти через это. Когда вода начала струиться из шланга, я взяла его и направила на свои ноги. Мой взгляд упал на Эйви.

— Спасибо, что помог мне с сандалиями, — саркастично сказала я.

— Спасибо, что помогла с овцами.

— С овцой, а не овцами. И не важно, одна овца или тысячи, она все равно остается овцой¹⁸.

Подойдя ко мне, он взял шланг из моих рук. Раскрыв глаза от удивления, я наблюдаю за тем, как он опустил на одно колено и взял мою босую ногу. Можешь ли ты в это поверить, он начинает мыть мою ногу.

Еще чуть — чуть и я потеряю равновесие. И не потому, что я хочу, чтобы Эйви меня поймал или что — то еще. Мне не нравится играть в проблемную девицу каждый раз, когда он рядом.

У меня кружится голова, потому что на улице очень жарко, и я ушиблась задницей, когда побежала за щенком, своровавшим мои Ferrgamo. В довершении всего, парень, которого я намерена возненавидеть, держит мою ногу в своей руке.

— Ты должна постараться превозмочь приступы тошноты. На что бы ты ни наступила...

— Это была змея!

Он пожал плечами, будто это не так уж и важно.

— Ты когда — нибудь наступал на змей?

— Обычно, я смотрю куда иду.

Я рывком выдернула ногу из его рук.

— Отлично. Там, где я живу, нет змей. Живых или мертвых.

Он поднялся, что не совсем здорово. Я чувствовала себя намного лучше, когда он стоял на одном колене. Возможно, он шесть футов в высоту и когда он смотрит на меня, я чувствую себя крошечной. Вместо ответа, он осторожно вытянул из моей головы цветок.

— Мило, — сказал Эйви, крутя стебель цветка между пальцами.

Ой, я и забыла, что Матан украсил мои волосы желтыми, белыми и фиолетовыми полевыми цветами. Должно быть, я выгляжу как клоун.

— Твой отец хотел, чтобы я передал тебе, что все собрались в моем доме поесть или как

ты это называешь «ланч». Если хочешь к нам присоединиться, следуй за мной.

Он пошел, и я поплелась рядом с ним, но потом остановилась.

— Почему он сам мне это не сказал?

Эйви стрельнул в меня испепеляющим взглядом.

— А еще он хочет, чтобы я извинился за то, что видел тебя голой в ту первую ночь.

— И?

— Израильтяне не извиняются, если им не жаль.

А вот сейчас я действительно взбесилась.

— Ты не собираешься попросить у меня прощения?

Он смотрит мне прямо в глаза.

— То, что я видел, было очень красивым и естественным, так почему я должен извиняться?

Парни глупы или невежественны. Выбирай

— Рон, мне нужно позвонить домой, а мой сотовый не работает, — я в Израиле провела почти шесть недель и мне нужно еще раз позвонить домой. Прежде всего, потому что Митч вернулся из похода, и мне нужно с ним поговорить, а во — вторых мне хочется услышать маму и Джессику.

Рон сидел на диване и смотрел по телевизору новости на иврите. Рядом с ним сидел дядя Хаим вместе с кучерявым Матаном.

Большую часть времени моего прибытия здесь Матан был полураздет. Кто я такая, чтобы упрекать их в том, что их маленького полуголого сына видел весь Мошав? Может они считают, что мы живем в нудистском поселении.

— Думаю, твоя мама уехала из города, — сказал Рон, все еще увлеченно смотря телевизор.

— Хорошо, мне нужно позвонить другу.

— Какой у него номер? — говорит он, направляясь на кухню за телефоном.

Очевидно, здесь, как обычно, нет никакой личной жизни.

Когда я продиктовала номер Митча, он протянул мне трубку. Я пододвинула стул к холодильнику и уселась на него.

— Привет, — ответил грубый голос.

— Митч?

— Да?

— Это Эми.

— Кто?

— Знаешь, девушка твоя, — я начала немного беситься.

— Эй, малышка. Я сожалею, что не позвонил. Вчера вечером я поздно вернулся. Ты знаешь, который сейчас час? — его голос по — прежнему прерывался.

— Митч, я в Израиле. И нет, я не знаю, сколько сейчас времени в Чикаго, потому что нахожусь в противоположной части мира.

— Подожди, ты меня запутала. Израиль?

— Ты спишь или слушаешь меня? Я могла сделать только один звонок, и я решила позвонить тебе. Здесь, как в тюрьме.

Я слышу, как он зевает и пытается сесть на кровать. Надеюсь, сейчас он будет внимательней меня слушать.

— Митч?

— Подожди, мне нужно пописать.

Мне хочется удариться головой об стену.

— Ты не можешь потерпеть?

— Нет.

Я пытаюсь сдержать свой гнев перед остальными членами семьи.

— Ладно, ты можешь поторопиться? Знаешь, это большое расстояние.

— Я постараюсь, малышка.

На заднем фоне я слышу, как Митч сходил в туалет, смыл воду, глубоко и удовлетворенно вздохнул. Не знаю, должна ли я польститься на то, что ему удобно писать,

разговаривая со мной, или же я должна испытывать отвращение.

— Ты закончил? — спросила я, услышав треск цепочки.

— Да. Я возвращаюсь в спальню.

— Ты не помыл руки.

Если я слышала, как он пописал и спустил воду, то бесспорно, я бы слышала, как он моет руки.

— Ты только что просила меня поторопиться. Если я буду мыть руки, мне придется положить трубку. Хочешь подождать?

— Думаю, нет. Просто не забудь помыть руки после того, как поговоришь со мной. А затем, продезинфицируй телефон антисептиком.

— Я предоставлю это тебе, Эми. Потом расскажешь, как все прошло.

К несчастью, входная дверь открылась и вошла Снотти вместе с Офрой. Эйви, Ду — Ду и Моронем. Великолепно. Настоящие везение. Теперь у меня много желающих подслушать мой разговор с другом.

Краем глаза я вижу, как Эйви наблюдает за мной, плотно сжав челюсти. Я не говорила с ним с тех пор, как он преднамеренно не извинился за то, что наблюдал, как я раздевалась. По правде, думаю, мы избегали друг друга. Что очень хорошо для меня.

Я повернулась на стуле лицом к стене и низким голосом сказала в трубку:

— Знаешь, что мне в тебе нравится?

— Черт. Я ударился большим пальцем о скейтборд.

Не такой ответ я ожидала услышать.

— С тобой все хорошо? — сказала я, пытаюсь не потерять все свое терпение.

— Думаю, у меня кровотечение. Подожди минутку.

Размышляя, сколько стоит минута разговора по телефону из Израиля в Соединенные Штаты Америки, я накручивала на палец провод от телефона.

В ожидании мне тяжело побороть себя и мельком не посмотреть, что делают остальные. Они громко разговаривают на иврите.

Не могу больше терпеть. Я взглянула на Эйви. На нем была надета черная футболка с надписью на иврите и потрепанные джинсы с дырками на обеих коленках. На запястье у него был серебряный браслет.

Я и раньше видела на мужчинах ювелирные изделия, но никогда не думала, что это придает им хоть чуточку мужественности. Но Эйви носит свой браслет так, будто это мужской аксессуар. Тогда как другие парни, носящие серебряные браслеты, выглядят очень глупо.

Когда мой взгляд переместился вверх, я почувствовала себя извращенкой, поняв, что он меня поймал. Подняв руку с браслетом, он шутливо помахал мне.

Я чувствую, как покраснело мое лицо, и кровь с силой начала приливаться в мою голову. Он видел, как я смотрела на него. Мне хочется умереть, особенно после того, как он, подойдя к Снотти, взял ее за руку. Две недели назад он держал мою ногу, покрытую змеиными кишками, а сейчас он держит этой же рукой Снотти.

— О'кей, я вернулся. Крови нет, но чертовски болит.

Я забыла, что ждала его и если быть честной, я не обратила внимания на то, что Митч сказал. Опомившись, я мягко засмеялась в трубку. Эйви пытается сосредоточиться на Снотти, но я точно знаю, он подслушивает мой разговор.

— Что здесь смешного? — спрашивает Митч. — Я страдаю от боли и все, что ты

можешь сделать — это посмеяться?

Вы никогда не пробовали притвориться, что хорошо проводите время, хотя это далеко не так? Отвратительно, когда другой человек этого не понимает. Мне нужно, чтобы он подыграл мне, но я не могу попросить его, иначе меня рассекретят. *Митч, подыграй мне.*

— Не могу дождаться, нашего совместного похода, — сказала я.

Пусть Снотти и все остальные поймут, что дома меня ждут. И к тому же, так я меньше чувствую себя неудачницей, гуляющей здесь одна.

— Что с тобой случилось? Ты же ненавидела походы.

— Конечно, хочу, — говорю я, снова хихикая.

Обычно я не хихикаю, но я очень стараюсь быть как можно естественней. У меня хорошо получается. Я так думаю.

Хотя сейчас мой парень думает, что я сумасшедшая.

— Что мне делать с нашими билетами на концерт BoDeans в Ravina на следующей неделе? Я заплатил четырнадцать долларов за билеты, вместе с доплатой за билеты на Renaissance Faire. Ты обещала пойти со мной.

К счастью, ребята ушли. Я с облегчением вздохнула, потому что снова могу быть сама собой.

Повернувшись на стуле, я заметила на потолке что — то летающие, похожее на паука.

— Да, конечно, но это было до того, как я застряла в стране с дворняжками, ворующими Ferragamo и летающими пауками.

— Что?

— Забудь. Я действительно хотела пойти с тобой.

Боже, надеюсь, он не попросит Роксану Джеффрис пойти с ним. Это его соседка и она целый год флиртует с ним. Он даже рассказывал мне, что она раздевается с распахнутыми занавесками.

— Послушай, у меня есть великолепная идея. Пригласи Джессику. Этим летом она не занята, только работает в дневном детском лагере. Сходи с ней, — и еще она присмотрит за тобой.

— Не думаешь, что это будет странно, если я пойду с твоей лучшей подругой?

— Это не будет свиданием.

Джессика не считает Митча симпатичным. Как то — раз она мне сказала, что он напоминает пуделя. У каждого свое мнение. Как говорит моя мама: «Мнение — это как задница. У каждого она есть, и все считают, что чужая воняет». Это правда.

— Думаю, я бы мог ее пригласить, — наконец сказал Митч.

— Передай ей, что я скучаю.

— Конечно. Когда ты вернешься?

Если я смогу манипулировать Роном, то скоро.

— До начала школьных занятий, но кто знает, — мы оба посещаем частную Чикагскую Академию.

Он зевнул.

— Возвращайся скорой.

Как будто я могу.

— Ты тоже. Не скучай по мне слишком сильно.

Усмехнувшись, он сказал:

— Пока, Эми.

Прежде, чем я успела ответить, я услышала щелчок.
— Пока.

Звезда — это только звезда. Или нет?

Утром следующего дня в девять часов я, как обычно, скучала. Я завтракала в одиночку, наблюдала за тем, как Савта сидела в кресле. Снотти вернулась поздно ночью, все ее друзья смеялись и шумели до двух часов ночи. Ненавижу это признавать, но я сожалею, что осталась дома. Быть вместе с ребятами здорово, конечно же, за исключением Снотти и Эйви.

— Твой аба ¹⁹хочет, чтобы ты отправилась в загон к овцам. Он ждет тебя, — сказала София.

— Не хочу.

Знаю, веду себя как маленькая девочка, но я не хочу вдаваться в подробности и ранить пожилую женщину.

— Он скучает по тебе.

Что? Даже если бы я исчезла с лица земли, он бы все равно не скучал по мне.

— Не верю, — говорю я, наполняя хумусом лаваш и откусывая его.

— Он любит свою Родину и хочет разделить ее с тобой.

Пережевывая лаваш, я ляпнула:

— Если он любил это место, почему не вернулся сюда?

— Эми, бьюсь об заклад, ты знаешь ответ на этот вопрос. Он отсутствовал из — за тебя. Ты — его семья. Его будущее. Его кровь. Где будешь ты, там и будет его дом.

Слушая ее голос, я встала на коленки рядом с ней. Ее голос успокаивает, и когда она говорит, он звучит почти как колыбельная. Я громкая. Моя мама шумная. У меня громкий голос. Я слишком громко хожу. Я просто шумная девушка. Но эта пожилая женщина как хлопок — все в ней мягкое и успокаивающие. Наклонившись, она что — то достала из кармана.

— Протяни руку.

Я протянула руку. Она что — то в нее положила и мягко свернула мои пальцы в кулак.

— Что это?

— Посмотри.

Разжав кулак, я смотрю на маленькую бриллиантовую еврейскую звезду, обрамленную золотом, блестящую в середине ладони. Она соединяется с тонким золотым ожерельем. Звезда меньше монеты. Она большая для своего значения, но маленькая, что бы быть... личной.

Даже не знаю, что сказать. Быть еврейкой — это не для меня. Моя мама не верит в религии, поэтому я была в церкви лишь один раз, когда мой кузен женился. Так же я один раз была в Синагоге, когда брат Джессики проходил обряд Бар — Мицва ²⁰.

— Я бы хотела, чтобы ты ее носила, — сказала Савта, — Это Маген Давида, звезда Давида.

Боже, я хочу ее. Не знаю, почему я его хочу, но мне хочется взять ее. Я не еврейка и если я приму ее, то буду чувствовать себя большой лицемеркой. Я имею в виду, что никогда не смогу носить ее. Это просто блестящий бриллиант, но для Савты он очень важен.

— Я не могу это принять, — когда я увидела разочарование в ее глазах, которые отражают эмоции моих собственных, я добавила. — Она слишком красива.

— Ты хочешь еще что — то сказать, не так ли?

Откуда она знает?

Поднявшись, я сказала:

— Я не еврейка.

Я не могу смотреть на нее. Если я это сделаю, я смогу увидеть в ее взгляде разочарование от того, что девушка — не — еврейка ее внучка. Не знаю, как израильтяне относятся к не — евреям. По некоторым причинам я не хочу знать, что она раздосадована из — за меня. Мне нравится Савта. Очень сильно нравится.

— Посмотри на меня, моя милая Эми.

Я? Милая? Подняв глаза, я внимательно на нее посмотрела.

Она улыбалась, вокруг ее глаз образовались морщинки. София взяла меня за руку, все еще держа в своей руке ожерелье с маленькой еврейской звездой.

— Быть евреем — это больше в твоём сердце, нежели в уме. Для одних, быть евреем значит строго соблюдать законы и обычаи наших предков. Для других, быть евреем — значит быть частью общества. Религия — это личное. Она всегда будет с тобой, когда ты захочешь к ней обратиться или будешь в ней нуждаться. Ты можешь принять иудаизм или решить, что он не нужен в твоей жизни. Никто не может внушить тебе веру, иначе это будет неправда.

Смотря на ожерелье, я сказала:

— Я могу взять его? Только на некоторое время. Я тебе его верну, обещаю.

Она погладила мою макушку.

— Я часто спрашивала себя, почему мой сын так долго не возвращался в Израиль. Я вижу, как он на тебя смотрит. Он хочет защитить тебя, предотвратить твои раны или вред, пытаясь сгладить твой внутренний огонь. Этот огонь истинный и чистый. Возьми ожерелье, — а потом, поколебавшись, она добавила, — на столько, насколько захочешь.

Глядя на женщину, чьи слова переворачивают твой внутренний мир наизнанку, а глаза отражение твоих глаз, я внутренне содрогнулась. Повернувшись, я направилась к холодильнику за водой. Несмотря на то, что она была прямо передо мной, когда я открывала холодильник, я чувствовала, как мои конечности парализовало.

Закрыв дверцу холодильника, я обратилась к Савте, направляясь к двери.

— Думаю, мне нужно немного прогуляться.

Я еще раз взглянула на ожерелье, а потом осторожно положила его в задний карман.

Я направилась по дороге, ведущей к овцам. Когда я приближалась к скотному двору, щенок — вор — Ferragamo подбежал ко мне. Его грязный хвост неистово вилял, обмахивая его зад. Вспоминая свои пальцы, испачканные в змеиных кишках, я прошла мимо собаки, не обращая внимания на его жалкие попытки плестись за мной.

— Арг!

Я посмотрела вниз на вещь.

— И тебе арг. Где моя сандалия?

— Арг, — виляние хвостом. — Арг, — виляние хвостом.

Он побежал к холмам к скотному двору, а я по пути думаю о том, как повезло щенку: он делает все, что ему заблагорассудится. Он даже своровал чужие ботинки и остался безнаказанным.

Я иду дальше по направлению к загонам, ориентируюсь на звуки скота и электрических бритв, которые помогли мне выбрать правильное направление. Заметив Рона, я направилась

к нему. Я внушаю себе, что пока я здесь, нет никаких причин убеждать Рона, что я некомпетентна, и заставляю его сожалеть о том, что я его дочь.

— Эми, любимая, сюда!

Мой взгляд направился в сторону голоса Рона. Раньше он никогда не называл меня любимой, и отчасти меня это пугает. Во всяком случае, что это значит? Любимая. Это мило, но с другой стороны это навязчиво и я не избалована такими обращениями. Слишком мило. Это обо мне? Никогда в жизни. Наклонившись и прижав коленями овцу, он начал сбривать ее седую шерсть. Овца не возражает, в отличие от меня.

— Рон, это бесчеловечно.

Он заканчивает брить мех овцы, в то время как ее пух падает рядом с ним. Наконец, отпустив бедное лысое животное, он посмотрел на меня.

— У тебя есть вариант получше?

Оглядевшись, я поняла, что не только Рон стрижет овец. О'Дейд был рядом с Роном, Ду — Ду стоял около О'Дейда, дядя Хаим находился недалеко от Ду — Ду, а Эйви работал вблизи с моим дядей. Глядя на их тяжелое дыхание и мокрые от пота футболки, я могу сказать, что они устали. У них вспотели не только грудь и подмышки, но даже футболки полностью промокли.

И все смотрели на меня. За исключением О'Дейда. Он наблюдал за Снотти, которая стояла по другую сторону загона. Хम्म...

Жужжание бритв остановилось, и я чувствую, будто весь мир тоже остановился. Я быстро думаю что сказать.

Я молниеносно выпалила первую мысль:

— Почему бы просто не оставить шерсть?

Черт. Этот звучит так просто. Я хихикнула.

Справа от меня засмеялись моя кузина и Офра. На Снотти надета облегающая футболка черного цвета, а ее мрачный макияж растекся по щекам, в то время как она кормит ягненка из бутылочки. Она никогда не слышала о водостойкой туши? Или выражение: «чем меньше, тем лучше»?

— В летние месяцы им слишком жарко, — пояснил Рон.

Сев на металлические перила, я рассматриваю обстановку. В центре загона собаки едят с пола что — то красное и липкое. Мои губы вытянулись в узкую линию.

— Что едят собаки? — возможно, я не хочу знать ответ на этот вопрос, но любопытство — мое лучшее качество.

— Одна из овец этим утром родила ягненка.

— Они едят ягненка?

— Нет, плаценту. Она очень сытная.

Я задыхаюсь.

— Фуу!

Я не должна была спрашивать об этом. Если бы я не спросила, я бы не узнала. ОТВРАТИТЕЛЬНО! Плацента ягненка. Не думай об этом. Не думай об этом.

Но, чем сильнее я стараюсь не думать об этом, тем трудней мне оторвать свой взгляд. Это словно кровавые криминальные сцены, которые показывают по телевизору. Ты не хочешь их видеть, но в то же время не можешь оторваться.

Краем глаза я вижу, как Мутт зашел в амбар. Он слишком маленький и может протиснуться под металлическими перилами. Когда он посмотрел на меня, я строго ему

сказала:

— НЕ ЕШЬ плаценту ягнят.

Он кивнул, будто понимает мои слова. Но потом он направился напрямиком к плаценте и откусил липкий кусок кровавой плаценты. Я больше не могу смотреть на это.

Если бы Джессика была здесь, мы бы могли посмеяться над этой отвратительной ситуации. Но ее здесь нет.

Я приблизилась к загону с новорожденными барашками. Когда один барашек, спотыкаясь, проковылял ко мне, я погладила его.

— Привет, милый.

— Бее, — проблеял он, и я улыбнулась.

Думаю, я впервые улыбнулась с тех пор, как Матан украсил мои волосы цветами.

— Не привязывайся к нему, его скоро убьют.

Мое сердце разбилось, а улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. Взяв ягненка, я повернулась к Снотти.

— Что?

— Когда им будет три месяца, нам придется их убить. Это самец, поэтому он будет убит одним из первых.

Посмотрев в глаза недавно родившегося незащитного малыша, я притянула его к себе, пытаюсь защитить.

Я хищник. При мысли о том, что я съем знакомого мне животного, мой желудок болезненно скручивается. Он такой милый. Как я могу допустить саму мысль о том, что бедолагу убьют? Возможно, после этого я не избавлюсь от углеводов.

Матан весело бежал за Додой Юки. Он, как обычно, раздет. Забавно, я привыкла видеть этого малыша голым и теперь меня это не смущает.

Зайдя в загон, он начал бегать вокруг ягнят. Он весело визжал, пытаюсь поймать их.

Спустя минуту ягнята начали бегать за ним. Но я понимаю, они не собираются с ним играть, а думают, что это еще одна бутылочка молока. Смеясь, он бегал вокруг овец, которые пытались получить свое молоко, как будто он был игрушкой. Оглядываясь вокруг, я замечаю, как Дода Юки смеется вместе с теми, кто прекратил стричь овец.

Я подбегаю к Матану, хватаю его маленькое голое тельце, защищая от извращенных овец.

После того, как я отвела его в безопасное место, я очень громко сказала, чтобы каждый меня услышал:

— Это. Не. Хорошо.

На лице Матана не появились тени беспокойства или какие — то другие эмоции. Он все еще смеялся. Дода Юки поговорила с дядей Хаимом, а потом, вместе со счастливым Матаном, пошла домой. Спасибо, Господи.

Электрические бритвы снова заработали, и все, за исключением Рона, наклонились над бедными овцами. Сказав что — то на иврите дяде Хаиму, он приблизился ко мне.

— У меня есть для тебя работа.

Решительность и ловкость делают часть работы

Нелепое везение делает все остальное

Я следую за Роном в дальнюю часть загона, которая, к счастью, была в тенишке.

— Когда мы закончим брить овец, пригони их сюда.

Я смотрю на худых и голых животных. Боже, они выглядели такими толстыми, радушными и большими со своей кучерявой шерстью. Невероятно, какими они становятся уязвимыми и маленькими после того, как их побреют. По моей коже пробежали мурашки, когда я представила, что они чувствуют.

Но я полна решимости помочь. Я так думаю. Эми, не подведи. Я ищу Снотти, которая кормит ягнят бутылочкой с молоком. Это кажется забавным. Почему я должна загонять лысых овец?

Что, если они будут грубы со мной? Или еще хуже, вдруг они подерутся между собой? Ух!

— Ты можешь это сделать?

— Конечно, — сказала я с большей уверенностью, чем чувствовала, — проще простого.

Если я это сделаю, возможно, он будет мною гордиться.

Когда дядя Хаим отпустил овцу, она побежала от него. Это самец, я могу это сказать по его свисающим органам между ног. Он внимательно наблюдает за мной из — за угла амбара.

— Пошли.

Но из — за шума в амбаре, бьюсь об заклад, он меня не слышит.

Овца смотрит на меня большими серыми глазами. Интересно, смогу ли я с ним справиться?! Я сделала шаг вперед. Он не двигается.

— Пойдем, — на этот раз я чуть громче сказала.

Искренне надеюсь, что за мной никто не наблюдает. Я сделала еще один шаг к животному. Он отошел.

— Сюда, глупенькая.

Животное не хочет меня слушаться. Проклятье. Я посмотрела на Рона, но он, к счастью, не обращал на меня внимания.

Я против овцы. Я упоминала, что после бритья они выглядят ранимыми и маленькими? Беру свои слова обратно. Прежде чем я успела сделать еще один шаг в сторону голой овцы с висящими шпугами между ее ног, из угла амбара поднялась другая овца и подошла к первой. Теперь мне нужно загнать обоих.

Поднявшись, Эйви направился к еще одной пушистой и толстой овце, чтобы подстричь ее. И в этот момент наши взгляды встретились. Я еще не простила его за тот инцидент со змеиными кишками. Невероятно, он даже не собирается извиняться за то, что видел меня голой, словно овцу без шерсти. Немного иронично, не правда ли? Без слов, одним лишь взглядом, я прошу его помочь мне.

Он смотрит на меня с презрением. *Не в этой жизни, Эми. Ты одна.* Он не сказал это вслух, но я знаю, именно об этом он и думает.

Он не поможет. Я сделала еще один шаг к овцам. Возможно, если я смогу понять их эмоции, они сделают то, что я хочу. Широко открыв глаза, я внимательно смотрю за большой овцой. «Зайди в загон», мысленно настаиваю я. «Эми, сконцентрируйся», —

сказала я сама себе. Прижав пальцы к вискам, я попыталась мысленно повлиять на чертово животное, которое смотрит на меня как на сумасшедшую.

Я чувствую чье— то присутствие рядом со мной. Резко повернувшись, я чуть не столкнулась с Эйви. Растерянность на его лице, нахмуренные брови и его шоколадные глаза говорят мне, что он считает меня картофельным пюре (на всякий случай, если ты не знакома с этим выражением, это значит, что я безмозглая).

— Ях! — крикнул он, топая ногой. Это доказывает, что парень думает, будто я картофельное пюре.

Я повернулась к овцам, которые по команде побежала к загону. На лице Эйви сияет такая высокомерная улыбка, будто он сделал что — то невероятное.

— Готов поспорить, твой парень не может это сделать.

Как он осмелился упомянуть о Митче в этом... этом... этом...

— Готова поспорить, он не стал бы вести себя как победитель.

К концу дня, подражая технике «ударить — крикнуть», которой меня научил Эйви, я превратилась в прекрасного пастуха.

В какой— то момент даже Рон сказал:

— Хорошая работа, дорогая, — он никогда не узнает, как много значат для меня эти слова.

После того, как в конце дня взрослые покинули амбар, я посмотрела на молодежь, собравшуюся вместе на тюках сена высотой более десяти футов.

В тот момент, когда я проходила мимо них, Офра крикнула мне:

— Эми, иди сюда, — Снотти смотрит на нее, но Офра ее игнорирует.

— Нет, спасибо.

Эйви сидел на верхушке так, будто он прирожден для такой высоты.

— Она боится сюда взобраться, — сказал он. — Она много болтает, но на самом деле она трусиха.

Невероятно. В одну минуту он помогает мне, а в другую превращается в идиота, оскорбляющего меня. Больше ничего не нужно, чтобы заставить меня подняться на грубую желтую солому.

Когда я забралась на вершину, я не знала куда сесть. Свесив ноги на край тюка, я откинулась назад. Все смотрят на меня. Я села ближе к Эйви, чтобы заставить его кое о чем подумать.

— Почему ты меня ненавидишь?

Знаю, я не должна была задавать этот вопрос при всех, но я ничего не могу с собой поделаться. Мне нужно узнать правду. Мне нужно узнать прямо сейчас.

Эйви не отвечает, и все смотрят в его сторону.

— Не принимай это близко к сердцу, — сказал Ду — Ду, — он уже давно себя так ведет.

— Почему? — спрашиваю я Ду — Ду, все еще смотря на Эйви.

Все молчат. Напряжение настолько велико, что, кажется, будто я сижу на солнцепеке. Эйви произнес что — то на иврите и, конечно же, я ничего не поняла. Мое знание иврита не превышает пяти слов. Он знает это. Снотти знает. Черт, они все знают.

Я чувствую себя летающим пауком, который залетел в дом и не может найти выход. Я не паук и не муха. Я что — то среднее.

Ребята начали спорить. Одновременно. Очень сильно. Такое впечатление, будто я на

фестивале мокроты, потому что в каждом слове есть звук “Х”, исходящий из самой гортани.

Было бы здорово знать, о чем они говорят. Они обсуждают, почему Эйви меня ненавидит? Кажется, да. Но они спорят.

Очевидно, Эйви и Снотти меня ненавидят. Я рада, что другие ребята более приветливы. Каждый раз, когда О’Дейд что — то говорит, он наклоняется все ближе к Снотти. Интересное наблюдение, над которым я могу потом подумать. Любопытно, что в ней есть такого, что привлекает всех мальчиков? Каждая девушка может наштукатурить черным все лицо.

Я поднялась, готовая спуститься с этого тюка сена. Рядом с Эйви и Снотти я чувствую себя неудобно.

— Хочешь пойти с нами в поход? — спросил Ду — Ду.

Я вопросительно подняла брови, но прежде чем я успела ответить, Эйви меня перебил:

— Mah pee tome!

— Clama low? — спросил Ду — Ду у своего друга ²¹.

— Алло? Почему бы вам не поговорить на английском? Разве вы не понимаете, что это грубо общаться между собой, пока я нахожусь рядом с вами?

Офра, откинувшись на локти, кивнула.

— Она права.

Я моргнула. Я готова расцеловать эту девушку в губы за то, что она поддерживает меня. Хотя я не отношусь к этому типу. Но если она это сделает, я ее поцелую.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Эйви простонал.

— Я не пойду.

— Ты сказала своему парню, что пойдешь с ним. Я слышал твой телефонный разговор, — с вызовом сказал Эйви.

Думай быстрее, Эми. Он преследует свою цель.

— Да, конечно, я пойду только с ним. Митч стал бойскаутом примерно в пять лет.

Снотти присвистнула.

— Эми, ты сочиняешь разные сказки, что бы хорошо выглядеть. Что правда, а что ложь? Эйви прав на счет тебя.

Тишина. Мое терпение на исходе.

Я знаю, что не стоит ссориться с тем, с кем живешь в одной комнате. И я знаю, что, вероятно, не совсем хорошо нападать на свою кухню на глазах у свидетелей. Возможно, из — за языкового барьера она даже не поймет меня. Я ничего не могу поделать, меня переполняет адреналин.

Даже сейчас, когда я сама себе говорю успокоиться и попридержать рот на замке, я слышу собственный голос:

— Ты не устала вести себя как сучка? С тех пор, как я тебя знаю, ты обращаешься со мной, как с куском дерьма, — я пытаюсь остановиться, но мой рот не затыкается. — Я на дух тебя не переносу, твои короткие рубашки и облегчающие штаны... О! У тебя ничтожная грудь! Это же правда, не так ли?

Я указала пальцем на Эйви.

— И ты, ты плохо ко мне относишься и постоянно задираешь. Идти в поход лишь для того, чтобы...докучать тебе! Если я тебе не нравлюсь, не ходи. Тогда ты будешь трусливым болтливым израильтянином!

— Ты думаешь, что ты храбрая? — с вызовом спросил Эйви.

— Чертовски верно. Я могла бы столкнуть тебя с этого тюка сена, даже не подумав об этом дважды.

Насмешливо улыбаясь, он встал.

— Ну, попробуй!

Хорошо, я думаю об этом. Но только один миг. Потом, со всей мочи я толкнула его в грудь.

Он даже не шелохнулся. Этот парень как скала.

Услышав его смех, я отвернулась и спрыгнула с сена на твердую землю. Они не представляют, какие рациональные чувства вызвали у меня. Я размышляю о случившемся.

Не знаю, почему слезы капают на мои щеки.

Не знаю, почему я на них разозлилась, ведь мне предстоит с ними жить последующий месяц.

И, черт побери, я не знаю, почему согласилась пойти в поход в зону военных действий с людьми, которые меня ненавидят.

Боже, я в Израиле, на Святой Земле. А где ты?

Когда выбор невелик, делай то, что можешь

Вечером, после ужина, когда я смотрела телевизор вместе с Додой Юки, друзья Снотти зашли в дом. Почему здесь не закрывают двери?

Снотти и Офра, вырядившись в короткие облегающие платья, вышли из спальни. Эйви, Ду — Ду и О'Дейд надели джинсы и рубашки с длинными рукавами.

Я не спрашиваю, куда они идут сегодня вечером, потому что меня это не интересует. Я счастлива целыми днями смотреть телевизор. Я была приятно удивлена, узнав, что в Израиле есть много американских телепередач. Наверное, поэтому израильтяне хорошо знают английский.

Рон, полвечера проговоривший по телефону, подошел ко мне.

— Ребята идут на диско.

Диско? Звучит как в семидесятых.

— Рада за них.

— Разве ты не хочешь пойти?

— Нет.

— Будет весело выйти за пределы Мошав.

Если бы он только знал, что я ранее сказала О'Снат. Я оскорбила ее стиль и грудь. Я не собираюсь рассказывать Рону об этом маленьком инциденте.

— Пойду, попрошу, чтобы они взяли тебя, — прежде чем я успела его остановить, он встал и направился к Снотти. Он что — то сказал ей на иврите.

Она ему ответила.

В этот момент, Дода Юки прервала их разговор. В ее голосе слышатся поучительные нотки. А потом, моя тетя подошла и взяла меня за руку.

— О'Снат хочет взять тебя вместе со своими друзьями.

Да, конечно. Женщина просто сражалась от моего имени, мое сердце не позволить мне спорить с ней. Вместо этого, я гневно посмотрела на Рона, на человека, который первый втянул меня в эту неразбериху.

Десять минут спустя я села в машину Эйви. Мы поехали по склону горы. Эйви и Снотти меня игнорируют, но я их не виню. Я ненавижу их, они презирают меня. Это взаимные ненавижу — призираю отношения.

Когда мы остановились около «диско», я вышла из машины и пошла за Снотти, Офрой, Ду — Ду, О'Дейдом и Эйви. Похоже на большой склад. Громко играла музыка и ярко — мигающие огни сияли из больших окон.

Увидев огромную очередь около входа, я остановилась.

— Там безопасно?

— Обещаю, внутри нет змей, на которых ты случайно можешь наступить, — сказала Снотти, смеясь надо мной.

В моих глазах появился блеск негодования, направленный к Эйви. Как он мог рассказать Снотти о случае со змеиными кишками? Предательство. Благодаря ему я чувствую себя униженной.

— Пойдёмте, — сказала Офра, взяв меня за руку и направляя к очереди.

Зачесав волосы, я встала в конец очереди. Когда я подошла к входу, военный заставил

меня открыть клатч и показать содержимое. Я думала, что он попросит показать удостоверение, но он этого не сделал. Полагаю, в клубах Израиля нет никаких возрастных ограничений. Когда военный пропустил нас вперед, мне пришлось пройти через металлоискатель, чтобы попасть на «диско».

Ребята, нет никакой опасности. Если бы в Америке в каждом городе, торговом центре или баре нас окружали военные, то никого бы не осталось, чтобы защитить страну.

Когда я, наконец, зашла внутрь, от громкой музыки вибрировал пол. Снотти, Офра, О'Дейд и Ду — Ду направились напрямую к танцполу и начали танцевать. Эйви прислонился к перилле. Задумчивый, как и обычно. Пока он там стоял, его окружили девчонки, поэтому он не выглядел одиноким.

Я? Ну, я стою одна, потому что сейчас у меня нет желания танцевать. От стены до стены стоят люди, но мне удалось протиснуться сквозь толпу и дойти до бара. Мне нужна Соса — Cola или что —нибудь еще в руке, а не просто стоять и смотреть на людей.

К счастью, я успела сесть на табуретку до того, как кто — то бы другой занял ее своей задницей.

Воспользовавшись моментом, я осматриваю обстановку. Люди принарядились для дискотеки в модную одежду. Все танцуют, смеются и пьют. В воздухе пахнет сигаретным дымом, видимо, здесь не запрещено курить.

По приезду домой я не смогу посетить клубы, потому что мне только шестнадцать и меня туда впустят лишь в двадцать один. Но когда я туда попаду, я смогу развлечься, как израильтяне.

Бармен что — то сказал мне на иврите и поставил передо мной пивной стакан с желтой жидкостью.

— Я говорю по — английски, — прокричала я, чтобы он мог услышать меня сквозь музыку.

Наклонившись, он сказал мне на ухо:

— Парень заказал тебе напиток.

Он указал на другой конец барной стойки, где сидел парень в белой рубашке с расстегнутыми пуговицами. Он шутит? На вид парень ровесник Эйви. У него длинные волосы. Длинные волосы — это не круто. Кажется, он переборщил с гелем для укладки волос. Он, наверное, самый крутой в этом месте.

Грандиозно. Я — магнит для крутого парня.

К моему ужасу, парень, словно мачо, направился ко мне. На его лице сияет огромная улыбка и, кажется, он не брился целую неделю.

Мне нужна помощь.

Снотти и другие ребята танцевали на танцполе, поэтому от них не будет много помощи. Я ищу в помещении Эйви, который, очевидно, отошел от перилл. Если я его найду, я смогу притвориться, что у меня свидание и этот парень оставит меня в покое.

Когда я, наконец, взглядом нашла Эйви, я была готова поклясться, что он не унывал. Он танцевал с копией Хилари Дафф.

Что еще хуже, он хорошо танцует. Не как остальные парни, которые только двигаются из стороны в сторону. Нет, Эйви двигается так, будто рожден для танцев с девушками в своих объятиях.

Я с отвращением смотрю, как он нагнулся ближе к ней, что — то сказал на ухо и они вместе засмеялись. По какой — то причине мне не нравится, что здесь настолько шумно и

ему приходится ближе прижиматься к ней, чтобы поговорить. Я не забочусь о нем, я просто рассерженна, что он хорошо проводит время, а я нет.

— *Alio, cusit ay zeh*, — сказал крутой парень, обойдя толпу и остановившись передо мной.

— Я говорю по — английски, — извиняясь, я пожала плечами.

— Мой английский не так хорош. Ты американка?

— Да.

Его глаза заблестели.

— Хочешь потанцевать со мной? Мои танцы лучше, чем мой английский.

Внимательно посмотрев на него, я бросила взгляд на Эйви, который все еще танцевал с тупой блондинкой. Схватив парня за руку, я повела его в центр танцпола.

С четырех лет я занималась в Танцевальной Студии Джулии, поэтому я не боюсь выступать. Слушай, я бы не выбрала этого парня для танцев, но на данный момент я не могу быть придирчивой.

Слушая музыку, я притворялась, будто танцую с другом. Когда парень обвил руками мою талию, я попыталась представить, будто это руки Митча.

Я закрыла глаза. Но единственная проблема в том, что в моем воображении это не руки Митча. Это Эйви. Парень, которого я ненавижу, витает в мыслях обо мне и моем парне.

Минуточку. Думаю, парень, с которым я танцую, ощупывает мою спину, пытаюсь найти застежку лифчика. Открыв глаза, я столкнулась с лицом извращенца. К счастью для меня, мой лифчик застегивается спереди.

Я прекратила танцевать. Извращенец наклонился вперед, чтобы поговорить со мной. Здесь слишком шумно, поэтому чтобы тебя услышали приходится кричать на ухо. Я думала, он собирается извиниться, пока не почувствовала скользкую мокрую штуку, пытающуюся пробраться в мое ухо.

Что, черт побери, это?

Когда я поняла, что крутой парень, скользя своим языком Джини Симонс вокруг моей ушной раковины, пытается засунуть его в мой ушной канал, я, крикнув, оттолкнула его. Я сделаю все возможное, чтобы отстранить его язык как можно дальше от своего уха.

К несчастью, я толкнула его на других танцующих людей. Они не очень были согласны со мной или с нарушителем и толкнули его назад. Начинается толкучка, и вскоре все вышло из — под контроля.

Вот дерьмо.

Я окружена толпой, неспособная сдвинуться, потому что люди обезумели. Я была благодарна, когда кто — то взял меня за руку и потянул к выходу.

До тех пор, пока я не узнала браслет Эйви.

На улице, пробираясь через толпу, я спотыкнулась на Эйви. Все покинули клуб. Увидев полицейскую машину с включенной сиреной, я запаниковала. Кто — то, разговаривая с полицейскими и солдатами, указывал на меня.

— Черт. Эми, ничего не говори. Дай мне разобраться.

Когда к нам подошли солдаты и полицейские, я попыталась держать рот на замке.

— *Mah aseet*, — сказал солдат.

Когда Эйви начал говорить, солдат поднял руку и указал на меня.

Я хотела держать рот на замке, действительно хотела. Я намеревалась стоять и молчать.

— Я говорю по — английски, — ляпнула я.

— Это ты начала толкать людей на танцполе? — грубо спросил солдат.

— Только из — за облизывателя ушей. Я хочу сказать, сначала он лапал меня, но потом, ладно, я подумала, что он хочет извиниться. Вместо этого он начал лизать мое ухо. Готова поклясться, это не было извинением, он устроил ванную для моего уха.

Я знаю, что говорю бессвязно. Мне страшно, я знаю, что заслуживаю наказания за причинённый ущерб целому клубу. Холодный узел образовался в моем животе, и я сильнее вцепилась в руку Эйви.

Вдруг, краем глаза я увидела языкастого парня.

— Он там! — закричала я.

Извращенец развернулся и скрылся за машиной.

Солдат отдал приказ Эйви и ушел.

— Что он сказал?

— Либо я сейчас же отвожу тебя домой, либо тебя арестуют. Пойдем.

— У тебя есть ушные палочки?

— Зачем?

Хм!

— Мне нужно продезинфицировать ухо после этого парня. Бьюсь об заклад, из — за него я подхватила ушную инфекцию.

Он так быстро идет, что я еле успеваю за ним.

— Ты не винишь меня в произошедшем, правда ведь?

Когда мы дошли до машины, Эйви повернулся ко мне.

— Ты с ним согласилась танцевать. Чего ты ожидала?

Встретившись с его обвиняющим взглядом, я даже не дрогнула.

— Он знал, что я американка. Может быть, израильтянам нравятся оближивать уши, но американцам...

— Он знал, что ты американка?

— Да. Я сказала ему, когда он заказал мне пиво.

— Пиво? Ты пила алкоголь вместе с этим типом? Не удивительно, что он считал тебя легкодоступной.

— К твоему сведению, я не легкодоступная.

— Американские девушки здесь этим славятся.

— Эйви, прекрати использовать меня в качестве аргументов для своих стереотипов. Это не справедливо. К тому же, сегодня ночью ты хорошо встряхнулся. Ты ревнуешь, потому что твоя тупая блондинка не захотела вылизывать твое ухо.

Снотти вместе со своими друзьями идут к нам. Скрестив руки на груди, я жду, когда мы отправимся домой.

— Кто — то устроил драку внутри дискотеки, — взволнованно сказала Офра.

Прикусив язык, я молчала, но Эйви искоса на меня смотрел.

— Ты, — сказала Снотти. — Это ты начала, не так ли? Я должна была догадаться. Ты ничего хорошего не можешь сделать.

— Оставь ее в покое, — сказал Ду — Ду. Я хочу его расцеловать за то, что он защищает меня.

Чувствуя, что у меня есть поддержка, я вызывающе сказала:

— Я могу сделать все тоже, что и ты, — а потом, когда прилив адреналина окутал все мое тело, я добавила, — и я сделаю это лучше.

Выражение ее лица было бесценным. Она думает. Я почти слышу, как скрипят шестеренки в ее мозгу, пытаюсь работать.

— Стрижка овец, — выпалила она. — Завтра утром.

— Без проблем, — уверенно сказала я, несмотря на то, что внутри я тряслась от одной лишь мысли, что мне придется держать бедную овцу, пока я буду стричь ее мех до тех пор, пока она не станет голой.

Но я это сделаю, чтобы каждому доказать, что я не во всем плоха.

Я только надеюсь, что не буду выглядеть полной дурой.

Я могу сделать то же, что и ты, но я сделаю это лучше. Я так думаю

Зови меня Эми Парикмахер Овец. После того, как я нашла записку Снотти, я пытаюсь в этом убедить себя целое утро. Она хочет встретиться со мной после завтрака по поводу нашей маленькой дуэли.

К сожалению, вчерашняя ночь не была всего лишь кошмаром. Я действительно вызвала Снотти на состязание, причем я не пила пиво и не могу во всем винить опьянение. Ладно, понимаю, я глупая, но я все еще полна решимости доказать ей, что я не во всем отступаю.

Я надела джинсы и рубашку с длинными рукавами, чтобы быть полностью защищенной. У меня нет защитных очков, поэтому я надела свои спортивные солнцезащитные очки. Выйдя на улицу, я увидела Мутта, подрыгивающего ко мне.

— Ты нашел мою сандалию?

В ответ, он лег на спину. Его язык свисал изо рта, как у нищего.

— Не унижайся. Это не красиво.

Подняв щенка, я взяла его с собой. Он может мне пригодиться, когда мне нужно будет загнать овец.

— Все хорошо. У меня есть план игры. Ты поможешь мне хорошо выглядеть, а я забуду об инциденте с сандалией. Договорились?

В ответ Мутт сильно пукнул.

Это не мой день.

Зайдя в амбар с овцами, я увидела Офру.

— Ты не должна этого делать.

Ох, я должна это сделать. Для себя. Для Мутта. Для всех американцев в мире. Отсутствие веры Офры в меня лишь усиливает мое решение.

— Все хорошо. Я хочу это сделать, — уверила я.

Ко мне подошел Ду — Ду и дал несколько советов:

— Крепко держи овцу. Смотри ей в глаза. Не урони бритву себе на ноги.

Он словно мой тренер по боксу, а ринг — мой соперник.

Они загнали овцу в загон, рядом с большой бритвой, свисающей с потолка. Ду — Ду помог мне закрепить ремень бритвы в руке.

Я осматриваю обстановку. Снотти сидит на перилле, а О'Дейд рядом с ней. Офра и Ду — Ду, мои сторонники, были рядом со мной.

Эйви не было видно. Я рада, что он не пришел посмотреть, как овца заживо съест меня.

В другой стороне амбара стояла вторая овца для Снотти. Клянусь, она выглядит намного меньше моей.

Глубоко вздохнув, я зашла в загон к ничего неподозревающей овце. Она даже больше, чем я думала. Можно подумать, Снотти бы сжалилась надо мной и, как в песне, дала бы ягненка, но нет.

Безусловно, это не маленький ягненок Марии²². И его шерсть вовсе не белоснежная, а грязная, как у Мутта.

Снотти зашла в другой загон. Она просто запрыгнула внутрь, как будто каждый день так делала. Она повернулась ко мне.

— Ты действительно хочешь пройти через это?

— Да, черт возьми, — однажды я видела наклейку, на которой был изображен американский флаг, а ниже был заголовок «Эти цвета не отстают». Я не сбегу, словно трусиха. Хотя я очень хочу это сделать.

— Хорошо, — не веря сказала она. — На счет три начинаем. Кто первый закончит, тот и победил.

— Отлично.

— Один. Два. Три.

Опустив на пол Мутта, я прошептала:

— Иди, делай свою работу.

Мутт, немедля, начал лаять, и все овцы побежали к углу. Включив бритву, я направила ее к грозному животному.

Все было хорошо, пока овца не посмотрела на меня большими серыми глазами. Я вспоминаю, как Рон сказал, что из — за этой пушистой шерсти им ужасно жарко.

Я их понимаю и сочувствую им. Хорошо, я пытаюсь убедить себя, что я понимаю и сочувствую.

Это не помогает.

Я посмотрела на Мутта, который наблюдал за мной, как бы говоря: «сделай это!». Он прав. Сейчас я не могу отступить. Мне нужно встретиться лицом к лицу со своими страхами и побороть его. Опустив бритву, я провела полосу от головы до спины.

Как назло, глупая овца от страха убегает. Когда она отошла от меня, я, как идиотка, стояла с бритвой в руках. Сейчас на ее спине красуется голая полоска.

Я стараюсь не слышать и не смотреть на успехи в другом загоне. Я пытаюсь сосредоточиться на своей миссии. Мутт постоянно лает, поэтому овцы нервничают.

— Повали ее на пол и крепко держи, — я слышу свой ободряющий голос.

Должна ли я объявить новость, что у меня никогда не было брата, который научил бы меня драться? Или сестры, на крайний случай.

— Мутт, ты должен мне помогать.

Мутт — отличный пастух овец. Я поняла это, когда он попытался отогнать животных. Мутт умело возглавил их и снова загнал овец в угол.

Быстрым движением, навалившись всем своим весом на овцу, я начала ее брить. Когда грязная пушистая шерсть начала летать в воздухе, я была очень счастлива.

Я слышу смех, аплодисменты и различные наставления от Ду — Ду. Не останавливаясь, я с энтузиазмом стригу грязную шерсть овцы.

Сделав шаг назад, я посмотрела на бедное животное. Ладно, я не слишком хорошо сделала свою работу. У нее прическа ирокез, а ее спина напоминает кардиограмму. Но я сделала это, и я чувствую победу.

До тех пор пока я не услышала крик Рона:

— Что, черт побери, здесь происходит?

Из — за американских горок под названием «жизнь» у меня кружится голова

— Эми, нам нужно поговорить.

Ненавижу, когда родители думают, будто могут сесть и сказать тебе, как плохо ты себя вела и при этом ожидать, что ты будешь тихо сидеть и кивать, словно кукла ²³.

— Что ты хочешь?

Я сижу напротив дома вместе с моим талисманом Муттом. Я горжусь им, он величайший овечий пастух. Я слышу, как дядя Хаим дома кричит на Снотти. Кажется, он не был довольным, когда Рон рассказал ему о нашем маленьком соревновании.

— Я просто хочу знать, что с тобой происходит, — сказал Рон, садясь рядом со мной.

— Ничего.

Он положил руку на мое предплечье.

— Веришь ты или нет, но я хочу, чтобы ты была счастлива. Тебе не нужно стричь овец, чтобы мне что — то доказать.

Я пожала плечами, пытаясь сбросить его руку.

— Если ты хочешь, чтобы я была счастлива, дай мне прямо сейчас билет обратно домой. Мне здесь не место, — потом я добавила, — и я не принадлежу тебе.

Не знаю, почему я это сказала. Я понимаю, произнесенные мною слова ранят его. Возможно, в глубине души я хочу обидеть его лишь потому, что его не было рядом со мной последние шестнадцать лет моей жизни. Я смотрю на Мутта и чешу ему брюхо, потому что не могу смотреть на разочарование своей жизни.

— Хорошо.

Подождите. Он сказал «хорошо»? Я думаю, он действительно так сказал, но я все еще не могу в это поверить.

Когда я посмотрела вверх, Рон отдалялся от меня. Он шел к дому. Мои ноги немного онемели из — за того, что я долго держу щенка на коленках, но отпустив его, я последовала за Роном.

Зайдя домой, я приблизилась к нему. Он копался в своем чемодане.

— Что ты сказал?

Он искоса посмотрел на меня, а потом снова начал рыться в своем чемодане.

— Я сказал «хорошо», Эми.

— Хорошо, если...

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, и если для этого мне придется уйти из твоей жизни, я это сделаю, — он достал листы из чемодана и протянул их мне. — Это твой билет обратно в Соединенные Штаты.

Мгновенье я колебалась, но потом протянула руку и взяла билет из его руки.

Меня накрыла волна грусти и печали. Выбежав из дома, я направилась к горе, где Савта рассказывала мне о своей любви к этому месту.

Сидя на краю горы, я думаю о том, что оставляю позади, если вернусь домой. Матана. Моих дядю и тятю, с которыми я недавно познакомилась. И Мутта.

Но больше всего я хочу здесь остаться ради Савты. Я люблю ее, и не могу просто оставить ее, пока не буду знать, как она прошла курс химиотерапии.

Прижав колени к груди, я размышляю о здешней жизни, о жизни в Израиле. С одной

стороны это часть меня, но с другой нет.

Возвратившись домой, я смотрю на Рона. Я должна сказать ему, что хочу остаться здесь по определенной причине: я хочу знать, как вписаться в его жизнь. Увидев, что он разговаривает по телефону, я в ожидании села на стул.

Рон протянул мне трубку.

— Это твоя мама. Я ей позвонил.

— Нам нужно поговорить, хорошо? — сказала я, взяв трубку телефона.

Он кивнул, положил руки в карманы и вышел на улицу.

Я приложила телефон к уху.

— Алло?

— Эми, с тобой все в порядке? Рон только что сказал, что ты хочешь вернуться домой.

— Я хотела, но сейчас уже нет.

— Ты передумала?

— Думаю, да.

Я слышу, как она поднялась с кровати и закрыла дверь. Бьюсь об заклад, она закрылась в ванне — комнате, потому что Марк с одной «к» спал в ее кровати, и она не хотела будить этого идиота.

Спустя минуту она прошептала:

— У меня есть хорошие новости.

— Ты порвала с Марком? — я с облегчением вздохнула. — Наконец то.

— Нет, глупенькая. Вчера вечером он попросил меня выйти за него замуж. И я сказала «да».

— ЧТО?! — мое сердце разрывается в груди. Это не может происходить со мной.

— Это так здорово, — говорит она, не замечая, что я схожу с ума от этой новости. — Он приготовил романтический ужин. Кольцо было на дне моего бокала с шампанским.

— Мама, он придурок, — безусловно, он НЕ подходит на роль отца. Кольцо на дне шампанского давно устаревший трюк.

— Он один из лучших застройщиков страны. Новым проектом «Золотые Берега», расположенным в самом желанном месте Чикаго, занималась его фирма.

— Ну и что? В нашем кондоминиуме²⁴ есть только одно парковочное место. Там нет места для его Мерседеса.

— Думаю, мы переедем в новый дом в пригороде. В большой дом с террасой и всем остальным.

Что?

— Значит, ты переедешь в пригород?

— Разве это не замечательно?

— Где я буду жить? Я буду бездомной?

— Конечно, нет, глупенькая. Не смейся. Твой дом со мной и Марком.

С каких пор «я и ты» превратились в «ты, я и Марк»?

Приятно знать, что мое мнение важно для нее, и она советуется со мной.

— Мама, Марк меня ненавидит, — клянусь, сейчас мне кажется, что весь мир меня ненавидит.

— Нет. Просто ты не дала ему шанса.

Я сглотнула, пытаюсь не заплакать.

— Знаю, что это шок для тебя, но клянусь, так нам будет лучше. Мы будем одной

семьей.

Клянусь, я что — нибудь сейчас брошу в стену. Семей? Марк не моя семья.

— Я думала, ты будешь счастлива. После возвращения из Израиля ты можешь помочь мне подготовиться к свадьбе и найти новый дом. Мы вдвоем начнем все сначала.

Я не хочу ничего начинать сначала, хочу, чтобы было все по — старому.

— Я люблю тебя.

Если бы она меня любила, она бы подумала перед тем, как идти вперед и срывать мои планы.

Когда я снова заговорила, в моем горле образовался ком:

— Мои поздравления. Я тоже тебя люблю.

— Пока, дорогая. Позвони мне на следующей неделе, ладно? Я всего лишь хочу, чтобы мы были счастливы.

— Я тоже, — сказав это, я повесила трубку. У каждого свое представление о счастье.

Выйдя из дома, я нашла Рона. Он сидел на старом зеленом тракторе, припаркованном на заднем дворе дома.

— Ты все испортил! — кричу я.

Ему еще хватает наглости молча смотреть на меня!

Я скрестила руки на груди.

— Продолжай молча сидеть, Рон. Ты делаешь это очень хорошо.

— О чем ты говоришь?

— Только лишь о том, что тупой мамин парень сделал ей предложение. Ты не мог этого сделать? Было бы здорово, если бы мои родители были женаты, не говоря уже о том, что были бы женаты несколько лет. Но ты был чертовски эгоистичен, воплощая в жизнь свою Американскую Мечту, наслаждаясь холостяцкой жизнью. Ты никогда не боролся за нас. Но что самое ужасное, ты никогда не боролся за меня.

Я, наконец то, ему все сказала. Мне понадобилось шестнадцать лет и отношения, чтобы скрыть свою неуверенность, но я, наконец, высказала ему всю правду.

Несколько раз моргнув он сказал:

— Она выходит замуж?

— Разве не это я тебе сказала?

Глубоко вздохнув, он сел на бампер трактора.

— Эми, не думай, будто я не боролся за тебя. Я просил ее выйти за меня замуж. До и после твоего рождения. Каждый раз, когда я ее видел, я становился на одно колено, предлагая ей руку и сердце. Ты была слишком занята, пытаясь убежать от меня, чтобы понять это.

— Если ты предлагал ей замужество, почему она не согласилась? Ради Бога, ты был рейнджером. Ты обучен достигать конечной цели миссии.

Он глубоко и тяжело вздохнул.

— Она сказала, что не хочет, чтобы ты росла в браке без любви. Она хотела найти надежного человека, который мог бы быть твоим отцом, а не какого — то иммигранта из Израиля. Каждый раз, когда я хотел встретиться с тобой, я получал письмо от ее отца с угрозой заявить в INS²⁵ об аннуляции моей визы. Он обвинил меня в том, что я специально зачал ей ребенка, чтобы жениться на ней и стать полноценным гражданином Америки. Это не было правдой, но боялся, что больше никогда тебя не увижу. Эми, он был могущественным человеком.

Он посмотрел на меня с нескрываемой болью.

— Я не жду того, что ты меня поймешь.

— Я понимаю и не понимаю тебя.

— Когда мне сказали, что запретят видеться с тобой, я боялся того, что они скажут тебе обо мне. Я просто хотел поддерживать связь с тобой и видеться хотя бы раз в год.

— Я была разочарована.

Я ждала лекции на тему: «Ты — должна — уважать — своего — отца», но вместо этого Рон сказал:

— Ты права.

Удивившись, я сказала:

— Будь я проклята, если не права. Возможно, все еще есть шанс с моей мамой. Ты можешь позвонить ей...

— Я не буду ничего менять. И ты это знаешь. В глубине души ты знаешь, что она не выйдет за меня.

— Я чувствую себя одинокой, — прошептала я.

— Я люблю тебя. Не важно, что ты не называешь меня «папой» и не обнимаешь. Я хочу этого, но еще больше я хочу твоей дружбы и доверия.

Слишком много информации для одного дня. Мне нужно немного времени, чтобы все обдумать.

— Я останусь в Израиле до конца лета. Мы могли бы... ох, не знаю.

Его уголки губ приподнялись в улыбке.

— Не слишком радуйся, я все еще расстроена.

— Я рад, что ты решила остаться.

Повернувшись, я направилась домой, в свою комнату.

Снотти была там.

Искренне признаюсь, она последний человек, которого я хотела бы видеть. Я вспомнила, как сказала ей о маленькой груди или чем — то еще, но кажется, это был так давно. Я плюхнулась на кровать.

— Ты упаковалась? — спросила она, наклонившись над рюкзаком и складывая вещи внутрь.

Я приподнялась на локтях.

— Для чего?

Она повернулась, смотря на меня угольно — черными глазами.

— Для похода. Ты сказала, что пойдешь.

Я снова легла на кровать.

— Я солгала.

— Все американцы одинаковы.

— Прости? Что ты имеешь в виду?

— Израильтяне говорят то, что подразумевают. Вы, американцы, просто болтаете, не сдерживая своих слов.

— Мы этого не делаем! — черт, весь мир сговорился против меня. — К твоему сведению, я горжусь тем, что я американка. Мы не всегда говорим или делаем все правильно, но чего ты ожидаешь? В мире много правоохранительных служб, но все обращаются к нам, ожидая, что мы все сделаем это за них. Мы спасаем задницу всему миру, а потом нас в этом же упрекают. Правда справедливо, не так ли?

Сейчас я говорю как посол Соединенных Штатов.

Снотти, подняв рюкзак на плечо, вышла из комнаты.

— Shalom, Эми. Мы уезжаем через десять минут.

Я стою перед выбором: доказать Снотти, что она ошибается и отправиться в поход, чтобы спасти свою репутацию; либо остаться в Мошав, где нечем заняться, за исключением овец, наедине с Роном и дядей Хаимом.

Войдя в комнату Савты, я села на край ее кровати. Всю мою жизнь пролетела перед моими глазами. Я немного запуталась.

— Мне нужен твой совет.

Как и всегда, она встретила меня теплой улыбкой. Я рада, что она у меня есть, несмотря на то, что мы поздно познакомились друг с другом.

— Ты знаешь, — глубоко вздохнув, я продолжила, — моя мама хочет выйти замуж за человека, который мне не нравится. Рон... знаешь, твой сын... Всю жизнь я была разочарована в нем и, если быть честной, он не был частью моей жизни. Я злюсь на обоих. Я совсем не понимаю кто я и где мое место. И вдобавок, О'Снат собирается в путешествие вместе со своими друзьями, я хочу пойти и доказать ей, чего стою.

София задумчиво кивнула. Я серьезно на нее смотрю, размышляя о своем затруднительном положении.

— Для шестнадцатилетней девушки у тебя слишком много хлопот.

Я снова вздохнула.

— Не правда.

— Может быть, тебе нужно некоторое время побыть вдали ото всего. Думаю, поход — это хорошая идея. Эми, Израиль — это волшебное место. Ты можешь найти то, что ищешь.

Она права. На некоторое время мне нужно отдалиться от реальности. Поцеловав Софию в щеку, я повернулась к выходу. Остановившись у двери, я обернулась и сказала:

— Я рада, что ты моя бабушка.

Наклонив голову, она улыбнулась.

— Я тоже.

Ты когда — нибудь чувствовала себя одинокой?

Мое сердце бешено билось в груди, пока я смотрела на пустой рюкзак, лежащий около подножья моей кровати. Я могла не заметить его там. Возможно, его оставили для меня. Я в спешке засунула в рюкзак немного одежды и вышла на улицу.

Когда я вышла во двор дома, все ребята сидели на капоте открытого джипа. Он похож на грузовик, но таковым не является. Впереди у него кабина, а сзади он плоский, с двух сторон есть сидения, а сверху фургона находятся балки.

Я увидела Снотти, которая немного улыбнулась мне. Да, да. Знаю. Сейчас она уверена, что победила, обманным путем заставив меня поехать в поход. Частично. В действительности, я долго решалась на это путешествие.

Ко мне подошел Рон.

— Я не хочу, что бы ты ехала. Ты слишком молода и сейчас тебе придется через многое проходить.

Осознавая, что все сидящие в машине смотрят на меня, я содрогнулась.

— Ты хочешь сказать, что я не могу поехать?

— Я не говорил этого... практически.

— Я хочу поехать.

Эйви сидел на месте водителя, но потом вышел из машины и подошел к Рону. Он отвел Рона ближе к дому, чтобы я не слышала. Интересно, что он ему скажет? Интересно, о чем они разговаривают?

Спустя несколько минут Эйви и Рон пожали друг другу руки. А потом, Эйви подошел ко мне. Могу сказать, что он в плохом настроении.

— Что?

— Эйви заверил меня, что будет приглядывать за тобой, — сказал Рон, а потом вернул в дом, потому что Дода Юки позвала его.

— Я могу позаботиться о себе сама, — заверила я Эйви, когда Рон скрылся из виду.

— Садись в машину.

— Мне не нравится, что ты мне указываешь.

— А мне не нравится, что избалованная американская сучка задерживает мое путешествие, — он достаточно тихо сказал, чтобы только я могла его услышать.

Если бы я могла убивать взглядом, сейчас бы я смотрела на труп. Избалованная американская сучка — это моя задница. Я не избалованная. Я знаю это, потому что мои родители хотят разрушить мою жизнь. Я серьезно. Один взял меня с собою в путешествие, чтобы доказать мне, что он хороший отец. Бьюсь об заклад, после путешествия он вернется к комфортной жизни холостяка. Второй родитель на лето решил от меня избавиться, чтобы помолвиться с мужланом.

Если бы я была избалованной, меня бы окружали люди, которые любят меня. Как Джессику. Ее родители избаловали ее. Избалованная с заглавной буквы «И». У нее есть не только два брата и сестра, но и родители, которые **вместе** живут. Они **любят** друг друга. Когда они смотрят телевизор, они держатся за руки. Однажды я видела, как они целовались. И это несмотря на то, что у них четверо детей. И они старые. Им сорок лет или около того.

Но в довершении всего, мама Джессики готовит воздушные низкоуглеводные крекеры,

которые таят во рту. Знаешь, почему она их готовит? Я скажу тебе почему. По одной простой причине: они нравятся Джессике. Я не лакоплюсь воздушными низкоуглеводными крекерами, тающими во рту лишь потому, что мама не покупает их. Почему? Потому что моя мама не верит в низкоуглеводные диеты.

Как Эйви посмел назвать меня избалованной?

Эйви обошел спереди грузовик. Думаю, он может уехать, не дожидаясь меня. Это как испытание.

Ненавижу испытания.

Но хуже всего то, что я чувствую, что в нашем путешествии будет много испытаний.

Положив руку в карман, я почувствовала еврейскую звезду, которую мне дала Савта. Она рассказала, как старый еврейский воин Иуда Маккавей²⁶запрятал шестигранную звезду в свой щит. Шестигранник впился в мою руку. Я положила его в карман... как мой собственный щит.

Снова услышав рев мотора, я, не теряя времени, бросила рюкзак в грузовик, а потом запрыгнула в него.

Спустя минуты мы выехали на земляную дорогу, пыль позади нас — это начальное испытание нашего путешествия. Мне приходится держаться за стенки грузовика, потому что дорога очень каменистая и напоминает американские горки с виражами.

Моя грудь подпрыгивает, словно сумасшедшая. Как будто они не принадлежат моему телу. Я думаю, будет плохо, если мой рюкзак вывалиться из грузовика. Сейчас я не только ответственна за сохранность рюкзака, но и еще я должна убедиться, что я и моя грудь останемся внутри грузовика.

По крайней мере мне так кажется. Один толчок — одно подпрыгивание. Каждый раз, когда я скрещиваю руки на груди, пытаюсь придержать их на месте, я теряю равновесие и сталкиваюсь с Ду — Ду (он сидит рядом со мной) или с Офрой (она сидит с другой стороны).

Не мог бы Эйви вести машину немного медленнее? Такое впечатление, будто по этой каменной дороге раньше никто не ездил.

Солнце садится за горами. Красные, желтые и оранжевые цвета рассеиваются за горами, отделяясь от пейзажа, и исчезают в ночи. С каждой минутой нашего путешествия становится все темней. В ближайшее время станет совсем темно.

Спустя час мы, наконец, остановились. Здесь никого нет, хотя я вижу, как вдалеке мигают городские огни, словно звезды переливаются в ночи.

Я и забыла, что мое дикое путешествие началось и я в Израиле.

Так же я знаю, что это военная территория.

Кажется, никто не позаботился о том, как выйти из грузовика. Я пытаюсь рассмотреть окружающую местность, но практически ничего не видно. Я все еще сидела в фургоне, когда ко мне подошел Эйви.

Наши взгляды встретились.

— Ты собираешься выходить?

У меня все еще плохое предчувствие, как будто есть что — то, чего я не вижу. И к тому же, я еще не простила его за то, что он назвал меня избалованной американской сукой.

Когда я не ответила, он, пожав плечами, повернулся и пошел. На улице темно, поэтому я не вижу, куда он идет. Но я знаю, что он куда — то идет, потому что слышу хруст гальки под его ногами.

— Подожди!

Хруст гравия прекратился. А потом я услышала, как он снова приблизился к грузовику. Я чувствую, что он смотрит на меня.

— Я, эмм... мне нужна помощь, чтобы спрыгнуть с грузовика, — неуверенно сказала я.

Я чувствую, как его рука потянулась к моей. Я взяла его за руку, и он осторожно повел меня к краю грузовика. Прежде чем я успела понять, он отпустил мою руку, а затем я почувствовала его руки на своей талии. Он поднял меня с грузовика и аккуратно опустил меня на землю.

Мы стоим лицом к лицу. Не отпуская меня, он обнимает меня за талию. Я не хочу покидать его нежных объятий. Когда он касается меня, я чувствую себя в безопасности, даже несмотря на то, что мысленно я возвращаюсь в тот момент, когда он назвал меня избалованной американской сукой.

От этой мысли я напряглась и отошла от него.

— Ты не мог бы держать свои руки при себе?

Убрав руки с моей талии, он сказал:

— Осторожней со змеями.

— Со змеями?

Моей непреклонности как не бывало. Когда он отошел, я услышала его смех. Змеи? Он пошутил?

— Не волнуйся, — сказал Ду — Ду, передавая мне фонарик, — он хочет тебя напугать.

— Тогда у него неплохо получается, — пробурчала я себе под нос.

Девочки сели на землю, а рядом с ними ребята пытались разжечь огонь. А я стою здесь, около джипа.

Я должна была взять с собой Мутта, он бы защитил меня от змей и грубиянов. Я не планировала привязываться к щенку, но даже несмотря на то, что он раздражает меня и стащил Ferragamo, он запал мне в душу.

Ненавижу, когда другие знают обо мне больше, чем я сама

— Эми, с тобой все хорошо? — спросила Офра. Она сидит рядом с костром.

— Все супер.

Оставив рюкзак в кузове джипа, я присоединилась к девушкам. Они говорили на иврите. Я уже привыкла к этому, хотя меня это и раздражает.

Мне приходится сидеть и улыбаться, когда улыбаются они, и, как идиотке, смеяться, когда они смеются. Я как немой мим, потому что я даже не понимаю, о чем они разговаривают.

Но кое — что я точно поняла:

— У Эми сопли из носа свисают.

Я подошла и засмеялась вместе с ними, позабавив их еще больше. Каждый раз, когда они смеются, я притворяюсь, будто чешу нос, проверяя, ничего ли не свисает с моих ноздрей.

— Так вот, расскажи мне об американских мальчиках, — сказала Офра. Я готова расцеловать ее за то, что она пытается поддержать беседу со мной. — Они такие же милые, как и в фильмах? Мне нравятся ребята из «Молодые и дерзкие».

Веришь или нет, я смотрю «Молодые и дерзкие». Кажется, у меня и у израильской девушки есть что — то общее.

Я рассказала ей обо всех интересных сценах. Не могу поверить, что они видели так мало серий.

— Ты многое знаешь, — сказала Офра.

Благодаря Офре я чувствую себя немного лучше. Кажется, даже Снотти слушала меня без ее знаменитой усмешки на лице.

Спустя час смеха, разговоров, перекусов, Офра и я пошли искать место, чтобы сходить в туалет. Но так здесь нет туалета, нам придется присесть на корточки. К счастью, Офра принесла немного туалетной бумаги. Не знаю, что бы я без нее делала.

Мы отделились от группы, чтобы найти место, где бы могли уединиться и пописать. У каждой из нас есть яркий фонарик. От страха наступить на змею или какое — нибудь животное мои руки трясутся.

Сейчас, когда мы немного отделились от ребят, должна ли я выключить фонарик, чтобы Офра не видела, как я хожу в туалет? Кого это волнует? Я расположила фонарик между шеей и подбородком, чтобы видеть, что я делаю.

Вскоре я понимаю, что с фонариком, прижатым к подбородку, не очень удобно приседать. К тому же я пессимист. К счастью, с туалетом у меня нет проблем. Девушки от природы не могут долго сидеть на корточках.

Согнув колени, я пытаюсь расслабиться и удержать равновесие. Но так я могу почувствовать, как моча струится по моей ноге. Я быстро встала в позу рака, опустив руки на землю. По крайней мере, в такой позе гравитация поможет мне.

Осмелюсь ли я посмотреть на Офру? Могла ли она видеть меня? Я должна выключить фонарик, но в моей позе это невозможно. Я чувствую себя немного легкомысленной. Я знаю, о чем ты думаешь. Возможно, я могу упасть на свою мочу, стоя в позе рака. Чувствую себя безрассудной.

Но к моему удивлению, я смогла выстоять в позе рака. Когда я закончила, я все вытерла и надела шорты.

Я горжусь своим достижением. Теперь, когда я смогла сходить в туалет без удобств, я бы могла участвовать в шоу Survivor.

— Почему О’Снат меня ненавидит? — спросила я Офру, пока мы возвращались в лагерь. Я думала, что не хочу знать ответа, но когда дело доходит до крайности, я хочу знать все.

Она остановилась и внимательно на меня посмотрела.

— Дело в гордости.

— Не могла бы ты уточнить?

— Ладно, у Эйви и О’Снат есть история...

— Я знаю! — громко сказала я.

— Нет, не так. Ладно, дело в то, эм...

Я с нетерпением жду, когда она закончит. Ладно, не с таким уж и нетерпением. Не думаю, что она это заметила.

Офра начала кусать ноготь.

— Она убьет меня, если я тебе расскажу.

— Я убью тебя, если ты мне не расскажешь.

— Они всегда были больше, чем друзья. Они были как брат и сестра. Эйви гулял со многими девушками, но в течение этого года он ни с кем не встречался.

— И...

— Сейчас Эйви переживает тяжелые времена. Он со всеми ведет себя как придурок. О’Снат думает, что если бы они встречались, он бы преодолел то, что грызет его изнутри. Но он оттолкнул ее и думаю, она все еще расстроена.

— Она возненавидела меня до того, как узнала.

— Ну, она не планировала летом делить комнату с американкой.

— Что плохого в том, что я американка? Я думала, что Соединенные Штаты и Израиль союзники.

— Мы союзники, — мы приближаемся к костру. — Думаю, нас немного раздражает то, что американским подросткам не нужно служить в армии, в то время как нас призывают в восемнадцать лет. Девушек на два года, парней на три. Не пойми меня неправильно, я хочу пойти служить. Но вы, будучи молодыми, сидите в своих красивых домах на своей земле, веселитесь в университетах, в то время как нашей молодежи приходится рисковать своей жизнью, предотвращая гибель наших людей и защищая нашу крошечную землю.

— Серьезно? Она маленькая?

— Вся территория Израиля размером с Нью — Джерси.

— Ты не шутишь?

— Нет.

Боже, выслушав это, я начинаю думать, что американские дети действительно получают все лучшее от жизни.

Офра и я вернулись к костру. Ребята достали спальные мешки.

Теперь я запаниковала.

Я не планировала спать. Где палатки? Когда люди идут в поход, они берут палатки. Или хижины. Или вигвам.

— Я не взяла спальный мешок, — аккуратно сказала я.

— Все хорошо. Уверена, Эйви поделится с тобой.

Я моргнула от недоумения. Такое впечатление, будто я ослышалась.

— Эми, пойдём, — Офра толкнула меня в плечо. — Ты же знаешь, что нравишься ему. Эйви? Я нравлюсь ему? Не думаю.

— Он меня ненавидит.

Я смотрю на парня. Он сидит на спальном мешке в индийском стиле с гитарой в ногах.

— Он назвал меня избалованной американской сучкой, — аргументировала я свое мнение.

— Возможно ему нравятся избалованные американские сучки, — сказала она, прежде чем направилась к Снотти, Ду — Ду и О'Дейду.

— Хорошо, — прошептала я в ответ, хотя она меня и не слышала.

И в первый раз, с тех пор, как я приехала в Израиль, я реально смущена, ощущая странное чувство в животе каждый раз, когда смотрю на Эйви.

Да, он до невозможности сексуален.

Да, он очень мужественен.

Да, он помог мне со змеиными кишками и научил загонять овец.

Но ко всему прочему он высокомерный, грубый и абсолютно невоспитанный.

Могли такой парень увлечься мною?

Но с другой стороны, действительно ли меня привлекал такой парень, как он?

Притворяться — это еще один способ заставить человека сделать то, что тебе нужно

Все сидят напротив пылающего костра, спасибо мальчикам. Мы слушаем, как Эйви играет на гитаре. Должна признать, его голос успокаивает. Разумеется, я не понимаю, о чем песня, потому что она иврите. Кто бы мог подумать, что гортанный язык может так красиво звучать под музыку.

Пока он пел, он не смотрел на меня. О'Дейд и Снотти подпевали. С наступлением ночи атмосфера стала уютней. Ду — Ду и Офра держатся за руки, покачиваясь в такт музыке.

Снотти и О'Дейд сидят друг напротив друга. Пока она поет, он смотрит на нее пылким взглядом. Кажется, она даже не замечает этого. Когда песня закончилась, я сказала Эйви:

— Красивая песня. Ты сам ее написал?

Я все еще слышу звучание последних нот мелодии.

— Да.

— О чем она?

Его выражение лица стало серьезным.

— О парне, который потерял дорого человека в своей жизни.

Я моментально подумала о девушке. Волна ревности захлестнула меня. Я не ответила ему. В воздухе повисло молчание. Думаю, он ненавидит меня. У меня такое чувство, будто в его словах скрывается боль.

Думая о словах Офры, я не могу избежать мыслей о том, как раскрыть его настоящие чувства ко мне. Не то чтобы он меня волновал, но послушай, проинформированная девушка — это разумная девушка.

Все указывает на то, что ему до сих пор не нравится мое присутствие в Израиле, и он считает меня испорченной (но это не так).

В воздухе до сих пор витает тишина. Как будто бы все ожидали дальнейших действий между мною и Эйви. Любовь или ненависть. Мир или война. Я не удовлетворю их желания, раскрыв свои чувства. Черт, большую часть времени я не знаю, что чувствую или куда катится моя жизнь, и все благодаря моим родителям.

В моей голове до сих пор не укладывается мысль, что мама собирается переехать в пригород. Вскоре я узнаю, что она хочет завести детей от этого человека. Возможно я и шестнадцатилетний подросток, но я точно знаю одно: нет, повторяю, я не буду менять грязные подгузники.

От мысли, что я перееду у меня скрутило в животе. Возможно, родители Джессики разрешат мне пожить в их кондоминиум на время учебы. Я бы могла им платить, Рон перечисляет мне деньги на банковский счет. Раньше я никогда не брала эти деньги, но слово «гордость» исчезло из моего лексикона с тех пор, как я приехала в Израиль. Почему по приезду домой все должно меняться?

Размышляя, я заметила, как половина ребят начали разбирать свои спальные мешки.

И только у меня одной его нет. Я осматриваю окружающую обстановку. С тех пор как Морон ушел служить в армию, осталось три девушки и три парня. Я бы могла спастись с Офрой, но она и Ду — Ду нашли место в стороне, расположив свои спальные мешки рядом. До сегодняшней ночи я даже и не знала, что они встречаются.

Эйви убирает свою гитару в футляр. Нет смысла спрашивать Снотти могу ли я спать вместе с ней. С первого дня моих «Остаться в живых» каникулах она манипулировала мною.

Эйви знает, что я стою и наблюдаю за всеми. Ситуация отстойная, потому что я хочу, чтобы он извинился. Ох, здорово. Сейчас он направился ко мне. Мне в голову пришла одна мысль. Вместо того, чтобы ждать его, я буду действовать по — своему.

Сейчас у меня есть план. Ладно, я не очень хорошо его обдумала и для достижения конечной цели мне придется кое — кем поманипулировать, но я думаю, что достигну желаемой цели.

Эйви подходит ко мне, но я его игнорирую. Я торопливо нагнулась к О'Дейду.

— О'Дейд, — сладким голосом сказала я. Я представляю, как Эйви наблюдает за каждым моим движением. Его глаза как лазер на моем затылке.

О'Дейд внимательно смотрит на меня.

— Что?

Потягиваясь, я зевнула. Думаю, я выгляжу правдоподобно. Я окончательно привлекла внимание всех, за исключением Офры и Ду — Ду. Они все еще заняты, и думаю, в ближайшее время не появятся.

— Я очень устала и к несчастью забыла взять спальный мешок, — уверена, меня подслушивает сама — знаешь — кто. — Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

О'Дейд выглядит как мышка, загнанная в угол кошкой. Конечно же, я кошка. Мяу! О'Дейд перевел взгляд на Эйви.

Я борюсь с искушением оглянуться назад и посмотреть на реакцию Эйви. Так же мне интересно, что думает Снотти. Кажется, она не обращает внимания на происходящее.

И прежде чем бедный мальчик успел ответить, я сказала:

— Спасибо.

Я направилась к машине, чтобы уединиться и переодеться в пижаму.

Даже не знаю, почему на моем лице сияет огромная улыбка. Я знаю, Эйви, хотел поиграть в героя и предложить мне свой спальный мешок. Тогда бы у него нашлось больше аргументов, почему избалованная американская сучка портит его путешествие. К черту! Я собираюсь держаться от него подальше настолько, насколько это возможно в этом путешествии.

Я готовлюсь ко сну с О'Дейдом.

Разумеется, на самом деле я не собираюсь спать с О'Дейдом. Только сон. Спальный мешок очень маленький, думаю, этой ночью я не высплусь

Не могу поверить, что на улице так похолодало. Днем так жарко, что можно пожарить яйцо на камне за считанные секунды. Но сейчас, пока я поспешно снимала лифчик под кофтой и переодевалась в другую рубашку, моя кожа покрылась мурашками. Брр! Жаль, что я не взяла рубашку и просторные штаны.

Я завязала волосы в высокий хвост, почистила зубы, прополоскала рот бутилированной водой сзади грузовика и быстро побежала назад в спальный мешок О'Дейда. Я растираю плечи руками, чтобы разогнать кровь, но это меня не согревает.

— Тут так холодно, — говорю я, ни к кому не обращаясь.

Только Эйви лежит в своем спальном мешке, остальные куда — то ушли.

Открыв мешок, я заглядываю внутрь.

— Что ты делаешь? — спросил Эйви.

— Проверяю, нет ли змей, — убедившись, что в мешке никого нет, я залезла

вовнутрь. — Знаешь, ты тоже должен это сделать. Я бы не хотела, чтобы тебя укусили.

Он сел, изучая меня большими темными глазами.

— Бьюсь об заклад, ты бы хотела, чтобы меня укусили.

— Нет. Я бы хотела, чтобы ты оставил меня в покое. И вообще, разве ты не должен служить в армии? Тебе же уже восемнадцать. — говорю я, устраиваясь в спальном мешке О'Дейда.

Неожиданно я поняла, что я пытаюсь лечь на плоское место. Подушки нет. Эйви приподнялся, достал свою и кинул мне, попав в лицо. Я улыбнулась и взяла мягкую вещь. Эйви лег, положив голову под согнутые руки. Я должна чувствовать себя виноватой, взяв его подушку, но я этого не испытываю.

— Через два месяца, — прошептал он.

Я села.

— Что?

Он не отвечает. Вместо этого он сказал:

— *Lyla tov*, Эми.

Я не знаю много слов на иврите, но я достаточно долго пробыла в Израиле и знаю, что «*lyla tov*» означает «спокойной ночи». Он пытается взбесить меня. Я знаю это.

Открыв спальный мешок, я встала. Подойдя к Эйви, я присела рядом с ним. Его глаза были закрыты. Притворщик.

— Хэээээй!

Он открыл один глаз.

— Что?

Я громко вздохнула.

— Секунду назад ты сказал два месяца. Что будет через два месяца, кроме того, что я покину это ужасное место, где днем жарко, словно в аду, а ночью холодно как на Северном Полюсе?

Он не двигается и будто во сне говорит с закрытыми глазами.

— В сентябре я пойду на базовую подготовку для АОИ²⁷.

— Что такое АОИ?

— Армия Оборона Израиля.

Базовая подготовка для Армии Оборона Израиля? Я чувствую себя немного плохо из — за того, что Эйви уходит в армию, независимо от того, хочет он того или нет.

— Мне жаль.

На этот раз он открыл оба глаза.

— Почему? Я горжусь тем, что в состоянии защитить свою землю и свой народ. Что ты сделаешь, чтобы защитить свой?

Как мучительно горько, друг мой.

— Достаточно. Если бы Израиль не доставал своих соседей, возможно... — Я наклонилась вперед. У него суровое выражение лица.

— Не смей судить о моей стране. До тех пор, пока ты не побываешь на нашем месте. Ты не представляешь, что значит быть израильтянином.

Я пытаюсь не нервничать, но от его тона меня немного трясет.

— Да, конечно, но и ты не суди о моей стране.

Я поднимаюсь. Он схватил меня за руку и потянул вниз.

— В этом и заключается наше различие. Я сын своей страны, ты — всего лишь продукт

своей.

Я отдергиваю руку.

— Эйви, это не единственное различие. Я пойду в колледж и после окончания высшей школы достигну успехов. А ты, вероятней всего, так и останешься на всю свою жизнь глупым израильским пастухом овец.

Топая, я возвращаюсь к спальному мешку О'Дейда. Сейчас, когда я доказала ему, что я действительно сучка, я чувствую себя намного лучше.

Я подняла спальный мешок, чтобы проверить есть ли там клыкастые насекомые, которые решили свить гнездо в моем спальном месте. К счастью, я не нашла ни одного, поэтому я подняла застежку и легла.

Я посмотрела на Эйви. Он повернулся ко мне спиной, ну и ладно.

К несчастью, как только я удобно устроилась, О'Дейд и ребята вернулись. Я стараюсь занять как можно меньше пространства, но это невозможно. Этот мешок не рассчитан на двух человек.

О'Дейд встал на колени и забрался ко мне в мешок. Я ему улыбнулась. Не хочу, чтобы он думал, будто я неблагодарна ему за то, что он поделился со мной своим теплым спальным местом. Разумеется, я также не хочу, чтобы он думал, будто я кокетничаю с ним.

Он может подумать, будто я хочу сорвать с себя одежду или сделать еще что — нибудь в этом духе. Как будто я такое делала. Я только целовалась со своим парнем, нечего более. Ты можешь назвать меня медлительной девушкой в плане секса, но я знаю о сексе лишь то, чему нас учили. Секс до свадьбы чреват серьезными проблемами.

Например, СПИДом.

А так же другими хроническими заболеваниями, передающимися половым путем или рождением нежеланного ребенка, как я!

Пока я не выйду замуж за любимого человека, я не собираюсь рисковать и рожать ребенка. В отличие от моих родителей. По правде говоря, о чем они думали? Не поймите меня неправильно, я радуюсь жизни. Вся моя жизнь сплошной кошмар: это путешествие и умопомрачение моей мамы, согласившейся выйти замуж за Марка, чтобы разрушить мою жизнь.

Хочу сказать, если бы мы были нормальной семьей, сейчас я бы была в небе, а не в Израиле.

Превосходно. Сейчас я теснюсь с парнем, который даже отдаленно мне не нравится. И к тому же, я знаю, что ему нравится моя двоюродная сестра.

Как я могу изменить ситуацию в свою пользу? Этот спальный мешок чертовски маленький для двоих. Мне больно, так как моя огромная грудь прижата к спине О'Дейда

Закрыв глаза, я молюсь побыстрее заснуть. Но сейчас, когда я ничего не вижу, все мои чувства усилились. Я слышу звук полыхающего огня и стрекот сверчка, чувствую мужественный и мускусный запах Эйви, сохранившийся на его подушке. Надеюсь, мои замерзшие соски не упрутся в спину О'Дейда, потому что на улице ужасно холодно. Я не могу уснуть, но к счастью мне в голову пришла прекрасная идея.

Прежде чем захрапеть я выжидаю пять минут.

Мне нужно убедительно сыграть свою роль, но к счастью я сообразительна. Прежде чем начать я убедилась, что мой рот рядом с ухом О'Дейда. Сначала я издала медленный и длинный звук, который скорее похож на громкое дыхание, нежели на храп.

Лежа с закрытыми глазами, я громко вдыхаю и выдыхаю, пытаюсь симитировать

гортанные звуки.

О'Дейд зашевелился, пытаясь разбудить меня. Я не сплю, поэтому это не помогает.

Я похрапываю немного громче, на этот раз совмещая гортанные и носовые звуки. Я не обращаю внимания на суетливые и беспокойные движения О'Дейда. На самом деле, за этот спектакль я должна быть номинирована на премию Оскар. Некоторые говорят, что нехорошо обманывать людей. Но послушай, сон — это самое главное в жизни. И если я хорошо не высплусь, утром я буду в еще более плохом настроении, чем обычно.

Тяжелое дыхание. Громкий выдох. Чередую носовые и гортанные звуки. Мягкий выдох. Только нос. Громкий выдох. Тяжелое дыхание. Обычный выдох.

Благодаря чередованию звуков у меня получается правдоподобно. Умно, не правда ли?

Я перехожу к финальной части. Я знаю, но только никто об этом не догадывается.

Тяжелое дыхание. Мягкий выдох.

Сейчас начнется.

Я старательно изображаю апноэ сна²⁸. Обычный выдох. Я знаю, как это сделать, потому что Марк храпит. Мама думает, будто я не знаю, что он ночует у нас, потому что он уходит приблизительно в пять утра. От парня шума больше, чем от крушения поезда. Интересно, как мама его терпит?! Я просыпаюсь посередине ночи, хотя моя комната расположена в конце коридора.

Я продолжаю симулировать неприятные звуки апноэ сна, но к счастью О'Дейд начал подниматься из спального мешка.

Миссия выполнена.

Услышав, как О'Дейд отошел, я приоткрыла один глаз, чтобы проследить за ним. Он собирается попросить у Снотти разрешения переночевать в ее спальном мешке. Ха! Я такая хитрая.

Пока я незаметно подглядываю, меня не покидает чувство, будто кто — то за мной наблюдает. И сейчас я понимаю почему. Эйви смотрит прямо на меня. В его глубокомысленных карих глазах читается выражение ты — лицемерка.

Он заноза в моей заднице.

Я кашлянула, быстро закрыла глаза и продолжала притворяться спящей.

Если бы люди были предназначены для воды, то мы бы рождались с плавниками
— Эми, проснись.

Открыв глаза, я сощурилась, смотря на мою кухню сквозь утренние лучи солнца.

— Я сплю, — я закрыла глаза и отвернулась.

— Ты можешь поспать позже. Мы уходим через пять минут.

Сожалею, но, как я говорила ранее я не жаворонок. Черт, иногда я даже не дневной человек. Повернувшись к ней, я открыла глаза.

— Я думала, что этот поход подразумевает отдых.

— Да. И что?

— Да так... Почему мы должны так рано вставать?

Нагнувшись, Снотти вытащила подушку из — под моей головы. Оставшись без нее, я ударила головой обо что — то жесткое.

— Эй, — кричу я, — верни!

Но моя дорогая кухня меня не слушает, она повернулась ко мне спиной и ушла. К несчастью, она зажала мою подушку подмышкой.

Ладно, на самом деле это не моя подушка. Она очень мягкая, воздушная, от нее исходит успокаивающий запах, и вчера вечером она была моей. Знаю, это не возможно, но именно это я чувствую.

Неохотно поднявшись, я направилась к джипу, где было несколько ребят.

— Еще слишком рано, — жалобно сказала я.

Никто мне не ответил. Все упаковывали свои вещи. И все уже одеты. Что происходит с этими людьми? Почему ни свет, ни заря, а они уже поднялись и оделись?

— Приготовься к выходу, — сказал Эйви.

Я развожу руками, показывая свою пижаму.

— Как думаешь, готова ли я?

— Наверное, ты не поняла. Я не спрашиваю тебя, готова ли ты к выходу. Я сказал, что мы пойдем. Сейчас. Мы не всегда подстраиваемся под тебя, Эми.

Я посмотрела на него своим знаменитым презрительным взглядом.

— Не думаю, что это всегда относится ко мне.

Он выгнул бровь с веселой усмешкой на лице. У него хватило наглости поднять мой рюкзак и сунуть его мне.

— Советую тебе надеть купальник.

— Зачем? Куда мы идем?

— Спуск на каноэ вниз по реке Иордан.

Должна ли я сообщить ему новость, что не собираюсь спускаться в каноэ по реке Иордан или по другой любой реке, если уж на то пошло. Ни на байдарках, ни в каноэ. Я даже не умею хорошо плавать.

Но только лишь для того, чтобы показать ему, что я не думаю, будто все подстраиваются под меня, я пошла и переоделась в кустах.

Когда я вернулась, все уже собрались и сидели в грузовике. О'Дейд сидел на месте водителя, а рядом с ним О'Снат. Офра свернулась калачиком рядом с Ду — Ду. Значит, мне придется сесть рядом с Эйви.

Великолепно. Именно то, что мне нужно с утра пораньше. Сев рядом, я избегаю визуального контакта с ним. На улице невыносимо жарко, поэтому я надела короткие шорты и бюстгальтер от бикини.

Но как только мы поехали, я поняла, что сделала не самый лучший выбор. Черт, я и забыла, что мы поедем по каменистой дороге, что не сулит ничего хорошего для моей груди.

Бюстгальтер бикини не поддерживает мою грудь. А когда О'Дейд поехал быстрее, у меня не осталось другого выхода, кроме как держаться за перила. А это означает, что моя грудь подпрыгивает словно ветряной поплавок. Может быть, я сделаю операцию по уменьшению груди.

Полагаю, Эйви понял, что мне неудобно, потому что он ближе пододвинулся ко мне и обнял меня за плечи. Он так сильно держит меня, что мне не нужно за что — то придерживаться, а моя грудь плотно прижалась и не двигается.

Я должна отодвинуться от него. Я должна дать ему пощечину, за то, что он считает меня своей собственностью. Но я чувствую себя ... так спокойно рядом с ним. Ничего не выходит из — под контроля и это хорошо. Так что я останусь рядом с ним.

Несколько минут спустя мы выехали на асфальтированную дорогу и, освободившись из его объятий, я гордо расправила плечи. Настолько гордо, насколько это позволило мое бикини.

К счастью, Офра и Ду — Ду зачарованно смотрели друг на друга, и не заметили произошедшего. Хорошо.

Вскоре мы остановились на большой парковке. Все вышли из джипа и направились к входу в каяк. Все, кроме меня.

— Пойдем, — сказала Снотти, надевая рюкзак.

— Я не пойду.

— Почему?

— Я подожду, пока вы вернетесь.

— Эми, тебе придется долго ждать. Морон присоединиться к нам после сплава по реке. Мы вернемся через несколько дней.

Мое сердце бешено забилося в груди.

— Ты сказала через несколько дней?

— Да. Не бойся. Спускаться на каноэ весело.

Я слегка фыркнула, думая о быстрых волнах и различных вариантах моей смерти в воде.

— Я не боюсь. Просто... Ладно, я не очень люблю воду. Возможно, здесь есть телефон и я смогу...

Она положила руки на бока, и, не дав мне договорить, сказала:

— Ты боишься, но не хочешь в этом признаваться. Если ты такая трусливая, я поеду с тобой.

Взяв рюкзак, я выпрыгнула из грузовика, мои ноги соприкоснулись с галькой с громким звуком. Надев солнечные очки, я посмотрела на нее.

— Не знаю, о чем ты.

— Ты думаешь, что сильная, но на самом деле это не так.

Направляюсь к входу в каяк, я сказала:

— А я знаю, что ты нравишься О'Дейду больше, чем просто друг.

Она побежала, чтобы догнать меня.

— Что ты сказала?

— Ты нравишься О'Дейду.

— Только как подруга.

Я перекинула лямку рюкзака через плечо

— Я вижу, как он на тебя смотрит. Это определено больше, чем дружба.

— Ты можешь точно об этом узнать? — спросила она с нескрываемой надеждой в голосе.

Я пожала плечами.

— Ты израильтянка. Почему бы тебе не подойти к нему и не спросить об этом? Ты постоянно твердишь, что израильтяне не лгут и не ходят вокруг да около.

— Я... не могу.

Я громко фыркнула, насмехаясь над ней так же, как и она надо мной.

— Хорошо, я спрошу его, — мы вместе подходим к реке. — Кстати, я не думаю, что сильная. Я знаю, что я сильная.

Умение хорошо целоваться напрямую зависит от того, насколько сильно тебе нравится человек, которого ты целуешь

Тяжело идти уверенной походкой к входу в каяк, когда у тебя в желудке зарождается чувство, будто на этот раз ты не выйдешь сухой из воды. Каноэ рассчитаны только на двоих, но по крайней мере Снотти будет вместе со мной.

Послушай, я уверена, если я утону весь мир, вместе с моей кухней, будет радоваться. Но к несчастью для нее, если я утону, она пойдет ко дну вместе со мной.

Я наблюдаю, как Офра и Ду — Ду аккуратно залезают в первое каноэ. Он кажется неустойчивым, если не сказать больше. Каноэ сделано не из твердого пластика, а из легкой резины. Кто, черт побери, придумал его сделать из легкой резины?! Разве они не подумали, что острый камень или голодная пиранья могут разорвать каноэ?

— Ты в порядке? — спросил Эйви. Он надел синие плавки Nike с белыми полосками по бокам.

Я взглянула на него.

— Конечно, я в порядке. Почему ты думаешь, что я не в порядке?

Все смотрят на меня как на картофельное пюре.

— Садись, — говорит Снотти, укладывая наши рюкзаки в каноэ.

Мой взгляд метается от Снотти к парню, который выдает надувные каноэ. Кажется, если я быстро не решусь, он сам подтолкнет меня.

— Вам нужен спасательный жилет? — спросил парень.

Да.

— Нет. Но это каноэ пропускает воздух, — я указываю на плавающую вещь. — Думаю, там есть дырка.

Каноэ — парень осмелился посмеяться надо мной. Эйви выхватил из его рук спасательный жилет.

— Садись. Я тебе помогу.

— О'Снат поплывет со мной, — возразила я. Я смотрю на Эйви поверх солнечных очков. — Ты поедешь с О'Дейдом.

Прежде чем я успела понять, Эйви поднял меня и закинул на плечо, словно стог сена, а потом запрыгнул в каноэ. Каноэ раскачивается, а я, испугавшись, крепко цепляюсь за него и непристойно кричу.

— Зачем ты сделал это? — кричу я, не в силах совладать со своим страхом.

Он игнорирует меня, спуская каноэ в реку, оставляя О'Снат и О'Дейда позади нас.

— Надень жилет. Он защитит тебя, — спустя несколько минут сказал он.

Я надела жилет, но никак не могу застегнуть ремень.

— У меня слишком большая грудь для этой штуки, — раздраженно сказала я. — Это не мой размер.

Он повернул каноэ в сторону берега и зацепился рукой за ветку, останавливая каноэ на плаву.

— Наклонись ко мне.

Я жду его комментариев о моей груди, которая благодаря жилету похожа на ягодицы. Но он это не делает. Вместо этого, он наклонился ко мне, взял ленты, распустил их, чтобы

увеличить и застегнул.

Когда я поняла, что мы не двигаемся и до сих пор находимся около берега реки, я подняла взгляд. Эйви до сих пор был рядом со мной, его лицо было в сантиметрах от моего.

Я внезапно почувствовала, как у меня засосало под ложечкой. Как будто я заболела, но нет.

Он напряженно смотрит на меня, от его близости у меня кружится голова. Он наклоняется все ближе и ближе.

— Что ты делаешь?

Он слегка касается пальцами моей щеки. Все, о чем я думаю — это о нежном прикосновении его пальцев к моей коже.

— Собираюсь поцеловать тебя.

Я застыла от удивления.

— У меня есть парень, — осторожно сказала я.

— Я знаю, — он слегка касается большим пальцем моих губ.

— И... и большую часть времени ты ведешь себя как придурок.

Он так близок ко мне, что я ощущаю тепло его губ.

— Эми?

— Да? — нервно ответила я.

— Прекрати говорить, чтобы я мог тебя поцеловать.

Прежде чем я успела ответить ему остроумным замечанием, его губы накрыли мои. И когда я говорю, что никогда не испытывала ничего подобного, я говорю на полном серьезе.

Мне нужно рассказать тебе все в подробностях, чтобы ты могла представить картину полностью.

Одной рукой он держал мое лицо, мягко поддерживая его, как будто оно было фарфоровым и могло разбиться от малейшего прикосновения. Он слегка коснулся губами моих губ, как будто рисовал каждую частичку моего рта своим.

Волшебно. Опьяняюще. Поцелуй настолько интенсивен, что еще чуть — чуть, и я потеряю контроль над собой. Митч никогда не целовал меня так, будто дорожит мною и хочет запомнить мои губы навсегда.

Когда он медленно отделился от меня, убирая пальцы с моей щеки, я спросила:

— Почему ты это сделал?

Он усмехнулся.

— Почему я тебя поцеловал или почему остановился?

— Первое.

Сев на свое место в каноэ, он откинулся назад. Я слышу пение птиц и шелест листьев. Как будто они перешептываются о том, что только что произошло между мной и Эйви. Интересно, о чем они говорят?

— Ты нуждалась в этом, — наконец сказал он.

В какой — то момент мои солнечные очки упали на дно каноэ и сейчас спокойно там отдыхают. Я быстро подняла и надела их, прежде чем Эйви успел бы увидеть мои настоящие чувства.

— Прости? Нуждалась в поцелуе? Что за чушь? Из какого разряда твое высказывание?

Он оттолкнул каноэ подальше от берега реки, взял весло и начал грести. А потом он протянул мне другое весло. Что я хочу в действительности сделать этой штукой, так это ударить его по голове. Вместо этого, я дернула весло из его рук и глупо заявила:

— Это ты меня поцеловал.

Пожав плечами, он продолжил грести. Его мускулы напрягались каждый раз, когда он отталкивал весло.

— Просто забудь.

Как будто я могла. Это был не просто какой — то поцелуй, это был словно великолепный удар в плей — офф NBA ²⁹. Это не был французский поцелуй, он был намного интимней. Я даже точно не знаю, что испытывала во время поцелуя. Я была вовлечена полностью: все мое существо и моя душа. Не только мои губы. Знаю, мои слова глупо звучат даже для самой меня. И прежде чем ты подумаешь, я скажу тебе, что это не слово из шести букв под названием «любовь».

— Эми?

— Что? — я думаю, он хочет извиниться и сказать, что в поцелуе он не только нашел свою душу, но и его мир полностью изменился.

— Держись

— Держись в смысле «мне есть что сказать»?

— В смысле «держись за коноэ, мы достигаем порогов».

Если ты начнешь бой, я его продолжу

Если я тебе скажу, что вся моя жизнь пронеслась перед моими глазами, верь, я говорю правду. Кажется, с тех пор, как Эйви поцеловал меня, прошло тысяча лет. Развернувшись, я увидела бегущие волны, бурлящую воду, и белую пену, поднимающуюся до бортиков.

— Я не хочу умирать! — визжу я.

— Ты не погибнешь, — громко сказал Эйви, перекрикивая шум бушующих волн. — Оставайся в той части каноэ, чтобы он не перевернулся.

— Я не умею плавать, — призналась я.

— На тебе спасательный жилет. Просто расслабься. Даже если каноэ перевернется, ты все равно будешь в безопасности.

— Мне страшно, — единственное мое желание — это чтобы он обнял меня, даря мне чувство защищенности. Я с силой зажмурила глаза, цепляясь мертвой хваткой за поручни каноэ.

— Не волнуйся, я никогда не позволю, чтобы с тобой что — то случилось. Просто говори со мной и все закончится быстрее, чем ты поймешь это.

— Что ты хочешь, чтобы я рассказала?

Он хочет узнать, где бы мне хотелось, чтобы меня похоронили или о том кто прочитает монолог обо мне после того, как я УТОНУ в реке? Думаю, он не в состоянии меня выслушать, потому что пытается маневрировать через пороги.

— Расскажи мне о своей матери.

Не самый лучший способ на данный момент начать разговор. Но все же, это лучше, чем говорить о моем погребении.

— Она собирается выйти замуж за своего парня.

— Он тебе не нравится?

— Не совсем, — нерешительно сказала я.

— Возможно, ты переедешь к своему абе.

Я открыла глаза.

— К моему абе?

— Знаешь... к Рону. На иврите «аба» — это отец.

— Я знаю. Но я точно не перееду к нему.

— Разве он не живет в Чикаго?

— Да.

— Так в чем проблема?

— Проблема в том, что он не мой отец. Если говорить биологически, то да. Нам нужно преодолеть множество проблем, прежде чем он станет настоящим отцом.

— Ну, если ты так говоришь, — как ни в чем небывало сказал Эйви.

Вдруг я осознаю, что мы проплыли пороги и теперь медленно скользим вниз по реке.

— Только не говори, что Моисей переплыл вниз по этой реке в корзине, словно новорожденный.

Запрокинув голову назад, он сильно рассмеялся. Впервые я вижу и слышу его смех.

— Эми, это была река Нил.

— Да. Хорошо, я предпочитаю ванны. Они менее опасны.

Оставшуюся часть дороги, мы плыли в молчании. Я положила голову на бортик каноэ. Надеюсь, благодаря солнечным лучам у меня будет красивый солнечный загар, и моя кожа не обгорит до хрустящей корочки. Веришь ты или нет, но я стараюсь не думать о том, что сказал Эйви после нашего поцелуя. Но если честно, я одержима этим.

«Ты нуждалась в этом». Да, именно это он сказал. Можешь ли ты в это поверить?

Может, это он нуждался в нем. В любом случае, это больше не повторится. Что я скажу Митчу? Возможно, я не должна говорить ему о том, что целовалась с другим парнем. Не то, чтобы он собирается выяснять это. И это совсем ничего не значило. Это был всего лишь один невинный поцелуй.

Если еда падает на пол, действует правило пяти секунд, тогда не должен ли невинный поцелуй действовать по первому правилу? Конечно, должен. Но все же крохотная часть меня хочет, чтобы это был далеко не невинный поцелуй.

Я полностью игнорирую ту маленькую часть себя, которая хочет снова попробовать. Но не потому, что я в этом нуждаюсь, это уж точно.

Я поднялась. И в тот момент, когда я уже собралась спросить Эйви, что он хотел сказать своим комментариям, мы приблизились к двум другим каноэ.

— Ребята, где вас носило все это время? — спросила Снотти.

Я моментально покраснела, когда все обратили на нас свое внимание. Мой взгляд виновато мечется между Эйви и остальными ребятами.

О'Дейд, коварно улыбнувшись, несколько раз вскинул брови.

Вместо того чтобы признаться, что мы целовались, я думаю о том, как отвлечь внимание ребят. Я взяла свое весло (которым до сих пор не пользовалась) и ударила им по воде, обрызгивая Снотти и О'Дейда.

Точное попадание!

Моя кузина и О'Дейд удивленно переглядываются, их одежда промокла, а я чувствую свой триумф. Ха! Это их научит не совать нос в мои дела.

В то время как Снотти и О'Дейд пытаются подплыть ближе к нам, я отчаянно пытаюсь отплыть подальше от них. Посмотрев на моего каноэ — компаньона, я замечаю, что его весло даже не было в воде.

— Помоги мне, — кричу я сквозь смех.

— Это твоё сражение, не мое.

В ответ я ударила веслом по воде в его направлении. Эйви накрыла волна реки Иордан.

Я показала ему язык, а потом сказала:

— Сейчас это и твой бой.

Ох, я знаю, что дальше произойдет. Я не настолько глупа, что бы надеяться на то, что выйду сухой из воды. Когда весло Эйви опустилось на воду, и я краем глаза увидела, как каноэ Снотти и О'Дейда приближается к нам, я как сумасшедшая начинаю бить веслом по воде.

Вода окружает меня со всех сторон. Офра и Ду — Ду должны присоединиться к нашему хаосу. Я сильно зажмурила глаза и ничего не вижу. И все, что я могла делать — это бить по воде, так же как и все.

Вдруг все затихло, за исключением звука моего бьющего весла по воде. Остановившись, я открыла глаза.

Конечно, как только я их открыла, я поняла, что это старый книжный трюк. Когда я открыла глаза, все с удвоенной силой начали обрызгивать меня.

— Перемирие! — кричу я, осознав, что вода заполнила нижнюю часть нашего каноэ. — Мы тонем!

Брызги прекратились, и мы все вместе засмеялись. Я чувствую, будто действительно вхожу в их маленький круг друзей.

К тому времени, как я и Эйви достигли берега, наше каноэ чудом все еще держалось на плаву. И еще нас поджидал солдат с пулеметом на плече.

Сначала я удивилась. Потом я узнала солдата... это был Морон, друг Эйви из Мошава. Подаренная мною бандана была обвязана вокруг рукоятки его пистолета.

Ух ты. Мой подарок что — то значит для него.

— Привет, Морон, — сказала я, выйдя с каноэ.

Он улыбнулся мне.

— Эй, Эми.

Хотелось бы мне сфотографировать его таким улыбающимся, в мундире и с пистолетом с символом мира. Он выглядит таким... красивым и безвредным, не как другие, которые могут выстрелить в людей из своего пистолета. Я уже вижу заголовки в различных национальных журналах: «Морон, израильский солдат».

Но, так как СМИ любят исковеркивать смысл, надпись, вероятно, будет такова: «Израильский солдат Морон» («Израильский солдат — Дебил» игра слов)³⁰ Каким же нужно быть идиотом, чтобы дать мальчику такое имя.

Морон подошел ко мне и сказал:

— Оставшуюся часть путешествия я буду твоим военным сопровождающим.

Военным сопровождающим? Зачем нам нужен военный сопровождающий?

— Ты должно быть шутишь?

— Нет.

Я не хочу, чтобы надо мной смеялись, поэтому я не задаю другого вопроса, зародившегося в моей голове. Знаешь, я начинаю комфортно чувствовать себя рядом с этими людьми и не хочу снова стать изгоем.

Сев в микроавтобус, мы ехали в течение нескольких часов. Ландшафт этой прекрасной земли завораживает дух... в одно мгновение мы проезжали травянистые горы, напоминающие холмы из фильма «Звуки Музыки», а в другое мы были в середине густонаселенного города. И чтобы полностью описать контраст мест, должна сказать, что через час мы проезжали пустыню, где не виднелось ни деревца, ни дома.

Глядя в окно, я вижу бедуинских арабов, пасущих коз в пустыне. Как будто я наблюдаю за сменой эпох через стекло.

Спустя полчаса я увидела военные танки, проезжающие и стреляющие по пустынной территории.

— Что здесь делают танки? — нервно спросила я.

— Учебная стрельба, — сказал Эйви.

Надеюсь, они не промахиваются мимо своих целей.

Меньше чем через два месяца Эйви тоже станет солдатом и научится стрелять из пистолета. И он на два года старше меня.

Это самая странная вещь. На самом деле я привыкла ежедневно видеть солдат со всех сторон, пистолеты, и танки... но больше всего меня пугает то, насколько разнообразна здесь жизнь.

Мы остановились около маленького магазинчика, чтобы купить Соса — Cola (слава

Всемогущему Богу) и закуски.

Я наблюдаю за Эйви через магазинное окно. Он вышел на парковку один. Заплатив за Kit — Кат немного шекелей, которые мне дала Снотти, я направилась к нему.

— Ладно, давай, выкладывай.

Он повернулся ко мне, удивившись, что я загнала его в угол.

— Что ты имеешь в виду?

— Да уж! Почему в каноэ ты сказал, что поцеловал меня, потому что я в этом нуждалась? Если это не отмазка, тогда я не знаю, что это.

— Отмазка?

Я закатила глаза.

— Знаешь, ты решил пойти по легкой тропе, вместо того, чтобы признаться, что тебе понравилось целоваться со мной. Признавайся, Эйви.

— Я сказал твоему абе, что позабочусь о тебе, и во время поездки с тобой ничего не случится.

— Да, конечно. Можешь выкинуть свое обещание в окно.

— Очень жаль тебя расстраивать, Эми, но между нами ничего не будет.

Я устала спорить. Вместо этого, чтобы доказать свою правоту, я протянула руку, положила ее ему на макушку и подтянула его к себе. Немедля, наши губы встретились, как в первый раз в каноэ. Закрыв глаза, я обвила его шею руками. Я обрадовалась, когда он положил руки мне на талию и притянул ближе к себе. Меня не волнует, кто может нас увидеть. Я бы не променяла этот момент ни за что на свете.

Но вдруг он убрал руки с моей талии и отошел. Я с ужасом наблюдаю, как он тыльной стороной ладони вытирает губы, как будто желает стереть поцелуй с губ.

— Я не могу этого сделать, Эми. Не усложняй все.

Слезы наворачиваются на моих глазах. Я даже не пытаюсь остановить или вытереть их.

— Не плачь, — он протянул руку, чтобы смахнуть слезы с моих щек. — Ты великолепная девушка.

— Не говори этого лишь для того, чтобы успокоить меня. А вообще, ничего не говори мне. Мне все предельно ясно.

Я начинаю отходить от него, направляясь к микроавтобусу.

— Эми, позволь мне все объяснить, — сказал Эйви, хватая меня за руку.

Я стою, ожидая слов, даже не уверенная, в том, что хочу услышать. Подняв взгляд к его лицу, я увидела то, что никогда не видела в его взгляде. Боль. Она настолько велика, что пугает меня.

Он закрыл глаза на несколько секунд, как будто слова, которые он хочет сказать причинят ему боль, как только он скажет их вслух.

— Мой брат Миха погиб в прошлом году во время взрыва.

Он смотрит на меня, ожидая моей реакции, но я слишком ошеломлена, чтобы что — то сказать. Вместо этого, я крепко обняла его, желая объятиями впитать всю его боль, хотя в глубине души знаю, что это не поможет.

— Прости меня, — прошептала я в его грудь.

Мы так стояли в течение длительного времени. Когда он отдалился, я замечаю, что его глаза налились кровью. Он потер глаза пальцами.

— Ненавижу проявлять эмоции.

— Возможно, я самый эмоциональный человек из всех, кого я знаю, — призналась я.

Он улыбнулся мне своей редкой улыбкой, а потом его выражение лица снова стало серьезным.

— Эми, ты мне нравишься. Возможно, даже больше, чем я бы хотел признаться сам себе. Но сейчас я ни с кем не хочу серьезных отношений. Мой племянник остался без отца, а сестра сидит дома и оплакивает смерть мужа. Через месяц я уйду на службу в армию. И если что — то случится...

— Если я пообещаю не расстраиваться, в случае твоей смерти, тебе станет лучше?

Он покачал головой.

— Эми, это не смешно. Я пойду служить в качестве командоса.

— Послушай, я говорю только о летней интрижке, а не о любви на всю жизнь, — сейчас я даже не думаю о Митче. У меня такое чувство, будто Митч тоже обо мне не думает. Между Эйви и мной есть связь, которую я не могу игнорировать.

— Ты слишком эмоциональна и не сможешь не привязаться к человеку. У тебя никогда не будет отношений лишь на лето. По крайней мере, не между нами.

— Итак, о нас и о том, что будет, когда закончится это маленькое путешествие. Если ты хочешь остаться на всю свою жизнь трусом, вперед. А если ты хочешь провести незабываемое время с потрясной девушкой, тебе нужно справиться со своими страхами, — мне так и хочется добавить: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Знаешь, девушка может немного перешагнуть через свою гордость, если парень, который ей нравится, отталкивает ее.

— Кто потрясная девчонка? — сказал он, делая вид, будто смотрит по сторонам в поисках нее.

Шутя, я ударила его в живот.

Он целует меня, ничего не говоря о наших не — отношениях.

— Ты готова к этому?

Я подмигнула ему и игриво сказала:

— Абсолютно.

Когда он взял меня за руку и повел к остальным ребятам, я не удивилась, увидев их изумленные взгляды. Знаешь, если бы я была на их месте, я бы подумала, что мир перевернулся вокруг своей оси за считанные секунды. Удивительно видеть Эйви и меня вместе, пытающихся построить отношения, даже если это короткая интрижка без обязательств.

Единственное, что меня волнует так это то, как мы решим проблему ночевки.

Эйви восемнадцать и он более опытный, чем я.

Ожидает ли он от меня больше, чем я могу дать?

Я закатила глаза.

— Это очевидно. Тебе нужен хороший пинок под зад, для того, чтобы между вами что — то произошло.

Нас прервал удар в дверь. Открыв дверь, я увидела Эйви. Он не выглядит счастливым.

— Что здесь происходит?

Обняв Эйви, я поцеловала его в губы, чтобы успокоить.

— Ты ревнуешь?

Он смотрит мне в глаза, не произнося ни слова.

— Я пытаюсь кое — что упорядочить в отношениях О'Снат и О'Дейда.

— О'Снат хочет знать, как ты себя чувствуешь. Так что подойди к ней и принеси свои кишки, — когда он нахмурился, я поняла, что мой сленг сбил его с толку. — Подойди к ней и расскажи о своих чувствах. Сейчас, а иначе потом она найдет другого парня.

Не успела я моргнуть глазом, а он уже покинул комнату.

Эйви усмехнулся.

— Что?

— Эми, ты сделала все хорошо. Совсем бескорыстно.

Я отвернулась.

— Нет, не я это сделала. Просто мне мучительно больно наблюдать, как он на нее смотрит, будто умрет, если она не обратит на него внимания, — Боже, я такая мягкосердечная.

Он подошел ко мне сзади и обнял за талию.

— Ты погуляешь со мной?

Я кивнула.

Он взял меня за руку, и мы вместе вышли из отеля, бесцельно гуляя по дорожке из гравия. Когда я рядом с ним, мое сердце сгорает в приятном томлении.

— Расскажи мне больше о своем брате.

Эйви, тяжело вздохнув, замедлил шаг.

— Я мало о нем говорю.

— Почему?

Колеблясь, он сказал:

— Болит. Глубоко внутри, — он указал на сердце. — Я знаю, это не очень хорошо.

Я сжала его руку.

— Нет, это хорошо. Это говорит о том, что ты его любил. Но тебе нужно о нем говорить, а иначе часть души твоего брата умрет вместе с ним.

Приостановившись, он задумался на несколько минут, а потом медленно кивнул головой.

— Он любил играть в футбол. Он был лучше меня, и в большинстве случаев он позволял мне выиграть, тем самым поднимая мою самооценку.

— Похоже, он был отличным братом. Тебе повезло.

— Да, — вздыхая, он покачал головой. — Мне жаль, что я не умер вместо него.

— Поэтому все время ты был Мистером Ярость?

— Не знаю. Думаю, да.

— Эйви, ты не можешь изменить прошлого. Поверь мне, я пыталась, но ничего не получилось.

— Это тяжелый разговор.

Я засмеялась.

— Ты прав.

— Давай поговори о чем —нибудь другом. Насколько сильно я тебе нравлюсь?

Мне хочется сказать, что он зачаровывает меня, но вместо этого я спросила:

— Офра сказала, что ты гулял со многими девушками. Это правда?

Мое сердце сжимается от страха, возможно, подсознательно мне хочется отдалиться от него. Если я узнаю о его других девушках, мне будет легче защитить себя, эмоционально отстранившись.

— У меня были свидания. Но с тех пор все изменилось. В каноэ я боялся, что плохо целуюсь, ведь прошло немало времени.

— Ты хорошо целуешься, — лучше, чем просто хорошо. Мы поднимаемся на скалистый холм рядом с отелом. — Я хочу узнать тебя лучше, — пока я говорю, Эйви, стоя на возвышенности, помогает мне взобраться на большой утес. Эйви сел на утес. С одной стороны его окружает темная пустыня, а с другой огни города, мерцающие вдалеке как алмазы. Очень романтичная обстановка. Интересно, приводил ли Эйви сюда других девушек? Он пододвинулся, и я села перед ним между его вытянутыми ногами.

— Что ты хочешь узнать?

Если честно, многое. Но я выбираю наиболее частые вопросы, которые девушки обычно задают парням. Ненавижу себя за то, что не могу придумать что —нибудь оригинальное или более взрослое.

— Сколько девушек у тебя было?

— С кем я был? — он наклоняется ближе ко мне, я ощущаю его горячее дыхание на своем затылке. Я борюсь с желанием прижаться к нему и закрыть глаза. — Целовал?

Я не хочу думать о других вещах, которые он делал с девушками.

— Да. Целовал.

— Включая мою мать?

— Нет, умник, не твою мать. Ты знаешь, что я имею в виду. Настоящий поцелуй.

— Парень не должен говорить скольких девушек он поцеловал. Хотя, скажу тебе вот что: если ты скажешь мне, то я тебе расскажу.

Я метнула в него взгляд «я убью тебя, если ты не проболтаешься».

— Ты первый.

— Думаю, примерно восемь, — наконец признался он.

— Восемь! — изумленно сказала я.

— Что такого? — я слышу в его голосе тревогу. — А со сколькими ты целовалась?

Предполагаю, со многими, судя по тому, как ты целовала меня в каноэ.

Я улыбнулась его комплименту.

— Меньше, чем ты.

Только с двумя, хотя первого можно не считать, потому что это случайно произошло поздно вечером в лагере.

Ты можешь спросить, как я могла случайно с кем —то поцеловаться. В течение моей «темной сессии поцелуев» я думала, что целуюсь с мальчиком, который мне нравится, а потом оказалось, что это был парень, который перецеловался со многими девушками в лагере. В попытках избавиться от микробов, я помыла рот мылом. До сих пор помню тот привкус. Знаете, как говорится: «Как будто поцеловалась со всеми, с кем он целовался». Отвратительно!

К несчастью, когда зажегся свет во время моей «темной сессии поцелуев» Мистер — Тот — Самый увидел, как я целуюсь с Мистером — Ошибкой. А закончилась история тем, что он начал встречаться с Джессикой, а не со мной.

— Семь?

— Нет, не семь. Я же не проститутка.

— Знаешь, не говори мне. Я не хочу думать о парнях, которые тебя целовали. И мне не нравится, что ты назвала себя проституткой. А больше всего мне хочется, что бы твои мысли были обо мне... о нас.

— Я думала, ты меня ненавидишь.

— Я лишь хотел оттолкнуть тебя, потому что не мог налюбоваться тобой, — его хриплый голос полон эмоций, — Иногда, думая о тебе, я не мог заснуть, — его акцент звучит намного глубже, чем обычно.

— Ты по ночам думал обо мне? Почему? — пожалуйста, только не говори, что думал обо мне лишь из — за моей груди.

— Прежде всего, — говорит он, глядя мои завившиеся кончики волос благодаря пустынной жаре, — ты красивая. Меня завораживает, как ты выкручиваешься из любой ситуации в своем фирменном стиле. Ты энергична, чрезмерно честна и яркая личность. Я не могу отвести от тебя взгляд, потому что мне интересно, что ты дальше скажешь или сделаешь. Ты интересный человек. И в довершение всего, у тебя большое сердце, несмотря на то, что ты часто этого не показываешь.

Я повернулась к нему лицом.

— Меня еще никто так не описывал.

— Ты полностью меня покорила, когда в Мошав попыталась столкнуть с сена.

— Да, хотя у меня не получилось. Ты словно состоишь из одних мускулов.

Он засмеялся.

— Не завышай мою самооценку. А теперь расскажи, что тебя привлекает во мне. Кроме моих мускулов.

— Ха. Ха. Серьезно, — я медленно рисую пальцем дорожку от его виска к подбородку, приближаясь к его полным губам. — Ты образец великолепного мужчины. Мне нравится, что ты был рядом, когда я немного волновалась. Несмотря на то, что порой ты нудно разговаривал, ты всегда помогал мне со всеми неприятностями. Ты позволил мне упасть на тебя, когда друзья Мутта хотели напасть на меня, — я нежно его поцеловала. — Ты помог мне загнать овец, — я снова его целую. — Ты стал моим героем, когда смысл змеиные кишки.

Прежде чем я успела его снова поцеловать и продолжить рассказ о невероятных вещах, которые сейчас мне ясны, он накрыл мои губы своими.

— Эми, — говорит он напротив моих губ. — Думаю, у нас будут проблемы. Сколько тебе лет?

— Скоро исполнится семнадцать, — говорю я, затаив дыхание.

Он что — то сказал на иврите, смысл чего я не поняла.

— Мы не должны делать этого.

— Мы ничего не делаем, только целуемся.

— Да, но...

— Мы можем целоваться, разве нет? — я покрываю поцелуями его шею.

— Да, — напряженно низким голосом сказал он. — Можем целоваться.

Я не хочу, чтобы сейчас он думал о моем возрасте. Я хочу, чтобы он наслаждался моментом и поцелуями. Особенно поцелуями. Я прижалась губами к его. Я не могу перестать касаться губами его губ. Он углубил наш поцелуй, и я следую за ним, не замечая, что наша поза изменилась, и теперь мы лежим бок о бок.

В свои шестнадцать (почти семнадцать) лет я никогда не чувствовала себя так. Я как будто перешла невидимую ранее черту, превращаясь из девочки в женщину. Странные, раннее неизвестные мне чувства, насыщают все мое тело. Мое вожделение усилилось в десятки раз, когда мой израильский мужчина с неповторимым акцентом коснулся моей спины. Если мы не остановимся, я умру и почему — то у меня такое предчувствие, будто он испытывает те же чувства.

— Когда я буду в армии, я буду вспоминать этот момент, — говорит он, кусая мочку моего уха. — Когда меня отправят на испытание, и я ослабею, воспоминания об этом моменте помогут мне справиться со всеми трудностями.

Мое тело испытывает сладко — порочную пытку, я сгораю от желания изучить все тело Эйви. Я притянула его ближе к себе, лаская кончиками пальцев все его тело. Наши рты и руки неистово исследуют друг друга.

Когда я дотронулась до его спины, его мускулы напряглись под моими пальцами. Я провожу рукой под кромкой его рубашки и, приподняв ее, я провела рукой по мягкой коже и упругим кубикам его пресса. Его сердце учащенно бьется, я чувствую его беспорядочный сердечный ритм.

Опуская руку ниже, я достигла линии его джинс и скользнула указательным пальцем под его ремень. Понемногу мои пальцы спускаются вниз.

Эйви, тихо застонав, аккуратно убрал мою руку.

— Мы не можем...

— Почему нет? — затаив дыхание спросила я. Я все еще не отошла от наших неистовых поцелуев, испытывая сладкое опьянение (хотя я никогда не напивалась, но думаю, именно так я могу описать свои чувства) и потерю контроля.

— Помимо того, что твой аба убьет меня?

Великолепно, моего отца здесь нет, но он все равно разрушает мою жизнь.

— Меня не волнует, что подумает Рон.

— Возможно, тебя нет, — он сел. — Но меня да. Я не хочу, чтобы завтра утром кто — то из нас пожалел.

Я тоже села.

— Я ни о чем не пожалею, — никогда.

Он поцеловал меня в лоб.

— Позволь проводить тебя до комнаты. Уже поздно.

Приблизься ко мне на свой страх и риск

— Voker tov, — сказал Эйви, желая мне доброе утро, подходя к большому шведскому столу. Он наклонился ко мне, чтобы поцеловать, но я оттолкнула его.

— Что случилось?

Да уж! Вчера вечером он отверг меня.

— Ничего.

Я кладу на тарелку все, что вижу. К сожалению, я слишком поздно осознала, что положила на тарелку маленький сливочный шарик с сардинами внутри (с серебряными чешуйками, большое спасибо). БЕЗУСЛОВНО, это не похоже на суши. Отвратительно. Теперь, когда я положила себе это на тарелку, мне нужно внимательней смотреть на то, что я ем.

Прежде чем я успела положить что — нибудь еще на тарелку, Эйви взял ее из моих рук и положил на ближайший стол.

Я уперла руки в бока.

— Эй! Это мой завтрак!

Я знаю, что устраиваю сцену, но меня это не волнует.

Он схватил меня за руку и повел к выходу.

— Это может подождать. Нам нужно поговорить.

Он провел меня через вестибюль к входным дверям. Вспышка горячего пустынного воздуха ударила меня по лицу.

— Хорошо, говори. И пожалуйста, быстрее, а то я расплавлюсь.

Он разочарованно потер глаза, а потом провел пальцами по волосам. Внимательно смотря на меня, он сказал:

— Ты думаешь, что вчера ночью я остановился, потому что не хочу интимных отношений с тобой?

— Бинго, — с сарказмом сказала я. — Но сегодня утром я мудрей и не накинусь на тебя вновь. Кроме того, мы не собирались заниматься сексом или чем— то подобным.

— Когда мы переходим к физической близости, наши эмоции следуют за нами, а я могу с этим не справиться.

— Ты прав. Боже, мы не должны проявлять свои эмоции. Мы должны быть просто «выгодными друзьями». Или лучше, почему бы нам не покончить с этим, чтобы ты смог найти себе девушку, которая не будет вызывать у тебя эмоции? — я зашла внутрь, прежде чем мои подмышки успели бы вспотеть. Оглядывая назад, я рада, что позаимствовала у Снотти топ.

— Ты такая упрямая.

Прежде чем открыть дверь, я обернулась к нему.

— Я не такая.

— Эми, ты самый упрямый человек, которого я когда — либо встречал. В своих мыслях ты заигралась, создавая драму, которой вовсе нет. И все для того, чтобы всех позлить, в том числе и саму себя.

Я с недоверием смотрю на него. Взяв меня за руки, он сказал:

— Посмотри на меня, — когда я этого не сделала, он повторил. — Посмотри на меня.

Подняв глаза, я смотрю в его большие и искренние глаза.

— Вчера ночью мне хотелось большего. Я тебе не лгу, но ты думаешь, что я тебя не хочу. После того как ты ушла, я упрекал себя тысячи раз. Верь мне, я хочу сделать это с тобой. Мы и не осознаем, насколько наши отношения серьезны. Хочешь ты того или нет, но через несколько недель ты уедешь, а я уйду в армию на три года.

Я не могу оспорить его доводы, поэтому просто стою и смотрю в его красивые карие глаза.

Отпустив мои руки, он сказал:

— Если ты хочешь разорвать наши отношения, просто скажи.

А потом он развернулся и зашел в отель, оставив меня одну под палящим пустынным солнцем с мокрыми подмышками и всем остальным.

Черт. Почему Эйви всегда во всем логичен? Мне не нравится быть во всем логичной. Я слишком темпераментна, чтобы смотреть на вещи трезвым взглядом, да и Эйви действительно прав.

Я медленно дошла до отеля и зашла в ресторан. Эйви сидел за столом и разговаривал с друзьями. За столом осталось одно свободное место рядом с ним.

Я точно знаю, что сейчас не хочу разрывать наши отношения, я хочу поддерживать их как можно дольше.

Когда наши взгляды встретились, он послал мне короткую улыбку. А еще, проблема вся в том, что все остальные смотрят на меня. Ладно, думаю, я это заслужила, устроив сцену. Я хочу сгореть со стыда, но, высоко подняв голову, я села рядом с ним.

Я игнорирую взгляды Эйви, как и всех, кто нас окружает. Но когда он под столом сжал мою руку, я пожала его в ответ. «Я смогу справиться с этими отношениями. Даже со всеми взлетами и падениями», — подбадриваю я себя.

— Ты когда — нибудь была на ферме альпака? — спросила Офра.

— Что такое альпака?

— Это животное немного похожее на ламу, — ответил Эйви.

— Великолепно.

Офра хлопнула меня по спине.

— Мы отправимся после завтрака, так что будь готова.

В десять часов утра мы припарковались около входа в ферму альпака. Мы купили мешок еды, чтобы покормить высоких и пушистых животных с длинными шеями. Я думала, что альпака будут сидеть в вольерах, но, как оказалось, они свободно бегали по всей территории. Фактически мы зашли в большой вольер с ними.

Я настороженно рассматриваю животных. У всех шерстка коричневого, красного и черного цветов. Благодаря их большим зубам они похожи на деревенщин.

Я с интересом наблюдаю, как Эйви протянул немного еды большой темно — серой альпака. Он кушает прямо с его ладони.

— Будь осторожна, — предупредила я, — они могут укусить твою руку своими большими зубами.

— Они безвредные, — сказал Эйви. — Они тебя не укусят. Попробуй

Я смотрю на коричневую сумку еды, за которую я только что заплатила десять шекелей. Десять шекелей за риск быть укушенной альпака! Нет, спасибо большое. Я подошла к маленькому альпака и погладила его. Его шерстка мягкая, но немного шершавая. Я засмеялась, когда он посмотрел на меня большими бронзовыми глазами и огромными

зубами. Мой стоматолог, доктор Роббинс (в кругах пациентов известный как чудотворец), мог бы целый день провести с этими животными.

Думаю, я могу попытаться покормить этого малыша. Он смотрит на мою сумку таким же взглядом, что и я в ресторане суши. Я достала из сумки немного «еды». Маленький негодник, с нетерпением дожидаясь, пока я достану корм из сумки, слизнул всю еду с моей руки.

— Эй, кажется, ты совсем позабыл о манерах.

Альпака очень странно жуёт еду: маленькие кусочки еды падают из его рта.

— Осторожней, — сказала Офра, приближаясь ко мне.

— Почему? — я отошла немного назад от животного. — Эйви... Эйви сказал мне, что они безобидные.

— Это так, — вмешался Морон, — но они плюются.

— Что значит «плюются»? — говорю я, отходя все дальше от плюющего животного.

— Ладно, — говорит Снотти, — сначала они издают громкие хрюкающие звуки, похожие на отрыжку, а потом плюются. По крайней мере они тебя так предупреждают.

Маленький альпака, не наевшись, подошел к моей сумке. Я его покормила, но как только я закрыла сумку, я услышала странный шум. Оглянувшись, я увидела десять огромных альпака приближающихся ко мне.

— Я не животнолюб, — кричу я, подбегая к Эйви, — я не животнолюб, — многократно повторяю я, приближаясь к нему.

— Они тебя любят, — говорит Эйви. — Посмотри, они идут за тобой.

Я взяла коричневый бумажный пакет с «едой» (интересно, что внутри находится?) в руку и спряталась за ним.

Бесстрашный Эйви взял целый мешок и высыпал немного корма на руку. Пока альпака кушает, я слышу звуки, о которых предупреждала Снотти... громкое хрюканье, похожее на отрыжку. Я со страху наклонилась позади Эйви.

— Черт.

— Что? — я ничего не вижу, потому все еще прячусь за ним.

— Он сделал это.

— Что сделал?

Когда он повернулся, я увидела слипшиеся волосы Эйви с прилипшими кусочками «еды» вместе со слюнявой мокротой.

— Фу, отвратительно! — отходя, сказала я.

— Он плюнул на меня, потому что я пытался тебя защитить.

— Ты мой герой, а сейчас отойди от меня, ты омерзительно выглядишь, — я засмеялась над ним.

— Не так давно я мыл твою ногу от змеиных кишок. Это было не очень приятно. А теперь, ты должна меня поцеловать, — сказал Эйви, подходя ко мне.

Я спряталась за смеющейся Офрой.

— После инцидента со змеиными кишками я не просила тебя меня целовать.

Он остановился. Он такой милый, даже с прилипшей «едой» в волосах. Я подошла к нему, держась немного на расстоянии, наклонилась и соприкоснулась с ним губами, а затем снова отошла

— А теперь тебе необходимо помыть голову. Дважды.

Нашу историю нужно помнить, но не повторять

Нашей следующей остановкой (после того, как Эйви помыл голову в раковине на ферме альпака) было место под названием Крепость Масада. Я никогда не слышала об этом месте и мне интересно, почему же так много людей хотят побывать в этой «крепости».

Пока мы ехали, я пришла к выводу, что большая часть Израиля — это пустыня. Интересно, почему это место считается бесценным? Когда мы въезжали в Крепость Масада, я спросила у Эйви:

— Зачем мы приехали сюда?

— Чтобы показать тебе часть истории твоего народа. Думаю, тебе понравится.

Моего народа? Какого народа? Я не уверена в этом, даже несмотря на то, что ребята думают, будто я еврейка. Дело в том, что я была воспитана не как все. Мама не верит в религию так же, как и в низкоуглеводные диеты.

Мы украшали елку к Новому году до тех пор, пока в семь лет я не поняла, что Санты не существует. Родители должны были сказать своим детям, чтобы они не рассказывали правду малышам в школьном автобусе о Санте Клаусе и Зубной Фее. Ты бы удивилась, узнав, чему дети учатся в желтом автобусе.

После того, как я узнала, что Санты не существует, я сказала маме, что больше не нуждаюсь в елке. Дерево не символизировало христианство или Новый год. Оно ассоциировалось с Сантой. И когда вера в Санту пропала, отпала необходимость наряжать дерево. Это было моим религиозным уроком, который, конечно же, не был религиозным.

Выходя из автобуса, я смотрю на красный массив, называемый Крепость Масада. Меня удивляет, что ребята вместо того, чтобы смотреть на гору, достают воду из машины.

— Сколько ей лет? — спросила я, ни к кому не обращаясь.

Морон, как всегда, не расставаясь со своим ружьем на плече, сказал:

— Здесь была война в семьсот третьем.

Я смотрю на него.

— Тысяча девятьсот семьдесят третьим году? — попыталась угадать я.

— Нет. Раньше.

— В тысяча четыреста семьдесят третьем?

— Нет, — сказал Ду — Ду, — просто в семьсот третьем году.

В семьсот третьем?

— Ты хочешь сказать почти две тысячи лет назад?

— Да.

На это раз, я внимательней осматриваю важную историческую крепость, расположившуюся в середине пустыни Израиля. Я пытаюсь представить разгоревшуюся две тысячи лет назад войну между евреями и их врагами.

— Интересно, что там такое.

— Скоро ты узнаешь, — сказал Эйви, подавая мне бутылку воды. — Тебе нужно постоянно пить воду, а иначе, во время восхождения на гору у тебя будет обезвоживание.

— Ты думаешь, я смогу подняться на эту гору?

— Эми, я знаю, что сможешь. Также как и твои предки сделали это до тебя. Видишь эту дорогу в форме змеи?

— Ее называют змеиной дорогой, потому что там есть змеи? — пусть я груба, но в моем путешествии уже было много опыта со змеями. Большое спасибо.

— Она называется так из — за своей формы, — он на время меня успокоил.

Мы идем рядом с нижней частью «крепости», а впереди виднеется извилистая дорога, ведущая к вершине. Ду — Ду, Снотти, Офра, О'Дейд и Морон начали подниматься в гору. Слева я увидела длинный трос, протянутый до самой верхушки. Взглядом проследив за тросом, в конце я увидела канатную дорогу, расположенную у подножья горы.

— Почему мы не пошли по канатной дороге?

Эйви вступил на «незараженную» змеями дорогу.

— Дойдя самостоятельно до верхушки, ты почувствуешь себя победителем. Я много раз уже так делал и всегда великолепно себя чувствовал.

Я вступила вслед за Эйви на змеиный маршрут. Сначала это легко... если нужно только переставлять одну ногу перед другой, то в скором времени я взберусь на вершину.

Но спустя двадцать минут я уже задыхалась, а мои ноги ужасно тряслись. В Иллинойс нет гор, а есть только холмы и к такому я не привыкла. Я приостановилась и Эйви вместе со мной. Я знаю, он может намного быстрее взобраться на гору.

— Иди вперед, — говорю я, когда мы прошли половину маршрута, — если я не умру от усталости, я задохнусь от собственного пота.

Он покачал головой.

— Я серьезно.

— Я знаю, ты сможешь. Тебе нужно пойти чуть побыстрее, чтобы мы успели прийти до захода солнца.

— С кем сражались евреи? С палестинцами?

— Нет. С римлянами.

Почему римляне хотели захватить это место?

— Тогда почему евреи ненавидят всех палестинцев?

Он остановился и повернулся ко мне.

— Мы не ненавидим всех палестинцев.

Я недоверчиво фыркнула.

— Я поверю в это лишь тогда, когда увижу это на CNN.

Наконец то, виднеется вершина Крепости Масада. Мне потребовался всего лишь час, чтобы взойти на гору. Не могу поверить, что я действительно поднялась на вершину.

Добравшись до вершины, я удивилась, увидев древние руины.

— Здесь евреи победили римлян в сражении?

— Не совсем. Здесь евреи покончили жизнь самоубийством, — ответил О'Дейд.

— Что? — в шоке спросила я, немного испугавшись.

Офра встала перед ним.

— Наши предки поднялись на Масаду и жили здесь во время войны. Римляне терпели потери, ведь они не могли взобраться на гору, миновав атаку с вершины Масада.

Эйви привел меня к одному из руин.

— Говорят, здесь евреи жили до девятьсот шестидесятого года. Они сражались изо всех сил, но знали, что не смогут долго продержаться, ведь со временем армия римлян взберется на вершину. Если бы римляне их захватили, их бы были убиты или проданы в рабство.

Я посмотрела на Морона. Он смотрит вниз на яркие дома украшенные мозаикой, построенные внутри горы. Невероятно красиво. Меня потрясло до глубины души, что люди

жили здесь, пытаясь защитить себя и свои семьи.

— Поэтому они совершили самоубийство?

Эйви продолжил рассказ:

— Они считали, что евреи должны служить Богу и только Богу. Перспектива быть проданным в рабство была не для них. Они предпочли с гордостью умереть как свободные люди, нежели быть поработанными рабами римлян. Они уничтожили все свое имущество, за исключением еды. Так римляне узнали, что голод не стал причиной их смерти. Они доказали, что лучше умрут, чем станут рабами.

От этой истории по моему телу пробежались мурашки, а колени подогнулись. Не могу поверить в то, какими волевыми были евреи... и они такими до сих пор остались. Бесцельно гуляя по плоской вершине горы, я рассматриваю обломки стен, построенные моими предками.

Коснувшись кирпича, я думаю о том, какими храбрыми были женщины и мужчины две тысячи лет назад. Зная, что их шансы на выживание не велики, они построили для себя красивые дома, которые прослужили им тысячи лет.

Изучая вершину горы, я увидела, как группа солдат, поднявшись на вершину Масада, собралась вместе. Я заметила маленькие кармашки по бокам их армейских сапог.

— Что это за маленькие кармашки на их сапогах? — спросила я Морона.

— У американских солдат есть распознавательные знаки вокруг шеи?

— Да.

— Так вот, у израильских солдат есть по одному распознавательному знаку на шее и в сапогах. Если во время сражения тело разорвет на куски, его можно будет идентифицировать. Это еврейский обычай, поэтому, делается все возможное, чтобы узнать, что произошло с нашим солдатом и смочь захоронить все его останки.

Ничего себе. Эта тема слишком грустная, чтобы о ней думать.

— Что они делают? — спрашиваю я, наблюдая, как солдаты собираются вместе и что — то читают на иврите.

— Они клянутся, что не допустят вновь падение Масада, — объясняет Морон. — Для еврейского народа это духовное место.

Утес, до которого я дотронулась, будто бы обжег меня. Я отошла.

— Ох, Боже мой.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Эйви.

— Ничего, — я не хочу признаваться, что Масада и для меня душевное место. В первый раз, с момента моего приезда в Израиль, я понимаю, почему я здесь и это меня пугает.

Я вспомнила слова Софии:

«Быть евреем — это больше в твоём сердце, нежели в уме. Религия — это личное. Она всегда будет с тобой, когда ты захочешь к ней обратиться или будешь в ней нуждаться. Ты можешь принять ее...»

Возможно, мое прошлое неясно и мрачно, но мое будущее будет светлым благодаря этому ужасному, но в тоже время замечательному путешествию и этой разнообразной земле. Несомненно, одна часть нее — часть меня.

Смотря вниз с горы, я пытаюсь понять, что евреи... мои предки... чувствовали рядом с могущественными римскими солдатами, оккупирующими подножье горы. Эта страна была зоной военных действий с начала веков.

Почему двадцать первый век должен отличаться от первого?

Иногда наши враги — это наши самые близкие друзья

— Куда ты меня ведешь? — спросила я Эйви.

Пока все остальные завтракали в наш последний день на юге Израиля, Эйви взял в отеле напрокат машину и пригласил меня прокатиться. Я очень нервничаю, ведь он не сказал, куда мы едем.

— Встретимся с одним другом.

Пока мы едем по засушливо — грязной дороге, он наблюдает за мной загадочными карими глазами.

— Ты боишься?

— А должна?

— Нет. Со мной ты никогда не должна бояться.

Боже, большую часть времени рядом с ним я боюсь. В основном я боюсь своих собственных чувств, ведь когда он рядом, я не могу их контролировать.

Положив руки на колени, я смотрю на красивый пейзаж. Кто бы мог подумать, что пустынно — каменный пейзаж может быть таким красивым и так сильно отличаться от зеленых гор Мошава.

Мы слушаем по радио израильскую музыку, но мне нужно куда — нибудь выплеснуть мое нервное возбуждение. Я начинаю делать свои ягодичные упражнения. Сжать. Расслабить. Сжать. Расслабить.

— Что ты делаешь? — спросил Эйви.

Посмотрев на него, я случайно проболталась:

— Упражнения для ягодиц.

Он смотрел на меня пару секунд, а потом разразился смехом.

— Это не смешно, — насупилась я. — Если в течение длительного времени ты будешь сидеть, твоя попа станет похожей на большое плоское желе.

— Мы ведь не хотим этого, не правда ли?

Я указала пальцем на него.

— Продолжай и дальше надо мной смеяться. Ты еще пожалеешь, когда в Мошав у тебя будет самая большая задница, — я откинулась на сиденье. — Прежде чем смеяться надо мной, тебе нужно самому попробовать это.

— У тебя красивая попа, — Эйви весело улыбается. — Хорошо, а теперь расскажи, как делать эти упражнения.

— Не расскажу, если ты и дальше будешь надо мной смеяться, — я не хочу снова показаться глупой.

— Давай. Я не буду над тобой смеяться. Обещаю.

— Ладно.

Глубоко вздохнув, я представляю себя накаченным парнем, рассказывающим об упражнениях для ягодиц. Мне хочется съежиться от смущения, но, если честно, Эйви серьезно смотрит на меня.

Я быстро говорю:

— Напряги мышцы ягодиц, а потом разожми. Чем дольше ты держишь ягодицы в напряжении, тем трудней становится.

Я чувствую себя полнейшей дурой, пытаюсь показать упражнение.

Но потом, взглянув на его серьезное выражение лица, я поняла, что он действительно пытается сделать это упражнение.

— Изменится ли смысл, если напрячь одну щеку, а потом другую?

Я пытаюсь подавить смешок, но у меня не получается. Да и по правде, я не могу не смеяться, наблюдая, как Эйви втягивает щеки под ритм музыки, играющей по радио. Он смеется сам над собой, подстраивая каждое движение в такт музыки.

Попробовав вместе с ним, я не могу остановиться. Это очень заразительно. Этот момент — один из лучших в моей жизни.

— Я и не знала, что ты можешь быть таким забавным, — я изо всех сил пытаюсь не рассмеяться.

— Да, ну ты застала меня врасплох.

— Позволь мне заставить тебя врасплох почаще, — кокетливо сказала я, а когда он на меня посмотрел, я улыбнулась ему.

Покачивая головой, он покорно вздохнул.

— У меня будут проблемы с Роном. Я сказал ему, что присмотрю за тобой.

— Ты это и делаешь.

Я на полном серьезе говорю это. Когда я приехала в Израиль, Эйви был настоящей занозой в заднице (pardon за каламбур). Но сейчас, когда он раскрылся и впустил меня в свою жизнь, я чувствую, что он стал мне ближе, чем кто — либо в моей жизни. Даже Митч.

Сейчас я поняла, что я и Митч не совместимы. По правде говоря, возможно он даже не знает меня. Я возвела невидимую стену и держусь самостоятельно, чтобы меня не поранили. Мне нравится Митч. Но думаю, если бы он меня знал, или лучше сказать **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знал, он бы даже не думал стать моим парнем.

Почему? Потому что с одной стороны, я нуждаюсь в большой заботе, а с другой, мне нужен сильный человек, который бы взял все мое дерьмо и вернул бы мне его обратно. Думаю, в этом отношении Эйви немного похож на Рона. Может ли быть такое, что я совместима с человеком, являющимся зеркальным отражением Донора Спермы?

Мы выехали на маленькую асфальтированную дорогу и ехали по ней последующие пятнадцать минут.

— Где мы? — спросила я, в то время как Эйви парковался около маленького домика.

Он открыл дверцу машины.

— Здесь.

— Здесь, это где?

Улыбнувшись во весь рот, он обошел машину и открыл мне дверь. Я знаю, что такой поступок считается джентльменским, но давайте будем честными: я не леди, а Эйви.... ладно, он не джентльмен. Он грубый, сильный израильтянин, который может перебросить стог сена без особых усилий. Именно так, как мне нравится.

Выйдя из машины, я осматриваю окружающую обстановку. Раньше я ошибалась, Мошав — это Северный Полюс по сравнению с этим местом, расположившимся в середине пустыни. Seriously, думаю, если на улице разбить яйцо, оно менее чем через десять секунд приготовиться.

Впереди стоят одинаковые цементные дома. Я имею в виду, что все дома полностью белые. Не кирпичные, не покрашенные... просто белый цемент.

— Кто здесь живет? — спокойно спросила я. Как будто я нахожусь в маленькой деревни

посередине пустоты.

Эйви идет к входу одного из примитивных домов, а я следую за ним.

— Палестинцы.

ЧТО?!

Почему израильтянин привез меня домой к палестинцу? Мне хочется расспросить Эйви, но, к сожалению, у меня не было достаточно времени, потому что входная дверь начала открываться.

Подросток, примерно нашего возраста, открыл дверь. Его кожа темней моей, примерно такого же цвета, как и у Эйви. К тому же, если бы Эйви не сказал мне, что этот парень палестинец, я бы приняла его за израильтянина.

Я слежу за текущими событиями. Ты должен жить в пещере, чтобы не знать, что палестинцы и израильтяне никогда не сходятся во взглядах. И это еще мягко сказано.

Но этот палестинский мальчик протянул руку Эйви и обнял его.

— Тэрик, это моя подруга, Эми Барак. Она американка.

Я смутилась, ведь раньше никто не называл меня Эми Барак. При рождении мне дали имя Эми Нельсон, потому что это девичья фамилия мамы. Разве я Эми Барак?

Глубоко в душе мне нравится, как это звучит. А может мне нравится звучание этих инициалов, слетающих с полных губ Эйви.

В любом случае это не важно. Я нервничаю. Я пытаюсь не поддаваться желанию погрызть ногти или впасть в шоковое состояние, гложащее меня изнутри.

Но когда Тэрик улыбнулся, я немного успокоилась. Это искренняя улыбка, а не фальшивая, которую люди зачастую выдавливают из себя, пытаюсь быть вежливыми (как это делает Марк). Нет. Улыбка достигает глаз Тэрика.

— Входите! — с энтузиазмом сказал Тэрик. — Прошло много времени, друг — он похлопал Эйви по плечу.

— Как университетская охота? — спросил Эйви.

Тэрик засмеялся.

— Не стоит об этом говорить. Хотя я получил письмо из UCLA³² и Northwestern³³. Эми, скажи мне, что ты здесь делаешь? — добавил он, пока мы направлялись к маленькой комнате.

В центре комнаты и рядом с одной стеной лежат подушки. Тэрик знаком пригласил нас сесть. Посмотрев, как Эйви садится на оранжевую подушку, я следую его примеру и сажусь на светло — голубую подушку.

— Я приехала на лето с отцом.

В комнату зашла женщина, одетая в национальный мусульманский наряд с покрытой головой. Она принесла поднос с фруктами и поставила его перед Тэриком. Она ничего не сказала. Просто поставила и ушла.

Тэрик взял апельсин и протянул его мне.

— С нашего дерева. Уверен, он вкуснее, чем в Америке.

Эйви взял гроздь винограда с подноса и начал его есть. Тэрик взял себе апельсин лишь после того, как я начала чистить свой. Может, по мусульманским традициям хозяин начинает трапезничать только после гостей?

Я не могу поверить, что палестинец не только пригласил меня в дом, но и угощает еврейского израильтянина и незнакомую американку с улыбкой на лице.

— Вы встречаетесь? — спросил Тэрик.

— Только на лето, — мое лицо покраснело от смущения. — Вот и все.

Тэрик засмеялся.

— А после лета?

Этот вопрос был направлен мне, но Эйви ответил:

— После каникул она вернется в свою страну. Там у нее есть парень.

— Ах, сейчас история стала интересней. Думаю, мне нравятся американские женщины.

Эйви положил в рот большую зеленую виноградину.

— Тэрик, пожалуйста, не позволяй ей себя обмануть. Эми Isanha taweel.

— Простите? Если вы собираетесь говорить обо мне, будьте любезны говорить по — английски, дабы я смогла себя защитить.

Тэрик смотрит на меня с озорным взглядом.

— Он сказал, что у тебя такой же острый язык, как и у змеи.

Измученно открыв рот, я сказала:

— Ничего подобного. Извинись, — сказала я Эйви.

— Эми, ты должна знать, что этот парень не извиняется. Это не в его стиле.

Смеясь, Эйви закинул в рот еще одну зеленую виноградину.

— Тэрик, тебе нужно быть адвокатом, а не врачом. Тебе нравится оспаривать все аргументы, запутывая всех.

Наш разговор прервали шаги за дверью. В комнату зашли две девушки и принесли чашки с чайником. Они поставили чашки напротив нас.

— Это мои сестры, Мадиха и Айра.

Боже, моя жизнь и жизнь этих девушек так сильно отличается. Улыбаясь, они немного наклонились, чтобы поздороваться. Поднявшись, я сделала то же самое. Я чувствую, что немного неправильно одета. Интересно, что они обо мне думают? Я не покрываю голову и как они не нашу длинные платья. Я представляю, насколько сильно отличаются наши жизни.

После того как они ушли, я села и съела дольку апельсина. Он очень вкусный. Такое впечатление, будто я облизываю ложку с сахаром. Ммм!

Когда сестры оставили нас одних, Эйви сказал Тэрику:

— Эми думает, что все израильтяне ненавидят палестинцев.

Последнее, что я хочу делать, так это спорить о политике с ними двумя, да и к тому же, Эйви примет его сторону. Я чуть не подавилась апельсином. Когда я, наконец, проглотила дольку, я открыла рот, чтоб что — то сказать, но так и не смогла ничего ответить.

Тэрик, откинувшись назад, сказал:

— Палестинцы предъявляют требования к той же земле, что и израильтяне. Нет возможности этого избежать.

— Но, — продолжил Эйви, — не все палестинцы ненавидят израильтян, и не каждый израильтянин ненавидят палестинцев.

— Ребята, как вы можете дружить? — я повернулся к Тэрику. — Он пойдет служить в армию Израиля!

Тэрик пожал плечами.

— Это жизнь. Он должен это делать. Моя жизнь ничем не отличается. Но мой народ решил носить другую форму; единственную форму, который мой народ считает эффективной.

— Никто не выиграет. Почему нельзя прийти к соглашению и придерживаться его?

— Надеюсь, в будущем все изменится, — признался Тэрик. — Для кого — то мир с

израильтянами недопустим. Я? Я хочу мира, но также я хочу, чтобы мой народ уважали.

Эйви, смотря на меня, сказал:

— Эми, многие израильтяне хотят того же. Мира, который бы гарантировал, что наши женщины и дети, не беспокоясь за свою безопасность, смогут спокойно ходить по улицам или ездить в автобусах.

— Но кто начал первым?

— На Ближнем Востоке никогда не было спокойно, — ответил Эйви.

— Верно, — подтвердил Тэрик. — Наши народы сильны в своих убеждениях.

Я с дискомфортом двигаюсь на своей подушке.

— Если ты и Эйви столкнетесь на поле боя, ты его убьешь?

Тэрик, глядя на Эйви, смело ответил:

— Да. И я не ожидаю меньшего от него.

Эйви наклонился вперед и взял меня за руку.

— Я привел тебя сюда, чтобы показать, что не всех нас переполняет ненависть, а ты спрашиваешь, смогут ли два друга убить друг друга. Дорогая, хороший способ провести эту встречу. Послушай, каждый из нас делает все, чтобы выжить. Такова наша жизнь.

Мы еще недолго посидели в гостях у Тэрика. Ребята смеялись, обсуждая колледж и свои семьи, а так же расспрашивали меня о моих друзьях. Мы прекратили говорить о политике, кажется, ребята знаю грань, за которую не стоит переступить. В их компании я чувствую себя свободной: я могу спокойно обсуждать различные темы, не беспокоясь, о том, как я себя веду или правильно ли я отвечаю, пытаюсь им соответствовать.

Мне нравится Тэрик. Я уважала Эйви еще больше, ведь он отложил в сторону свои политические убеждения и дружит с Тэриком. Тэрик не только умный парень, у него еще доброе сердце.

В новостях показывают совершенно другой мир. Мир, во многом отличающийся от действительности. Думаю, новостные программы должны показывать положительные стороны людей, а не сосредотачиваться на негативе.

Когда мы собрались уходить, Тэрик обнял меня на прощание и сказал:

— Позаботься о моем друге.

Боже, теперь я чувствую себя ответственной. Жизнь в Израиле трудна в отличие от жизни американских подростков. Наши самые большие проблемы заключается в том, какой фильм посмотреть или какой наряд купить. После окончания школы мы заикливаемся на том, в какой колледж поступать. Трагедия одиннадцатого сентября изменила нашу жизнь, но по сравнению с жизнью людей на Ближнем Востоке, она легка и безмятежна.

Израильтяне не поступают после школы в колледж, они идут служить на линию фронта в армию.

«Позаботься о моем друге», — сказал Тэрик.

Это не так уж и легко, как может показаться, особенно, когда это сказал парень, находящийся по другую сторону.

Вся моя жизнь пробегает перед моими глазами, особенно те моменты, когда я отталкиваю Рона. Чувствую себя немного паршиво. У меня есть семья здесь, в Израиле, и может быть я должна позаботиться о ней. Если Эйви и Тэрик могут заботиться друг о друге, возможно и я смогу найти в своем сердце немного места для любви к Рону. И Савты. И смею даже подумать об этом, о Снотти.

Я имею в виду О'Снат.

Но что если они разочаровались во мне?

Я наблюдаю за тем, как Эйви и Тэрек пожали руки и похлопали друг друга по спине. Улыбка осветила мое лицо. Возможно, они и сами не подозревают, но я точно знаю, они будут защищать друг друга изо всех сил, даже если лицом к лицу окажутся на поле битвы. Два парня с чистыми и искренними душами.

Возможен ли мир между палестинцами и израильянами? Кто знает. Все возможно. Может быть, дружба двух волевых парней и есть надежда на светлое будущее.

Можно многому научиться, погружаясь в путь, по которому мы все идем

— Как ты познакомился с Тэриком? — спросила я на обратном пути в отель.

— Скажу лишь то, что когда он нуждался в друге, я помог ему. И он сделал тоже самое.

— Я рада, что ты познакомил меня с ним.

— А я рад, что ты здесь со мной. Я знаю, ты бы мне не поверила, если бы я сказал, что не все израильяне ненавидят палестинцев. Ты девушка, которой нужны доказательства. Ты не должна так сильно доверять телевизору.

— Я не доверяю людям.

— Бьюсь об заклад, если ты откроешь глаза, то увидишь красочный мир вокруг себя.

— Возможно. Но по крайней мере меня не часто предают, потому что я всегда ожидаю, что люди меня разочаруют.

Снижая скорость, Эйви остановил машину около обочины и повернулся ко мне.

— Я хочу поблагодарить тебя.

Вдруг в моем рту пересохло.

— За что?

— Ты заставила меня вспомнить, что есть мир, ради которого стоит жить.

— Как я это сделала?

— Ты первый человек, благодаря которому боль от смерти моего брата становится терпимой, — он целует меня прямо здесь, в машине, припаркованной на обочине пустынной дороги. — Когда я с тобой, я становлюсь прежним.

Внутри и снаружи я улыбаюсь. Смущенно глядя вниз, я перебираю пальцами браслет на его запястье.

— Хочешь его?

— Только если ты хочешь мне его дать, — застенчиво сказала я.

Сняв браслет, он закрепил его на моем запястье.

— Этим браслетом ты как будто всем говоришь, что принадлежишь мне. По крайней мере пока.

Наклонившись к Эйви, я накрыла его губы своими. Как и раньше, поцелуи Эйви для меня как наркотики, они дурманят и возносят меня к небесам.

Прежде чем я осознала, я уже сидела у него на коленях. Я чувствую теплоту и мощь его твердого тела, прижатого к моему.

— Мы должны остановиться.

Прикусывая его мучку уха, я пробормотала:

— Ага.

Простонав, он откинул голову назад.

— Эми, я серьезно. Мы находимся в арендованной машине около обочины дороги.

Я прокладываю дорожку поцелуев от его уха к губам.

— Угу.

— Ты хочешь подавить меня, верно?

— Ааагаа.

Мне нравится, как он чувствует себя, находясь рядом со мной. А так же мне нравится дикие ощущения, пробегающие по моему телу, пока я двигаюсь напротив его тела.

Почувствовав, что он сдаётся моим рукам и рту, я остановилась и села. Хочу сказать, что мы находимся в публичном месте, и любой может заглянуть в окно. Интересно, если мы продолжим, запотеют ли стекла? Не думаю, что в машине может стать ещё жарче, чем снаружи. Несмотря на то, что работает кондиционер, я чувствую, что пылаю.

Эйви медленно облизал губы и открыл глаза.

— Я не могу двигаться.

Я засмеялась.

— Я заставила тебя позабыть, что ты все время злишься?

— Окончательно.

— Хорошо. Если тебя это осчастливит, я всегда буду это делать.

Его пальцы скользят к моему плечу, опуская бретельку кофты вниз.

— Я хочу... — говорит он, наклоняясь и легонько целуя мое плечо.

Я знаю, что он хочет сказать. Мне хочется, чтобы он вслух сказал это, но я помню о нашем маленьком соглашении. Не слишком увлекаться.

Жаль, что я уже так сильно на него подседа.

Знаю, если мы зайдем слишком далеко, я буду сожалеть. Да и к тому же, мы остановились около дороги.

— Если ты не прекратишь меня так целовать, я разорву всю твою одежду, — сказала я

С его губ слетел стон, и он откинулся назад.

— Я без ума от тебя.

— Хорошо, вспомни об этом, когда после моего отъезда какая —нибудь красивая израильтянка попытается флиртовать с тобой. А сейчас нам нужно вернуться к остальным или я действительно воплощу свою угрозу.

Спустя полчаса, когда мы ехали по направлению к отелю, Эйви сказал:

— Так что за история с твоими родителями?

Когда он задал этот тяжелый для меня вопрос, я отвернулась к окну.

— Я не хочу говорить об этом.

— Почему нет? Многие родители разводятся.

Да, но для начала мои родители никогда не были женаты. Каждый раз, когда я пыталась рассказать эту историю своим школьным друзьям, я всегда чувствовала, что они считают, будто моя мама переспала с каким —то университетским парнем и забеременела. И хуже всего то, что это не так уж и далеко от истины.

— Расскажи мне о своих родителях, — возразила я. — Я никогда не слышала, чтобы Рон или мои тетя с дядей говорили о них.

— Особо не о чем говорить. Мама работает учителем в Мошав, а отец коллега твоего дяди. Хорошо, теперь ты расскажи.

Я тяжело вздохнула.

— Мои родители никогда не были женаты, да и по правде говоря, я никогда не должна была родиться. Большущая шестнадцатилетняя ошибка.

Вот, я рассказала ему. Мое лицо пылает, а глаза на мокром месте. Держать себя в руках — лучшее, что я могу позволить себе в данном обстоятельстве. Я тысячи раз думала о своей ошибочной жизни. Если честно, я раньше никогда не озвучивала эти мысли вслух.

Мы подъехали к отелю, и Эйви припарковался на стоянке.

— Я не очень верующий человек, но я уверен, есть очень важная причина твоего рождения.

— Ты говоришь как раввин ³⁴.

— Нет, я всего лишь пастух овец.

— Эйви, ты НАМНОГО выше этого и ты сам это знаешь, — откинувшись на спинку кресла, я вздохнула. — Не хочу, чтобы сегодняшний день заканчивался.

Он послал мне одну из своих ослепительных улыбок.

— Я тоже.

В течение нескольких минут я смотрю в его глаза, а он удерживает мой взгляд. Мы ничего не говорим, да и нет слов, которые могли бы выразить то, что я хочу ему сказать. Или есть?

— Эйви.

— Шшш, — прошептал он, прикладывая палец к моим губам. — Я знаю.

Я неохотно вышла из машины и направилась в вестибюль отеля.

Ребята уже ждали нас.

Когда я увидела Снотти... точнее О'Снат... одиноко сидящую в углу, я подошла к ней.

— Мне жаль, что я сказала о том, что ты носишь короткие кофты, обтягивающие штаны и что у тебя плохая грудь.

О'Снат в замешательстве покачала головой.

Я смотрю в пол, топчась с ноги на ногу.

— Я имею в виду, что ты действительно носишь облегающие штаны... а твоя грудь меньше моей. Но прекрасная грудь. И я уверена, что в Израиле модно носить облегающие брюки.

Ее темные брови приподнялись.

— Ты пытаешься извиниться передо мной? Если это так, то у тебя ужасно получается.

Я развела руки в сторону.

— Дай мне отдышаться. Я не привыкла быть ласковой и просить прощения.

О'Снат встала.

— Я сожалею, что сказала, что у тебя обвисшая грудь. Твоя грудь тоже не плоха, — она протянула мне руку для пожатия. — Перемирие?

Минуточку, подождите.

— Ты никогда не говорила, что моя грудь обвисшая! — говорю я, игнорирую ее фальшивое перемирие.

— Я не говорила тебе этого в лицо, — призналась она.

Думаю, я заслужила это оскорбление. А я буду держать язык за зубами и не скажу ей, что называла ее Снотти почти с самого начала нашего знакомства.

Мы истерически засмеялись, а все остальные смотрят на нас так, будто мы картофельное пюре. Две двоюродные сестры картофельное пюре.

— Мы можем пойти прогуляться? — спросила она.

Выйдя из отеля, мы бесцельно направились к парковке.

Я пнула камушек под ногами.

— Я не хотела приезжать на лето в Израиль. И я не хотела здесь кому — либо понравиться.

Спускаясь вниз по дороге, она тоже пнула камушек.

— Я удивилась, когда узнала, что у Рона есть секретная дочь. Думаю, каким — то образом я ревновала к тебе.

Я? Секретная дочь? Уверена, будучи названной секретной, меня также считают

незаконной.

— Поверь мне, тебе не к чему ревновать. По крайней мере твои родители любят друг друга.

— Но у Рона работа лучше. Ты должна им гордиться.

Итак, наверное, тебе интересно, чем по жизни занимается Рон. Все что я знаю, так это то, что он работает в сфере обеспечения безопасности.

— Не такое уж это и большое дело, — в конце концов, в наши дни многие работают в этой сфере.

О'Снат дотронулась до моего плеча, останавливая меня.

— Ты шутишь? Мама сказала, что он подписал контракт и работает помощником начальника Национальной Безопасности США.

Что? Я не знала этого. Думаю, я даже никогда не спрашивала его об этом. Я была слишком занята, злясь на него из — за того, что он не лучший отец.

— Да, конечно, но он немного рассказывает об этом.

— Возможно, он не может, потому что это секретная информация.

Я с трудом представляю, как начальник Безопасности США мог нанять Рона в качестве помощника. В конце концов, я привыкла думать о нем только как о Доноре Спермы.

О'Снат повернулась ко мне.

— Ты не знала, чем он занимается, пока я тебе не сказала, верно?

— Я никогда не была папиной дочкой, если ты это хочешь сказать. На самом деле я не близка со своей семьей. Моя мама витает в собственном мире, а Рон точно не самый лучший отец. У меня даже нет двоюродного брата, который любил бы меня. Ну, кроме твоего брата, но я не могу разговаривать с ним по — английски. Вероятно, если бы я могла, я бы тоже ему не понравилась.

— Ты точно не самый веселый человек.

— Ты шутишь? Я многое могу показать. Например, я могу показать, как не переборщить с макияжем и не испортить его. Я гений причесок, я даже умею плести французскую косу. А так же я многих знакомых могу обыграть в теннис. А что ты можешь предложить? — спросила я, уперев руки в бока, ожидая ее ответа.

— Я могу скакать на лошади без седла, а еще я хорошо танцую. И если ты поближе со мной познакомишься, ты узнаешь, что я хороший человек, — сказала она, уверенная, что обыграла меня.

Мне кажется, что езда на лошади без седла не особо отличается от поездки в джипе по горной местности, но все же у нее есть свои заслуги.

— И?

— И я могу сказать, что с тех пор, как Эйви познакомился с тобой, он изменился. Сейчас он улыбается... После смерти его брата, он редко улыбался. Думаю, я не буду возражать, если вы будете вместе, и ты сделаешь его счастливым.

Мы обнялись. Я счастлива, что у меня есть кузина, которая может ездить на лошади без седла.

А так же, она моя подруга.

Страх потери человека заставляет ценить его еще больше

Два дня спустя мы всемером вернулись на джипе в Мошав. Я очень хочу увидеться с Роном и сказать, что хочу начать все с начала.

Мы вошли в дом О'Снат. Такое впечатление, будто в доме собрался целый квартал. Все внимательно смотрели в экран телевизора. Я вижу кудрявую головку моего маленького кузина Матана и Доду Юки, но я нигде не вижу ни Рона, ни дяди Хаима.

У всех мрачное настроение.

— Что происходит? — я ничего не могу понять, но очевидно, что диктор рассказывает очень важную новость.

Все рассказывают о случившемся на иврите О'Снат, Офре, Эйви, Ду — Ду, О'Дейду и Морону. Только я ничего не понимаю.

— В Тель — Авиве, — объяснил мне Эйви после того, как выслушал остальных, — произошел теракт.

— Где мой отец? — меня охватила паника. — Где Рон? Сейчас он нужен мне как никогда раньше.

Эйви притянул меня в свои объятия.

— Эми, все будет хорошо.

Слезы застилают глаза, на этот раз я обращаюсь с вопросом к Доде Юки.

— Где он? — никто не ответил. Я чувствую, как к горлу подступает тошнота. Я вырвалась из объятий Эйви. Меня сейчас стошнит.

— Твой аба поехал в Тель — Авив вместе с Хаимом, чтобы доставить мясо в рестораны.

— Дода Юки, они в порядке? — спросила я, окончательно расплакавшись. Из ее глаз капали слезы.

— Не знаю. Все очень запутанно. После взрыва, люди побежали на помощь... вторая бомба.

— О Боже мой.

Я не достаточно хорошо знаю Рона, но я точно знаю, если кто — то пострадал, он одним из первых побежит на помощь. Вторая бомба... я не могу об этом думать.

— Мы не знаем, где они. Телефоны не работают.

Зайдя в комнату О'Снат, я лихорадочно роюсь в рюкзаке. Я достала из кармана джинс еврейскую звезду, которую мне дала Савта. Алмазы сияют, напоминая мне, что я еврейка, как и часть моей семьи. «Мы пережили миллионы лет, несмотря на то, что большую часть времени мы страдали», — напомнила я себе.

Я вернулась в гостиную, прикрывая лицо руками. Не хочу, чтобы кто — то видел меня в момент моей беспомощности. Сколько сегодня людей пострадало и сколько погибло? Меня тошнит от этих мыслей. Я пытаюсь выжить из своей головы образ тела Рона, распластавшегося на улице. Но что, если он там, а меня нет рядом, чтобы помочь ему? Мне нужны силы, но думаю, мои иссякли. Опустив руки, я смотрю на Эйви.

Он нужен мне.

Я отчаянно нуждаюсь в нем.

— Эйви, — говорю я, подбегая к нему, и крепко прижимаясь к его груди, — пожалуйста, не оставляй меня. Не думаю, что смогу справиться с этим без тебя.

— Я здесь, — мягким голосом уверил он, поглаживая мои волосы. — И я никуда не уйду.

Его брат погиб при теракте. Он должен поведать мне о боли собственной потери. Мы можем помочь друг другу пройти через это.

Я протянула ему ожерелье.

— Ты сможешь мне надеть?

Переживая самый длительный час своей жизни, я и Эйви сидим рядом с Савтой в ее комнате, избегая просмотра новостей. Она поведала мне о своем детстве в Израиле и о своем опыте, когда она впервые приехала на «Святую Землю». Я чувствую ее страх. Потеря двух сыновей опустошит ее.

Когда зазвонил телефон, я вскочила и побежала на кухню.

Дода Юки взяла телефон. Отвечая, она смотрит на меня. Мое сердце учащенно забилось.

— Эми, — я прижалась к Эйви для поддержки, готовясь услышать плохие новости, — это твоя мама.

Моя мама! Я подбежала к телефону и проложила трубку к уху.

— Мама!

— Привет, дорогая. По новостям передавали, что в Израиле произошел теракт. Я звоню, чтобы убедиться, что ты в порядке. Джессика звонила мне, она очень волнуется.

— Я... я в порядке, — у меня едва хватает сил ответить сквозь всхлипы. — Но... я путешествовала, а Рон уехал в Тель — Авив... мы ничего не знаем. Я схожу с ума. Я не знаю, что делать. Мы ждем телефонного звонка, но....

— О нет. Это ужасно. Я никогда не думала...

— Мама, я вынуждена положить трубку, вдруг он позвонит.

— Хорошо, хорошо, — в панике говорит она. — Я вешаю трубку. Позвони мне, как только станет что —нибудь известно... любая новость, ладно? И оставайся дома. Мне нужно, чтобы ты вернулась целой и невредимой.

— Мама, я так и сделаю.

Как только я повесила трубку, телефон сразу зазвонил. Я передала его О'Снат. Она, как и я, сильно нервничает и переживает.

— Ze aba! — прокричала она, после того, как поговорила с человеком на другом конце линии. — Nakol beseder!

Эйви взял меня на руки и покружил вокруг.

— Они в порядке!

Не могу в это поверить. Я направилась в комнату Савты, чтобы поведать ей хорошие новости. От Доды Юки я узнала, что дядя Хаим и Рон отправились к месту теракта, чтобы помочь более сорока пострадавшим.

Мы все радостно обнимаемся, несмотря на то, что всех нас переполняет боль за бедные души, ушедшие из жизни при теракте. Странное чувство, когда тебя одновременно переполняет и горе и счастье. Не знаю, как израильтяне все время с этим справляются.

Мы с Эйви и Муггом ждем около парадных ворот в Мошав. Маленький, словно мой защитник, лег рядом со мной.

— Не могу поверить в произошедшее. Это кошмар. Я почти потеряла своего отца, даже не успев с ним поближе познакомиться.

Слишком страшно об этом думать.

— Но сейчас тебе дан второй шанс, — задумчиво сказал Эйви.

Я прижалась к нему.

— Да. Начиная с сегодняшнего дня, я воспользуюсь каждой данной мне секундой.

— Я тоже, — и в знак подтверждения своих слов, он подарил мне один из своих невероятных поцелуев.

Когда ворота открылась, и я увидела свет фар автомобиля, я поднялась на ноги. Машина остановилась, и мой папа вышел из машины. Его футболка была запачкана кровью. Он притянул меня в свои объятия.

— Ты в порядке? — я смотрю на его перепачканную футболку.

— Не волнуйся, со мной все в порядке.

— Аба, я очень сильно тебя люблю.

— Ох, Эми, я тоже тебя люблю.

Я отошла, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

— Мне очень жаль, что я раньше тебе этого не говорила. Я знаю, я очень плохо себя вела. Я хочу, чтобы ты был частью моей жизни. Я тоже хочу быть еврейкой, а еще я хочу выучить иврит. Ты сможешь мне его выучить?

— Сбавь обороты, милая. Я не успеваю за тобой. Я все еще наслаждаюсь словами «Я люблю тебя, аба», — его глаза покраснели и наполнились слезами. — Дорогая, я никогда не хотел, чтобы ты думала о том, что я не боролся за право быть с тобой. Я очень сильно облажался в наших отношениях.

Он вытер сбегающую слезу по его щеке. Я поражена.

— Я надеялся, что эта поездка в Израиль все изменит. Я не хочу потерять тебя из — за Марка. Ты моя дочь, не его, — говорит он, обнимая меня.

Он плачет как маленький. И я вместе с ним.

— Я думала, что потеряла тебя, — мы идем по дороге к дому, позволяя дяде Хаиму доехать на машине до дома одному.

Эйви тоже покинул нас, оставляя меня и отца наедине.

— Дочка, я давно тебя потерял. Я рад, что мы, наконец, нашли друг друга.

— Как ты думаешь, ты бы смог выделить для меня комнату в своем доме?

— О чем ты говоришь? Мне бы очень хотелось, чтобы ты переехала ко мне. На год. На выходные. Навсегда. Чего бы ты ни пожелала, я дам тебе это.

— Конечно, если ты не слишком будешь занят с начальником Национальной Безопасности Соединенных Штатов.

Обняв меня за плечи, он засмеялся.

— В моем доме всегда найдется место для моей девочки номер один. Я не забуду этого.

— Ты уверен, что у тебя нет девушки?

— Дочка, у меня нет никого близкого, чтобы делить с ним дом.

— Думаю, тебе кто — то нужен...кто — то, кто бы смягчил тебя.

— И кого я должен поблагодарить за изменение моей дочери? Может быть, я не хочу этого знать.

— Он был настоящим джентльменом.

— Кто? Ду — Ду?

— Ты можешь представить меня рядом с парнем с таким именем?

— Его настоящее имя Дэвид.

— Что?

— Ду — Ду — это прозвище от имени Дэвид.

Если вас интересует мое мнение, то я скажу что это глупое прозвище.

— Это Эйви.

Лицо Рона стало серьезным.

— Эми, ему восемнадцать лет. И он потерял своего брата...

— Я все знаю. Во время путешествия мы друг другу помогали и я... Я его люблю.

Папа сжал челюсти, его мышцы напряглись.

— Я не совсем это хотела сказать. Он меня уважает, а я его. Может быть, даже слишком

— Я должен привыкнуть к тому, что моя дочь подросток.

Я смотрю в его глаза.

— Нет. Ты должен привыкнуть ко мне.

Ты не узнаешь о своих желаниях, пока они не поставят тебя на колени

Сегодня последний день перед моим отъездом в Чикаго. Эйви и я собираемся на двойное свидание вместе с О'Снат и О'Дейдом.

Я смотрю на свою двоюродную кузину. Она великолепно выглядит. Я показала ей, как нужно краситься, и она больше не смахивает на мишень в тире.

О'Снат смотрит, как я выбираю наряд. Заметив, как моя кузина смотрит с тоской на мой летний сарафан от Ralph Lauren, я пришла к выводу, что он ей нравится.

— Мне не нравится это платье. Хочешь его взять?

Ее глаза заблестели.

— Серьезно?

— Абсолютно. В нем моя попа кажется больше, — сказала я, бросая его ей.

Я выбрала короткую облегающую юбку голубого цвета и белый топ с кружевными рукавами. В первый раз со дня своего приезда в Израиль я хорошо оделась. Надеюсь, Эйви понравится, потому что раньше он видел меня только в джинсах и коротких шортах.

Услышав голос Эйви в прихожей, все мое тело напряглось в предвкушении нашей встречи. Ничего не могу с собой поделать.

Митч сойдет с ума, узнав, что я влюбилась в другого парня, но я не могу бороться со своими чувствами. Стоит лишь мне подумать об Эйви, как меня переполняет волнение.

Когда я собиралась выйти из комнаты, дверь моей спальни открылась, и мой аба зашел в комнату. Он сел на кровать, удивленно рассматривая меня.

— Ты прекрасна, как и твоя мать. Меня это пугает.

— Ты предпочтешь увидеть меня неухоженной?

Его губы растянулись в усмешке.

— Возможно.

— Ты хочешь, чтобы я отменила свое свидание, чтобы ты смог лучше себя почувствовать? — серьезно спросила я.

Он поднял на меня свой взгляд.

— Нет, конечно же, нет.

— Хорошо, потому что я не собиралась этого делать.

— Эми... — в предупреждающем тоне сказал он.

— Папа, возьми себя в руки. Я не буду делать ничего из того, что ты не делал в моем возрасте.

Он поднялся.

— Вот и все. Твое свидание отменяется.

О'Снат вышла из комнаты, а позже вернулась со своей матерью. Дода Юки что — то сказала папе на иврите. Он с победленным видом сел. Дода Юки проводила меня в фойе.

Эйви, увидев меня, улыбнулся, прикладывая руку к сердцу.

— Ничего себе.

Великолепная реакция.

Он взял меня за руку, сопровождая до своего автомобиля. О'Снат и О'Дейд ждали нас на заднем сиденье.

— Куда мы поедем?

— На диско.

На диско? Я действительно не представляла, что проведу последнюю ночь в Израиле в шумном прокуренном баре, где полно народу. Но я оставляю свое мнение при себе. Я пытаюсь смириться с этим, несмотря на то, что в моем сердце поселилась грусть.

Когда мы приехали к месту нашего свидания, я заметила, что очередь стала длиннее, чем в наш последний визит. Великолепно, большую часть ночи я проведу в очереди. Какая досада!

Эйви подъехал к клубу. Когда О'Снат и О'Дейд вышли из машины, я открыла дверцу машины.

— Куда ты собралась?

— Э — э, я иду занимать очередь, как и все остальные люди — саркастично сказала я.

— Я отвезу тебя в другое место.

Я приподняла брови.

— Ты сказал, что мы едем на «диско». Я точно слышала, что ты сказал «диско».

— Мы лишь подвозили сюда О'Снат и О'Дейда.

Когда Эйви подмигнул мне, я забралась обратно в машину и закрыла дверь. В моем желудке запорхали бабочки от осознания того, что мы остались наедине. Я ни с кем себя так не чувствовала.

Отъезжая от клуба, он взял меня за руку. Мы едем по извилистой грунтовой дороге, по которой, вероятно, не ездили уже несколько веков.

Когда машина остановилась, он повернулся ко мне и протянул платок.

— Мне нужно высморкаться? — если это не намек, тогда что?

— Эми, закрой глаза, я хочу завязать тебе глаза.

Зажмурившись, я наклонилась ближе к нему. Завязав мне платком глаза, он нежно поцеловал меня в губы. После того, как он помог мне выйти из машины, он куда — то меня повел.

Все это очень эмоционально. Он очень взволнован. Не могу дождаться всех сюрпризов, которые он приготовил для меня.

Он снял платок.

— Открой глаза.

Я несколько раз моргнула, привыкая к темноте.

Свечи. Много свечей. Две подушки. Между подушками стояла пустая тарелка.

— Садись.

Я следую его указаниям.

— Ладно, жди меня здесь, — когда он нервничает, он кажется таким милым. Обычно он спокоен и холоден.

Я осматриваюсь. Мы находимся в середине пустоты, в бесплодной пустыне, и лишь стрекот сверчков окружает нас. Я села на подушку и жду его. Эйви вернулся с картонной коробкой в руках.

Он колеблется.

— Ты голодная?

— Что?

Его бровь вопросительно изогнулась.

— Скажи мне. Я принес еду, но если ты изголодалась по другим вещам...

— Еда — это здорово, — перебивая, сказала я.

Садясь рядом со мной, он подарил мне одну из своих потрясающих улыбок, а потом открыл коробку. Увидев, что лежит внутри, я почувствовала комок в горле.

— Ты принес мне суши! Мое самое любимое блюдо! Как ты узнал?

Суши словно маленькие круглые личики улыбались мне.

Он протянул мне набор палочек.

— Рон мне сказал.

— Я мечтала о суши с самого первого дня. Знаешь ли ты, что они могут заставить человека бросить курить?

Он смотрит на меня как на сумасшедшую, но меня это не волнует.

— Хочешь? — спросила я, пережёвывая острый тунец. Вкушая сладко — острые суши, я с удовольствием простионала.

Эйви признался, что никогда не ел суши, поэтому я показала ему, как их надо есть. Мы разложили еду по порциям. Эйви пытается разделить суши на маленькие кусочки, в то время как я кладу их целиком в рот. Мне нужно рассказать Джессике, что израильяне готовят превосходные суши.

Как только мы закончили ужинать, Эйви поднялся.

— У меня для тебя есть еще один сюрприз.

— Что это? — взволнованно спросила я. До сих пор этот вечер был потрясающим.

— Черт, я кое — что забыл, — он ушел и вскоре вернулся с небольшим букетом цветом.

Я не хочу быть стервой, правда, но Савта получила от моего дедушки целый цветочный магазин. Эйви подумал, что я завтра буду делать с букетом во время двенадцатичасового перелета? Он поставил цветы передо мной. Я стараюсь не показывать свое разочарование, изо всех сладко улыбаясь.

— Тебе не нравятся цветы?

— Нравятся.

Он достал красную розу из букета и подогнул стебелек, а потом сел передо мной на колени и заколол розу в мои волосы.

— Я хотел преподнести тебе что —нибудь памятное, но я не знал, что тебе нравится.

— Поэтому ты выбрал цветы. Они красивые.

Он засмеялся

— Это цветы от моей мамы. Она старомодна. Честно говоря, она специально купила их, чтобы я преподнес их тебе.

Он не романтик, как я думала раньше.

— Идея с суши была великолепной, но, друг мой, сейчас ты стремительно потерял свои очки.

— Подожди здесь, у меня есть еще один сюрприз.

Когда он вернулся, и я увидела его подарок, я не могла в это поверить.

Эйви держал Мутта. На шею щенка весела голубая лента. Он красивый.

— Ты его помыл, — со слезами на глазах сказала я.

— Теперь он официально твой, — он положил Мутта мне на коленки. — Я привел его в порядок, и теперь ты можешь забрать его к себе домой, в Америку.

Не могу поверить, каким чистым и пушистым он стал.

— Арг!

— Я могу забрать его домой?

— Да. Возможно, сначала какое — то время ему придется провести в карантине, но...

Я заглушила его слова поцелуем. Это самая прекрасная ночь в моей жизни.

Оставшуюся часть вечера мы разговаривали, целовались, дурачились и играли с Муттом. Но до того как мы уберем подушки и задует свечи, нам нужно поговорить.

— Так что... полагаю, наш летний роман подходит к концу, — ляпнула я, теребя пальцами браслет на руке. Открыв застежку, я протянула ему браслет.

Эйви наклонился вперед, положив локти на согнутые колени.

— Оставь его себе. Так ты меня не забудешь.

Как будто я могу это сделать.

— Я никогда тебя не забуду. И я понимаю, что я избалованная американская сучка...

— Эми, я сожалею. Если я еще раз тебе это скажу...

— Нет. Я избалованная, потому что хочу поддерживать с тобой связь и возможно в один прекрасный день, после того как ты вернешься из армии, мы могли бы снова быть вместе.

— Это длинная дорога. Если ты будешь встречаться с другим?

— А если ты будешь встречаться с другой? — парировала я.

Он засмеялся.

— Благодаря тебе, я многое узнал о себе.

Приглаживая мою выбившуюся прядь, он заправил ее за ухо, касаясь пальцами моего уха. Когда его пальцы заскользили вниз к ожерелью с еврейской звездой, он сказал:

— Ты действительно Божий дар.

— Нет, это ты.

Когда он наклонился ко мне для последнего поцелуя, я точно знала, что когда — нибудь в другом месте и в другое время я снова поцелуюсь с Эйви.

И в другой раз, возможно, это будет на вершине Крепости Масада.

Конец одной истории — это лишь начало другой

Я вернулась домой в Чикаго. Да, мы с папой прошли долгий путь по возвращению домой.

Я немного нервничала перед предстоящим разговором с Митчем об Эйви, но когда Джессика поведала мне, что после ночи Ravinia они начали встречаться, я почувствовала облегчение. Разумеется, я заставила их попотеть несколько часов, но потом я не выдержала и рассказала им об Эйви.

Итак, мой израильянин — не — парень сейчас служит в армии, чтобы в дальнейшем стать командосом. Как только у него появляется возможность, он пишет мне, что происходит не реже одного раза в неделю. Из его писем я поняла, что пишется не О'Дейд, а Оед, а Морон на самом деле Моран (Боже, спасибо). Ду — Ду до сих пор носит свое прозвище, но, надеюсь, следующим летом все изменится.

Эйви никогда не говорил, что любит меня, но ему и не нужно это делать. Я знаю, он волнуется за меня, так же как и я за него, и любит меня. Ему трудно сказать об этом вслух. Сейчас у нас все хорошо.

В следующем году я с отцом проведу лето в Израиле. На этот раз я планирую устроить двух недельное турне по всей стране. Я могу научить папу нескольким хитростям, например, как сымитировать гортанный звук альпака. Эйви обещал взять отпуск на две недели. Я не могу дождаться того замечательного момента, когда снова с ним увижусь. Савта чувствует себя хорошо, в следующем месяце она пройдет второй курс химиотерапии. Сегодня я отправила ей посылку.

Свадьба мамы и Марка с одной «к» прошла хорошо. Перед свадьбой я и Марк поговорили. Я сказала ему, что он может быть моим другом, но отец у меня уже есть. Он воспринял эту новость лучше, чем я ожидала. Рон тоже был на свадьбе, он сопровождал меня на танцах.

Пока мама и Марк занимаются обустройством нового дома за городом (к слову, они решили построить дом с нуля), я живу в доме отца. Пока я здесь у меня есть много работы... например, мне нужно научить Рона правильно одеваться, чтобы произвести впечатление на женщину. Он еще не совсем готов, но он уже на пути прощания с жизнью холостяка. Все что мне нужно — это найти для него достойную женщину. В тоже время он обучает меня ивриту и временами ругается со своими друзьями, когда речь доходит до пастушества овец.

Я и моя религия? Я занимаюсь с раввином Глассманом в Bait Chaverin (а так как ты не говоришь на иврите, я поясню — в Доме Друзей). Мама была в шоке, когда я ей сказала, что я становлюсь еврейкой. Мама пообещала, что в моем рационе не будет свинины и морепродуктов. Для меня очень важно соблюдать кашрут³⁵.

— Арг!

Да, это Мутт. И да, у моей собаки дефект речи. Я ничем не могу ему помочь, но я очень люблю моего маленького нахала. Он сжевал почти всю обувь мамы, но зато он знает, что мою трогать нельзя. Я думаю, что это болонка, хотя когда он подрастет, он будет весить около девяноста фунтов. Мы вместе прошли через многое, и благодаря ему я полюбила животных.

Меня зовут Эми Нельсон Барак, я вернулась со своих летних каникул из Израиля. Я

узнала о своей семье, наследии, красивой и исторически — богатой земле и любви. Ты не знаешь, но мои разрушенные каникулы оказались лучшими тремя месяцами в моей жизни.

Конец первой части

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Заметки

[1]Раздражение (иврит). Здесь и далее примечания переводчиков

[2]Торговая марка (система цифровой записи телевизионных программ)

[3]Международный аэропорт Ньюарк Либерти — гражданский аэропорт, расположенный в черте городов Ньюарк и Элизабет (Нью — Джерси)

[4] **Хасидизм** (от ивр. «праведность», буквально — «учение благочестия») — религиозное течение в иудаизме, которое в первой половине XVIII века за очень короткое время охватило еврейское население Речи Посполитой и прилегающих территорий. Особенное значение хасидизм придает эмоциональному постижению Бога.

[5]Что случилось?

[6]Все хорошо

[7]Кибуц — сельско — хозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

[8]Брось его на ту улицу

[9]Привет

[10]Американка

[11]Дядя Хаим

[12]Игра слов. С английского Yucky означает «противный»

[13]Привет, я Матан.

[14]Сука

[15]Неонатальный период — период жизни ребенка от момента рождения по 28-й день включительно

[16]Сладкая

[17]Окей

[18]В оригинале Эйви говорит: "Thanks a lot for helping with the sheepS." В английском же языке слово «овца» как в единственном числе, так и во множественном будет Sheep

[19]Отец

[20]Бар — Мицва (древнеевр. "сын заповеди"), в иудаизме обряд инициации, означающий, что еврейский мальчик, достигший 13 лет, становится совершеннолетним в религиозном отношении и возлагает на себя все религиозные обязанности.

[21]Что ты делаешь! — сказал Эйви Ду — Ду

— Почему нет? — спросил Ду — Ду у своего друга

[22]Эми упоминает детскую песню «Mary Had a Little Lamb»

[23]В оригинале Bobblehead. Это игрушка с маленьким телом и большой головой.

[24]Кондоминиум — совместное владение, обладание единым объектом, чаще всего домом, но также и другим недвижимым имуществом. Понятие «кондоминиум» получило большое распространение в ряде государств, в частности в США.

[25]Иммиграционная служба

[26]Иуда Маккавей — исторический персонаж, погибший в 160 году до н. э. в борьбе

против царствовавшего в Сирии Антиоха IV Епифана

[27] Армия Обороны Израиля (ЦАХАЛ) — регулярная призывная армия, основными задачами которой является обеспечение безопасности Израиля и охрана его границ.

[28] Апноэ сна является серьезным расстройством сна, характеризуется частыми перерывами дыхания во время сна

[29] Национальная баскетбольная ассоциация

[30] Игра слов. С английского Moron переводится как болван, идиот.

[31] **Сиэста** (исп. **Siesta**) — послеобеденный отдых, являющийся общей традицией некоторых стран, особенно с жарким климатом.

[32] Калифорнийский университет в Лос — Анджелесе (англ. University of California).

[33] Северо — Западный университет (англ. Northwestern University) — один из старейших университетов в Иллинойсе.

[34] РАВВИН — эксперт в области иудейского религ. закона, а также должность в еврейской общине. Данный термин употребителен преимуществ. у европ. евреев.

[35] Кашрут — это свод законов о разрешенной и запрещенной Торой пище.